

О десятой главе "Евгения Онегина"*

Заметки дилетанта

Михаил Филин

II

У дилетанта всё должно быть просто, в том числе и вопросы – наивные, лишённые наукообразия, риторические... Вот один из немудрёных: что же представляет собою главный сохранившийся текст десятой главы "Евгения Онегина", этот легендарный лист с фрагментами шестнадцати строф? Ответ вроде бы давно известен: это чрезвычайно изощрённая тайнопись, побывавшая некогда в жандармских руках, но так и не расшифрованная; тайнопись, на разгадку которой люди просвещённые и порядочные потратили три четверти столетия – и наградили соотечественников стройными и отчаянно смелыми стихами. Честь и хвала им за это – но всё же попробуем взглянуть на пушкинский документ ещё раз, с не слишком традиционной стороны.

Однако прежде необходимо изложить собственное понимание предмета в целом, наметить отправные точки предстоящего исследования и ту систему координат, в которой будет рассматриваться закодированный текст.

Сотворение настоящего шифрованного документа – дело весьма серьёзное и хлопотливое, требующее определённых (и немалых) знаний, навыков и времени. Такой текст предполагает наличие труднонаходимого ключа к шифру, и ключ – лишь шаг к успеху. Должно тщательно следовать жёстким принципам шифровки, устранять все случайные элементы, сопутствующие работе – в противном случае адресат или любознательный потомок может запутаться; неподчинение этим принципам способно даже загубить текст, свести вероятность связного прочтения к нулю. Считается также, что тайнопись, особенно

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1996. № 5.

рассчитанная на понимание будущих поколений, рождается не в спешке и посему почерк автора, как правило, не коверкается, не ухудшается до неразборчивости, ибо отнюдь не в почерке суть тайнописи и залог её стойкости. Наконец, отметим, что шифруется чаще всего текст окончательный, отшлифованный, беловик, но не черновой набросок: в маскарадных костюмах принято выступать господам, а не их слугам.

Маскарад был по душе и Пушкину. Он уважал и розыгрыш, и талантливую подделку, питал слабость и к тайнописи, литературной и житейской. Поэт частенько фиксировал отзвуки жизни на "тайных листах", и примеров тому хоть отбавляй. Вспомним хотя бы его "донжуанский список" или различные шифрованные записи, доверенные бумаге после бунта 14 декабря – некоторые до сих пор читаются предположительно, иные же принимают капитуляцию учёных и в конце XX столетия. Здесь, в мире кодов и символов, Пушкин по праву числил себя знатоком, и не приходится сомневаться, что при желании он мог быть неразгаданным, придумать нечто в высшей степени замысловатое, такие "чисел тайных письмен", которые не поддались бы ни любовому решению, ни кропотливому анализу.

А теперь, когда обозначены принципиальные вехи, впору обратиться к самой криптограмме.

Она, по тонкому наблюдению Б.В. Томашевского, создавалась не на ходу, а в несколько приёмов: "Пушкин выписывал стихи не в порядке их естественной последовательности, а заполнял свою криптограмму так: сперва выписал все 16 первых стихов, затем (вероятно, в другой раз) выписал 16 вторых стихов. Третьи и четвёртые стихи вписаны, по-видимому, в один приём: они записаны в одну колонку, без перерыва и одним почерком" (Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. М., 1990. С. 585). Факты свидетельствуют, что поэт не был в цейтноте, позволял себе перерывы в работе, и не исключено, что эти паузы могли исчисляться даже днями.

Но вот парадокс из истории пушкиноведения: уже первый публикатор данного текста В.И. Срезневский уверенно заявил в 1906 году, что произведение "писано наскоро". Позднее ему вторил выдающийся пушкинист С.М. Бонди, упомянувший о "торопливом почерке" (Бонди С. Черновики Пушкина. М., 1978. С. 222). Суждение получило весьма широкое распространение, и поэтому нам, прежде чем двинуться дальше, надобно внести небольшое, но бесполезное уточнение. Пушкин, как показано выше, никуда особенно не торопился, и криптограмма писана им не "наскоро" – в том смысле, что поэта поджимало время, а скорее *небрежно* – в том смысле, что автор не заботился о каллиграфии, не придавал значения мелочам, может быть, был слегка рассеян, потому и путался в порядке шифровки стихов,

делал описки и исправлял оные, а кое-где, как утверждают учёные, даже неверно зашифровал строки.

Небрежность сия – многозначительна, и о ней при случае стоит вспомнить. Но не менее любопытна система сокращений и аббревиатур, которую применил Пушкин.

Система довольно обширна и многолика – всего удалось выявить 32 случая её использования, которые можно условно разделить на четыре категории.

Два слова или, точнее, два августейших имени поставлены Пушкиным как бы вне всяких разрядов: они подменены значками-символами, значение которых невозможно уяснить, не имея ключа к криптограмме в целом. Речь идёт о стихах, где упоминаются российские самодержцы – Николай I и его отец, император Павел I:

Авось по манью (Николая)...

и

Предавших некогда (тирана)...

(Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1937. Т. VI. С. 522, 523; далее цитируется это издание).

Другая категория – обычные сокращения, просто недописанные слова: "смирн(ым)", "глуп(ый)", "испр(авят)" и т.д. Тут нет и отдалённого намёка на какой-либо шифр, это обыденная практика поэта. Таких банальностей – 8, и мы не будем их рассматривать.

Зато присмотримся повнимательнее к оставшимся 22 случаям. Из этого ряда можно вычлениить третью, не лишённую своеобразия категорию сокращений и аббревиатур. Казалось бы, они – крепостные шифра, но в приближении таковыми вовсе не являются. Любому неглупому и мало-мальски образованному лицу, столкнувшемуся, допустим, со стихом:

Безрукой К. друзьям Морея... –

не составило бы труда догадаться, кто имеется здесь в виду, ибо некто К., человек, потерявший руку и как-то связанный с событиями в Греции*, был тогда известен всем – это князь Александр Ипсиланти. Столь же понятен и первый стих правой колонки:

Вл. слабый и лукавый...

Сотрудникам III Отделения вряд ли пришлось консультироваться с поэтами, стиховедами или иными аналитиками – и без того видно, что в закодированном стихе подразумевается какой-то "властитель" или "вла-

* Морея или Пелопоннес – полуостров на юге Греции.

дыка". Думается, что по плечу жандармам был и такой стих:

Наш З. в конгр(ессе) говорил...

Выбор здесь сравнительно невелик, к тому же ограничен размером стиха, и расшифровка "З." как "царь" лежит на поверхности. Следом автоматически проявляются и четыре других "З.", а также "Р.З.", означающее, разумеется, "русский царь". И таких псевдошифрованных слов набирается в итоге 8.

Итак, из 32 имеющихся сокращений лишь 16, то есть половина, могут считаться шифром.

Но шифр шифру рознь, и пушкинский порою вызывает определённое недоумение.

К примеру, одно и то же слово поэт то шифрует, то безбоязненно выводит целиком. В левой колонке читаем:

Остервенение народа....

а в правой приходится уже додумывать:

О Р(усский) глуп(ый) наш н(арод)...

Есть и другие аналогичные случаи.

Царит разноречие по части кодирования географических названий. Можно понять, почему зашифрованы "П", "К"., "С" и ещё одно "К.", то есть Париж, Каменка, Сибирь и Кишинёв – эти пункты на карте сразу же ассоциируются с известными событиями эпохи. Но рядом, в соседних стихах, почему-то названы открытым текстом другие, не менее опасные "горячие точки": "Морея", "Пиринеи", "Неаполь"...

Ономастический строй шифра столь же непоследователен, как и топонимический. Вроде бы сокрыты от нескромных и недружелюбных взглядов 8 имён. Однако поблизости никак не завуалированы прочие "исторические лица": "безпокойный Никита" или Никита Муравьёв, идеолог северных декабристов, "всадник Папою Венчаный", в коем мгновенно узнаётся Наполеон, и т.д. Упомянем здесь же "потешный полк Петра Титана" – его нельзя ни с кем перепутать, единственный и славный Семёновский полк.

Не зашифрованы и фрагменты текста, которые, по всем признакам, требуют утаивания, ибо содержание их вполне может классифицироваться как крамола. Наивно думать, что правительство одобрило бы такой стих:

Орла двуглавого щипали...

Или другой, неслышанно оскорбительный и узнаваемый, бичующий

императора Александра I:

Плешивый Щёголь Враг труда...

Вдобавок ко всему тут над последним словом стиха в автографе водружён некий значок (не отмеченный в Большом Академическом собрании сочинений поэта), и этот загадочный иероглиф чем-то похож на вензель "А".

Шифр Пушкина уязвим и по иной причине. Хотя документ и напоминает стихотворную анархию, но даже беглое прочтение хаотических с виду строк позволяет определить, что они повествуют об определённом царствовании и известных, подчас неприятных для властей событиях в России и мире. Это откроется и тому, кто не обладает ключом к шифру – достаточно выудить из криптограммы нужные стихи, а то и отдельные слова – те, что принято величать "знаковыми". Вот их образчики из левой колонки:

Орла двуглавого щипали...
Они за рюмкой русской водки...
Над нами З-вал тогда...
Моря достались Албиону...

А вот их сородичи справа:

Гроза 12 года...
Тряслися грозно Пиринеи...
Так было над Невою льдистой...
Волкан Неаполя пылал... и т.д.

Несложно представить такую, неприятную для поэта, ситуацию: тайная полиция, раздобыв закодированный лист и вычитав из него явно подозрительные строки, могла, не мудрствуя лукаво, потребовать у Пушкина объяснений. Такие моменты поэту приходилось переживать прежде, например, в кабинете графа М.А. Милорадовича, и он заведомо знал: повторение реально, а выйти из кабинета победителем – ох как непросто.

Непросто и нам, читателям, – недоумениям нет конца. А ещё выясняется, что не кто иной как С.М. Бонди нанёс по пушкинскому шифру чуть ли не самый сокрушительный удар. Напомним: П.О. Морозов расшифровал в 1910 году криптограмму, вычленив из беспорядочного текста строки, напоминавшие фрагмент стихотворения "Герой"; по аналогии он определил и последовательность расположения прочих стихов десятой главы "Евгения Онегина". Но вот как оценил открытие маститый пушкинист: "Между тем прочесть этот шифр ничего не стоило и без этой счастливой случайности. Нужно было только

обратить внимание на рифму: выписать вместе все рифмующие слова, и тогда, комбинируя их по смыслу, легко было бы составить нужные правильные четверостишия" (Бонди С. Черновики Пушкина. С. 185). Вот именно: "ничего не стоило"; и мы уверены, что в случае крайней нужды до изложенной методы могли бы додуматься и в III Отделении. Либералы и революционеры всегда держали сотрудников тайной полиции за недоумков, но у жандармов – как, впрочем, и у "прогрессистов" – были разные интеллекты, встречались и люди выдающихся способностей. Среди них во все времена обретались путилинны, многоопытные и честные, – так что негоже оспаривать профессионализм русских спецслужб. Тогда, в пушкинскую эпоху, им приходилось разрешать головоломки и посложнее криптограммы поэта.

Суммируя вышеизложенное, мы получаем ответ, который заметно отличается от господствующего в пушкиноведении. Там, как правило, принято говорить о неприступности текста, умиляться хитроумию Пушкина, сумевшего в очередной раз обвести вокруг пальца всегдашних притеснителей. Иными словами, недоумений, связанных со странностями шифровки, почти никогда не возникает; сама же криптограмма трактуется сугубо в политическом плане, а мотивации пушкинского поступка придаётся характер одномерный и прямолинейный.

На поверку же выходит, что система пушкинского шифра не только не разработана до мелочей, но и в разработанной части она противоречива, применяется избирательно, иногда как бы случайно, не распространяется на весь текст. Шифр поэта не похож на те, что использовались им ранее: он небрежен, хранит отпечаток некоей рассеянности, лишён вдохновенной смекалки. Наконец, принципы, положенные Пушкиным в основу тайнописи, не обеспечивают высокую степень защиты информации и допускают дешифровку как отдельных фрагментов, так и всего текста.

Мы склонны думать, что изъяны шифра соответствовали стадии работы над "Евгением Онегиным". Пушкин зашифровал в Болдине в 1830 году не окончательный текст десятой главы, а промежуточный, завершённый к тому часу вариант, скорее всего неполный. Он *предполагал* трудиться над ним и далее, постепенно готовясь к *решающему* часу. А пока фиксировалась пройденная часть пути, и несовершенство шифра стало прямым следствием незавершённости поэтического текста.

Обычно считается, что Пушкин, закодировав в Болдине созданное творение, там же вскоре его и сжёг, бросил оригинал в пылающую печь. Тем самым пушкинисты утверждают, что указанные действия поэта взаимообусловлены и принадлежат одному хронотопу: они единовременны и единоместны. Логика тут, безусловно, есть, да вот задача – нет никаких доказательств того, что потаённая глава была

сожжена в отрезанной от мира деревне. Также не доказано, что уничтоженный текст идентичен воспроизведённому в болдинской криптограмме; наверное, выяснить это доподлинно уже никогда не удастся. Зато есть основания для иного предположения: мол, в деревенской глуши был зашифрован предварительный вариант, а другой, окончательный, сожжён в отдалённом от Болдина месте, в столице, причём гораздо позже, спустя много месяцев.

Ну а когда именно – об этом мы попытаемся рассказать в следующей "Заметке дилетанта". Здесь же, заикнувшись о том, что драматические события не укладываются в рамки единого хронотопа, придётся ответить на справедливые и довольно каверзные вопросы. Обратившись мысленно во введливых оппонентов, сформулируем "вопросительные крючки" по возможности беспощадно – например, вот так.

1. Зачем Пушкин зашифровал болдинский вариант десятой главы, коли пока не собирався её уничтожить?

2. Почему поэт остановился на шифре примитивном, допускающем разоблачение?

3. Если впоследствии был сожжён иной, окончательный текст, то что в этом случае случилось с болдинским беловиком?

Последний вопрос – пожалуй, самый простой. Вероятно, закодировав написанные в Болдине строфы, Пушкин попросту избавился от беловика за его ненадобностью. *Однако эту акцию никак нельзя назвать уничтожением: последнее подразумевает завершение работы, прощание с текстом; здесь же труд только приостанавливался, а сам текст продолжил существование, он лишь менял обличье.*

Другие "крючки" посложнее. Парадоксы, выглядывающие из этих вопросных пунктов, попробуем вписать в контекст тогдашних российских реалий и совместить с известными нам особенностями поведения Пушкина в критические моменты. И сразу же оговоримся: поэту не к лицу роль этакого революционера-конспиратора, бредящего подпольем и симпатическими чернилами – а именно сей шутовской кафтан на него упрямо натягивают полтора столетия. Пушкинские шифры, творческие и бытовые, – иной природы, если угодно – высшей; они не имеют ничего общего с пошлой практикой сонмища прославленных псевдонимов. И отношения Пушкина с правительством всегда, даже в наиболее трудные периоды, определялись не логикой революционной борьбы, а *мудростью и терпимостью обеих сторон*, хотя, конечно, и то, и другое визави зачастую понимали по-разному.

Шифруя в Болдине завершённые строфы десятой главы "Онегина", Пушкин, несомненно, имел в виду пресловутый русский "авось", недавно им воспетый. Он действовал по принципу: "Бережёного Бог

бережёт" – ибо никогда не отрицал разумную практичность и осмотрительность, что подтверждают и его друзья-мемуаристы. А прагматизм был как нельзя кстати осенью 1830 года: свирепствовала холера, лютовали стражники на кордонах, всяк проезжающий мог оказаться в карантине или скончаться в собственном тарантасе. Вещи и бумаги путника при этом запросто терялись или препровождались вовсе не по адресу. А так – хоть плохонький, но всё же шифр, не по зубам он уездным олухам, авось ничего не поймут или в суматохе не станут возиться; к тому же и почерк неряшливый, и слова заменены буквами, и имена императоров, в том числе ныне здравствующего, надёжно упрятаны под безмолвными загогулинами...

Всё очень просто, и в то же время всё витиеватее. Ведь недаром тогда же, в "болдинскую осень", легло на бумагу программное, сокровенное:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю... (VII, 180)

Этот девиз, высвечивающий глубины души поэта, способен, кажется, приподнять завесу и над тайной болдинской криптограммы.

Ещё в 1827 году Пушкин, играя на бильярде со своим приятелем Алексеем Вульфom, сказал: "Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову – пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря" (А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. I. С. 416). Десятая глава "Евгения Онегина" – может быть, не прямое, но следствие этого разговора, отражение интереса поэта к современной истории. Однако ни на минуту не забывалось, что после возвращения из ссылки и прощения былых грехов у него был персональный цензор – сам император Николай. И если на высочайшее рассмотрение полагалось отправлять любую безделицу аполитичной Музы, то произведения злободневные, пронизанные аллюзиями, затрагивающие государственные интересы, подлежали царскому приговору и подавно. И всё же Пушкин был уверен, что писать о недавних временах – "можно", и можно потому, что писания не лягут на дно ящика, долгого и безнадёжного, молодой император прочтёт и правильно поймёт их, поймёт и одобрит, а там, глядишь, и дозволит передать написанное в типографию, хотя бы под личную ответственность автора. Надо сказать, что у поэта были причины верить в благополучный исход дела с десятой главой: вспомним, к примеру, внимательное изучение государем записки "О народном воспитании", составленной Пушкиным в 1826 году, или рыцарское поведение Николая в ходе следствия по поводу треклятой "Гавриилиады". И вообще – после смерти Карамзина никто из русских

художников, похоже, не был ближе Пушкина к престолу, никого не считали "умнейшим человеком в России", ни к кому не прислушивались, как к мыслителю, столь внимательно и часто*.

Таким образом, прецеденты были налицо, предпосылки для высочайшего одобрения десятой главы вроде бы существовали, и свои шансы в столь деликатном предприятии Пушкин, вероятно, оценивал достаточно высоко. Но поэт не мог не понимать, что и преграды перед ним высились серьёзные и многочисленные.

Сочинение превосходило по остроте и правдивости всё, что было опубликовано в России об александровском царствовании и о чём дозволялось высказываться прилюдно. Оно давало сжатый, но ёмкий очерк истории декабризма и хотя испытывало, как показано, влияние официальных документов, но допускало и более широкое, объективное, подчас даже как будто сочувственное отношение к неудачливым бунтовщикам. Более того, в десятой главе "Онегина" обсуждались революционные бури в тогдашней Европе, и именно обсуждались, а не клеймились с порога. Можно уверенно подытожить, что пушкинский текст властно задавал новые, ещё не виданные и потому ошеломляющие нормы восприятия скончавшейся эпохи, производил резкий сдвиг или даже перелом в общественном мнении, и посему утвердить или отвергнуть эти историсофские новации мог только Николай I – и как цензор Пушкина, но ещё более как российский самодержец.

А ведь в России – как назло – было тогда неспокойно. Империя пребывала в страхе и неразберихе. Холера отправляла на погост целые деревни, выкашивала волости. Во многих губерниях вспыхнули народные волнения, на дорогах шалили средь бела дня. Ширился польский бунт, исподтишка вдохновляемый европейскими державами – и сам Пушкин был убеждён, что повторяется грозная ситуация 1812 года.

* Предвидим возражение: В.А. Жуковский был много ближе и к императору, да заодно и ко всей августейшей семье. Да, однако это была близость иного рода – домашняя, походившая на уютную семейную дружбу, в значительной мере обусловленная тем, что Василий Андреич воспитывал наследника престола.

Здесь же с удовольствием поведаем о поистине удивительном эпизоде. Николай I, отправляясь в 1835 году в Европу на встречу с Фридрихом-Вильгельмом Прусским, составил для наследника, будущего императора Александра II, заветные с советами, как действовать при вступлении на трон. П.М. Бицилли убедительно доказал, что эта инструкция почти всецело совпадает с последним монологом пушкинского Бориса Годунова (Бицилли П. Пушкин и Николай I // Звено. Париж, 1928. № 6. С. 297–305). Очень похоже на то, что царь знал "Бориса Годунова" наизусть.

Конечно, в такие дни и месяцы не могло быть и речи о том, чтобы вручить Николаю I заветную "хронику" – слишком сильны и оправданны были тогда охранительные тенденции в помыслах и поведении царя. Для успеха задуманного требовался *исключительно благоприятный момент*: совершенно безоблачная политическая погода и душевное спокойствие императора. Ошибка в выборе момента была равносильна краху, ибо второй попытки ждать не приходилось: и венценосец не отменял первоначальных решений, и подданный слишком высоко ставил дворянскую честь.

И Пушкин, написав в Болдине великолепные строфы, решил ждать – столько, сколько нужно. Чересчур велика была ставка – не то что в давней партии на бильярде, пришлось смириться и терпеть. И всё-таки ждал он не пассивно, как наверняка поступили бы многие, а по-иному. Можно сказать – истинно по-пушкински, неповторимо.

Зашифровав десятую главу, как говорится, на всякий случай, поэт намеревался в период ожидания постепенно дорабатывать текст, готовя его к единственному приемлемому мигу. И всё выглядело бы вполне естественно, "как у людей" – если бы не шифр...

На примере болдинского шифра хорошо заметна разность между Пушкиным и простым смертным.

Ибо он, Пушкин, сконструировал нечто в высшей степени изящное, если не гениальное: он закодировал строфы незатейливо – так, чтобы при определённом стечении обстоятельств они могли быть поняты современниками или даже прочитаны, а потом, после ознакомления, препровождены главному в империи лицу. *Поэт как бы провоцировал желанную развязку.*

Он всеми силами откладывал объяснение с императором – и тут же исподволь форсировал события, торопил высочайшую рецензию.

Теперь, когда появилась на свет немудрёная криптограмма, всё могло произойти как будто само собой, помимо его воли.

Покидая в 1830 году Болдино и увозя в багаже зашифрованную десятую главу, Пушкин ехал навстречу неизвестности – и *бросал вызов судьбе.*

Он "глядел вперёд без боязни": такие вещи были для него не в диковинку и раньше.

Позднее поэт так же повёл себя и на Чёрной речке: первым подошёл к барьеру, встал на краю "бездны мрачной" – провоцируя выстрел врага, но и страстно желая победить и жить...

Продолжение следует

"Мне было сказано: ...ты будешь подмастерьем..."

Масонская символика в творчестве М. Волошина*

А.А. ШУНЕЙКО,

кандидат филологических наук

А теперь от масонской традиции, связанной с Ветхим Заветом, перейдём к традиции, опирающейся на Новый Завет, и её воплощению в творчестве поэта-масона.

Святой Грааль – один из важнейших мистических символов масонства, эзотерического христианства и оккультизма. Его запутанная и полная тайны история два тысячелетия будоражит умы исследователей. Но время мало что прояснило в интерпретации легенды. По-видимому, Тайна Грааля, подобно самому Граалю, может открыться только посвящённому, способному прозреть во внешне обычном сосуде изумрудную Чашу.

Легенда гласит: Святой Грааль был сделан из лучистого камня (изумруда), который Архангел Михаил выбил огненным мечом из короны Люцифера. Христос пил из этой Чаши во время Последней Вечери, а Иосиф Аримафейский принёс Грааль на место распятия и собрал в него кровь Христа. Став стражем реликвии, Иосиф вместе с Чашей отправился в отдалённую страну (аббатство Гластонбэри или волшебный замок на горе Сальват). В рыцарской традиции поиски Святого Грааля символизируют вечный поиск истины. Некоторые исследователи видят в этом аналогию с масонской легендой об утерянном Слове. Другие рассматривают Грааль как сосуд, содержащий жизнь мира, что перекликается с ранними легендами о Граале, описывающими Чашу как рог изобилия, или символ телесной природы человека – вместилище для сущностей иных миров. «Для христиан поиски Святого Грааля есть поиск собственного "Я", открытие которого знаменует завершение *Великой Работы*» (Холл Мэнли П. Указ. соч. С. 357–358, 701–702). «О Мистериях Грааля Х. Дженнингс писал: "Совет Рыцарей, или Братство Святого Грааля, был отражением священных уз, благословенных таинством, которое объединяло благородных и

* Окончание. Начало см.: Русская речь. 1997. № 2.

мистических Розенкрейцеров. Это были подлинные стражи великих Мистерий"» (Там же. С. 690). Мистицизм раннего христианства, средних веков и последующего времени немислим без легенды о Граале.

У Волошина есть прямые отсылки к этой легенде, повторяющие её содержание: "Бродит осень парками Версаля, /Вся закатным заревом объята.../ Мне же сняты рыцари Грааля/ На скалах суровых Монсальвата" (Волошин М. Избр. стихотворения. М., 1988. С. 45). В очерке "По глухим местам Испании" читаем: "Экзальтированная фантазия средневековья перенесла сюда мечтательную фигуру Парсифаля, и, по легенде, рыцари св(ятого) Грааля невидимо собираются и теперь на этой безлесной вершине" (Волошин М. Путник по вселенным. С. 61).

Но есть у поэта строки, в которых облик Святого Грааля изменён, неканоничен: "Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы/ Не отдадим за все забвенья Леты!/ Грааль скорбей несём по миру мы,-/ Изгнанники, скитальцы и поэты!" (Волошин М. Избранное. Минск, 1993. С. 39; далее – только стр.), "На духов воль надетая узда,/Грааль борьбы с причастьем горькой соли./ Голгофой душ пребудешь ты, доколе/ Земных времён не канет череда" (92). Что стоит за этим спором с традицией, в чём изменён облик Грааля?

Оба отрывка из венков сонетов, мистически изображающих мироздание: CORONA ASTRALIS, LUNARIA. Во втором случае описана Луна, в первом "мы" – близкие по духу поэту люди. Оба отрывка находятся в окружении слов, обозначающих неволю, плен, какую-то обязанность. И ни слова о поисках Грааля: он не только найден, не только обрётён, но и является священным бременем, совершенно не предполагающим никаких аналогий с материальной жизнью. Поразному воплощаясь, он остаётся духовным символом постигнутой тайны, доверенной избранным и явленной в виде скорби, борьбы, смирения. Он – элемент мироздания, подобный планете или звезде, и одновременно элемент внутреннего состояния человека. Традиционная история Грааля соотносится с причащением (сначала он – вместилище вина, затем – крови: вино превратилось в кровь) и, следовательно, возрождением, соединением с Богом и вечной жизнью. У Волошина же Грааль – знак состояния мира, когда возрождение невозможно, сигнал тайны об истинной причине мировой скорби. Волошин ощущает себя одним из защитников и хранителей Грааля. А поскольку защитники и хранители Грааля – Тамплиеры, передавшие свои тайны масонству, то получается, что Волошин один из них.

Тамплиеры. Тема Тамплиеров в жизни и творчестве Волошина обозначилась довольно рано. В статье "Национальный праздник 14 июля в Париже" находим: "Из-за чёрных спин видны большие купы столетних деревьев, растущих на полуострове, (...) где происходил последний акт трагедии Тамплиеров" (Волошин М. Путник по вселенным. С. 111).

Частично она рассмотрена в брошюре В.И. Новикова "Масонство и русская культура" (М., 1993). Там есть отсылка к воспоминаниям А.В. Амфитеатрова о том, что Волошин по ночам ходил на остров Иль де Жюиф перед Собором Парижской Богоматери, где были сожжены Тамплиеры, и, благодаря своему мистическому дару, различал их предсмертные стоны. В брошюре помещена развёрнутая цитата из статьи Волошина "Пророки и мстители", завершающейся стихотворением "Ангел Мщенья": «В тех местах, где на стенах церквей и зданий тамплиеры вырубili свои тайные знаки и символы, страшные "знаки Рыб", во время революции разразились кровавые безумства с неудержимой силой ... Во время сентябрьских убийств какой-то таинственный старик громадного роста, с длинной бородой, появлялся везде, где убивали священников... Он рубил направо и налево и весь был покрыт кровью с головы до ног. Борода его слиплась от крови, и он громко клялся, что вымоет её кровью... После казни Людовика XVI этот самый вечный жид крови и мести поднялся на эшафот, погрузил обе руки в королевскую кровь и окропил народ, восклицая: "Народ французский! я крещу тебя во имя Якова и свободы"» (Новиков В.И. Масонство и русская культура. С. 53–54).

Стихотворение "Ангел Мщенья" (1906) – монолог, обращённый к русскому народу, в котором запечатлён сюжет мести Тамплиеров, но уже применительно к другой стране (России), другой революции (1905 года) и другой монархии (Романовым). Здесь поэтически воплощены мотивы, намеченные в статье "Пророки и мстители". Это наиболее насыщенное тамплиерской символикой стихотворение, но не единственное на эту тему. Строки "Тени Невидимых жутко громадны./ Неосвязаемо близки впотьмах./ Память – неверная нить Ариадны – / Рвётся в дрожащих руках" (22) были написаны за год до его создания. Но и таинственный старик, упоминающий имя последнего магистра Тамплиеров, и Ангел, от имени которого возмещается страшное кровавое искупление, и Невидимые, напоминающие о своём постоянном присутствии, – всё это различные названия представителей братства, о котором Волошин не один раз говорил с Анной Рудольфовной Минцловой, не только запоминая, но и записывая её слова: "Вы знаете, я нашла как раз в день отъезда из Саутгемптона книгу ... и потом я говорила об этом. Они теперь ещё существуют. Да. И их реликвии хранятся в Париже. Во многих церквях есть их знаки. В Notre Dame есть. Notre Dame раньше была их церковью. Немудрено, потому что на её месте был раньше храм Изиды. И в тех местах, где были оставленные ими знаки, там во время Революции проносился вихрь безумия. Там всё начиналось. Вот где мэра женщины своими ножами дрезали и резали его тело" (Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. С. 242). Историческое, мистическое и эстетическое

осмысление фактов идёт у Волошина параллельно, но этому часто предшествовали беседы с Анной Рудольфовной Минцловой. Именно она – первоисток многих художественно воплощённых эзотерических откровений поэта.

Проблему Тамплиеров Волошин воспринимал в контексте общей идеи исторического возмездия за грехи мира. Поэтому и русская и французская революции видятся ему как проявление справедливости, восстанавливаемой мистическими силами. Русскую революцию 1905 года предрекала "атмосфера страха, которая сгустилась вокруг последнего из Романовых, заражала всех. Казалось, что кто-то, до совершения грандиозного жертвоприношения, начертил круги и пентаграммы и написал ритуальные заклинания" (Волошин М. Путник по вселенным. С. 94). О том же поэт говорит в стихах: "Уж занавес дрожит перед началом драмы,/ Уж кто-то в темноте – всезрящий, как сова,/ Чертит круги и строит пентаграммы,/ И шепчет вещие заклятья и слова" (Волошин М. Избр. стихотворения. С. 63). В описаниях французской революции отсылки к Тамплиерам присутствуют постоянно: "Точно пламя гудели напевы./ И тюремною узкою лестницей/ В башню Тампля к окну королевы/ Поднялась я народною вестницей" (Там же. С. 71). Понятие мистического круга важно для Волошина и в иных ситуациях: "Не преступлю и не нарушу,/ Не разомкну условный круг" (46), "Где двадцать лет зарезанный младенец/ Чертил круги, как нетопырь" (120), "Всё кончено. Петровский замкнут круг" (151). Везде "круг" – показатель границ мистического пространства, внутри которого находится поэт или совершаются какие-нибудь важные исторические события.

Французская революция исторически связана с Тамплиерами – основателями первых масонских лож. С Тамплиеров начинается новая, документальная история масонства. Она тоже не обойдена вниманием в творчестве Волошина.

Новая история. Обратимся к лозунгу французской революции "Свобода, равенство и братство". Масонский по своему происхождению, он стал всеобщим революционным символом. В миропонимании Волошина революции закономерны, лозунг же, под которым они проходят, может оказаться ложным.

Много раз поэт возвращается к триаде, переосмысливая, прилагая к различным этапам становления человечества, тем самым испытывая её жизнеспособность и истинность в самом широком контексте. Так, в главе "Кулак" из трагедии "Путями Каина", говоря о "кулачном праве", поэт сообщает: "Их равенство – в предельном напряженье / Свободных мускулов; / Свобода – в равновесье / Звериной мощи с силами природы" (Волошин М. "Средоточье всех путей..." С. 156). При этом он видит преемственность между первобытным пониманием лозунга и временем "народных мятежей", когда девиз был начертан на кровавом стяге,

зажатом "...в кулаке / Твоём, первоубийца Каин!" (Там же). В главе "Бунтовщик" Волошин возвращается к анализу лозунга и показывает, что ни по частям, ни в целом к реальной жизни человечества он отношения не имеет: "Свободы нет", "Нет братства...", "Нет равенства..." (Там же. С. 168). Громкие слова оборачиваются для человечества "тюрьмой", "братством Каина" и "равновесьем", а следовательно "Не в равенстве, не в братстве, не в свободе, / А только в смерти правда мятежа" (Там же). Принципиально важно, что при описании "равновесья" автор использует масонские символы "стен" и "свода". Возникает вопрос: а не противопоставляет ли Волошин одной масонской традиции другую, не говорит ли он об отсутствии внутреннего единства в самом масонстве, как явлению истории и культуры?..

Постоянное подчёркивание безжизненности знаменитого лозунга – сигнал его неприятия. Наличие триады при изображении революций – знак исключительно отрицательный: "Она мне грезилась (...) Зовущей к пороку, свободе и железу" (173). Устремления русской революции окрашиваются в схожие тона: «Забравши весь хлеб, о "свободах" / Размазывать мужикам» (130), "В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства – / Верь в человека" (174).

Анализ лозунга – не единственное обращение Волошина к новой истории масонства. На эпическом полотне поэмы "Россия" (1924) запечатлены имена многих масонов. Вот только некоторые из них: "Как медиум, опорожнив сосуд / Своей души, притягивает нежить, – / И пляшет стол, и щёлкает стена – / Так хлынула вся бестолочь России / В пустой сквозняк последнего царя; / Желвак От-Цу, Ходынка и Цусима, / Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф..." (150), "Отвергнутый царями разночинец / Унёс в себе рабочий пыл Петра / И утаённый пламень революций: / Книголюбивый новиковский дух, / Горячку и озноб Виссариона" (152), "При русских грамотах на благородство, / Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьёв, – / Мы шли путём не их, а Смердякова – / Через Азефа, через Брестский мир" (155). Среди упомянутых в этих отрывках лиц масонами точно были: Филипп, Папюс, Пётр, Новиков, Пушкин, Тютчев. Несложно заметить, что Волошин порозному относится к этим людям: Филипп, Папюс упомянуты в отрицательном контексте, Пётр, Новиков, Пушкин, Тютчев – в положительном. Следовательно, не сам факт принадлежности к братству, а миссия, выполняемая тем или иным лицом, является для Волошина определяющей при оценке роли масона в историческом процессе. Не случайно поэт имена людей и имена событий помещает в один ряд как равнозначные сущности – человек равен событию и по событию его следует оценивать.

"Холодный рот. Щёки бесстрастной складки / И взгляд из-под усталых век... / Таким тебя сковал железный век / В страстных огнях

и бреде лихорадки" (79). Так начинается Волошин стихотворный "облик" своего друга Ропшина, то есть Бориса Савинкова – одного из значительнейших деятелей русской революции, масона. Что означает для Волошина тема кузни и кузнечного дела, мы уже знаем. Это обстоятельство важно и при описании Савинкова: "Ваша судьба глубоко волнует меня. В революциях меня всегда пленяла сказочность неожиданных превращений: человеческих взлётов и падений. Только они выявляют на мгновенье скрытые лики руководящих сил" (364), «...я только в Вас вижу наст(оящего) "литейщика", действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей» (365). Сам же "литейщик", выявляющий "скрытые лики руководящих сил", характеризовал себя более осторожно: "Думаю о Вирте, – писал он Волошину в 1915 году. – Боюсь. Боюсь лжи, т.е. что я, в сущности, вовсе не масон" (368). Сомнения, одолевавшие Савинкова, приоткрывают черты характера истинного масона в понимании Волошина. Настоящий масон не тот, кто только формально принадлежит к ордену, но тот, кто постоянно соизмеряет свои поступки с собственным предначением и сложившимся у него в сознании масонским идеалом.

Этим качеством в полной мере был наделён сам поэт, неоднократно возвращавшийся к анализу мистических переживаний, связанных с масонством. Причём, вовсе не с точки зрения хвалебной публицистики, а, как пытливый исследователь, умеющий объективно оценить складывающуюся картину.

Инициация. В 1911 году Волошин написал стихотворение "Обманите меня...", впервые оно было опубликовано 5 мая 1915 года в "Биржевых ведомостях" под названием – "Встречной". Название это не сохранилось, поэт наверняка посчитал его чересчур литературным – к тексту оно не имело никакого отношения. При всём желании в стихах не удаётся отыскать ни описания случайной встречи, ни любовного свидания. Они совершенно о другом: "Обманите меня... но совсем, навсегда... / Чтоб не думать – зачем, чтоб не помнить – когда... / Чтоб поверить обману свободно, без дум, / Чтоб за кем-то идти в темноте наобум... / И не знать, кто пришёл, кто глаза завязал, / Кто ведёт лабиринтом неведомых зал, / Чьё дыханье порою горит на щеке, / Кто сжимает мне руку так крепко в руке... / А очнувшись, увидеть лишь ночь и туман... / Обманите и сами поверьте в обман" (48).

Это стихотворение – зашифрованное изображение масонской инициации. Поэтически воспроизводятся испытания, которым подвергается неопит (новообращённый) в храме. Обилие многоточий, обозначающих фигуры умолчания, сигнализирующих о том, что поэт не всё может и хочет сказать, тем не менее не затемняет общую картину, так как основные фазы действия представлены чётко. "Идти в темноте наобум" – обозначение входа в храм. Следующее за ним многоточие

скрывает время, которое неофит проводит один в тёмном помещении комнаты для размышлений; "кто пришёл, кто глаза завязал" – завязывает глаза обычно поручитель или брат-устрашител, который ведёт затем неопита "лабиринтом неведомых зал", чередой помещений, где проходят испытания; следующее многоточие скрывает уже непосредственно вход в ложу. Вот какие события наполняют непонятный на первый взгляд текст.

История русской литературы знает не менее знаменитое описание инициации: пушкинского "Пророка", внутренне соотносимого со стихотворением Волошина. Оба текста состоят из синтаксически однотипных конструкций, связанных повторяющимися союзами... Динамичные строки "Пророка" Волошин воспринимал как воплощение обряда инициации: «...читает пушкинского "Пророка". И он мне грудь рассёк мечом... И в моей душе встаёт тот страшный жест посвящения, который рассекает грудь с право(го) плеча поперёк» (Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. С. 257).

Многочисленные примеры из русской литературы показывают обряд посвящения как важное и яркое событие в жизни масона. Вспомним классические сцены из "Войны и мира", страницы последнего романа А.Ф. Писемского или булгаковского Мастера. Писатели показывают нам различные аспекты действия. Если для Булгакова важен сам момент посвящения, то Волошину интереснее таинственная подготовка к нему.

Стихотворение "Обманите меня..." – оценка масонства на определённом этапе духовного становления Волошина, отразившая его стремление возвратиться к первоначально наивному впечатлению от обряда, эмоциональному ощущению, не замутнённое холодным рассудочным анализом. Общее же отношение к масонству запечатлено в стихотворении "Подмастерье".

Подмастерье–мастер. Стихотворение "Подмастерье", написанное 24 июня 1917 года и посвящённое композитору, пианистке, теософу Ю.Ф. Львовой, Волошин определил как свой "поэтический символ веры". *Поэтический* здесь следует понимать в более широком смысле слова, стирающем границы между искусством и жизнью. В стихах сплавлены воедино восприятие секретов творчества, нравственные и мистические приоритеты. Текст воссоздаёт сложный путь превращения подмастерья в мастера. В статье "О поэтическом творчестве Максимиана Волошина" А.В. Лавров отмечает: «...самой фактурой текста поэт стремится убедить в том, что становление "мастера" из "подмастерья" – это и путь от броской красоты к внешней безыскусности, от ученического овладения "книжными" образцами к не стеснённой никакими внешними рамками свободе в обращении со стихом и словом» (Волошин М. Избр. стихотворения. С. 26).

С первых строк Волошин противопоставляет себя общепринятому

представлению о стихотворце: "Мне было сказано: / Не светлым лириком, что ниже / Широкие и щедрые слова / На вихри струнные, качающие душу, – / Ты будешь подмастерьем / Словесного, святого ремесла, / Ты будешь кузнецом / Упорных слов, / Вкус, запах, цвет и меру выплавляя / Их скрытой сущности, – / Ты будешь / Ковалом и горнилом" (94). Отличительные черты поэта опять же устойчиво связаны с кузнечным делом и отсылают нас к масонской традиции. Далее следует утверждение: "Нет грани меж прозой и стихом..." Оно воспринимается как частная проекция более общего положения, стирающего границы между жизнью подмастерья и его делом: "Для ремесла и духа – единый путь: / Ограниченье себя". Достигается этот путь последовательным отказом от "радости переживаний жизни", чувства, воли, мысли. И когда последнее ограничение достигнуто, – "тогда / Из глубины молчания родится / Слово, / В себе несущее / Всю полноту сознания, воли, чувства, / Все трепеты и все сиянья жизни".

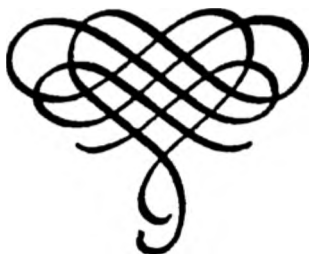
В определённый момент как результат странствий по микро- и макрокосму возникает осознание высшей цели, соединяющей поэта и божество в единое целое, уравнивающей первого и второго: "...Что всюду – и в тварях, и в вещах – томится / Божественное Слово, / Их к бытию призвавшее, / Что ты – освободитель божественных имён, / Пришедший изназвать / Всех духов – узников, увязших в веществе / Когда поймёшь, что человек рождён, / Чтоб выплавить из мира / Необходимости и Разума / Вселенную Свободы и Любви, – / Тогда лишь / Ты станешь Мастером". Так заканчивается это удивительное стихотворение, где стать Мастером значит стать Богом, соединившись со Вселенной. Но стать Богом – значит найти потерянное слово, освободить божественные имена. То есть путь от подмастерья к мастеру укладывается в рамки масонской легенды о потерянном Слове. Если же вспомнить о неразделимости судьбы и творчества Волошина, то можно сказать, что весь свой жизненный путь он осознаёт как путь масона.

Сложно представить себе масштабы этого пути – от мифологического Тубалкаина до оригинального русского поэта первой половины XX века. В своей "Автобиографии" Волошин сумел обозначить его всего несколькими словами: "5-е семилетие: Блуждания (1905–1912). Этапы блуждания духа: буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Р. Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера" (Волошин М. Стихотворения. С. 350). Всё творчество поэта – расшифровка этих слов.

Рассматривая масонские символы в литературном наследии Волошина, мы стремились, в первую очередь, назвать и содержательно прокомментировать их, подбирая примеры так, чтобы читателю было видно многообразие форм и способов собственно языковой реализации отдельных элементов этой сложной системы. Отсюда большое коли-

чество цитат, характеризующих различные фиксации символов: от слова – к тексту и всему идиостилю. Масонский символ, таким образом, может быть воплощён в обладающей значением языковой единице (или их комбинации) любого уровня.

Созданное Максимилианом Волошиным по своим масштабам соотносимо с многотомной энциклопедией эзотеризма. Не всё в этой художественно воплощённой энциклопедии оценивается автором одинаково. Какие-то стороны, черты масонства и его представителей получают положительную оценку, какие-то – отрицательную. Если попытаться отделить факты со знаком "+" от фактов со знаком "-", то придётся признать, что ни один из привычных критериев (эпоха, государство, национальность и т.п.) не позволяет провести разграничения. Вероятно, граница проходит глубже, в неведомых мистических сферах. Восприятие Максимилианом Волошиным масонства запечатлело в себе ту трагическую двойственность ордена, которая отмечается наиболее проницательными из современных исследователей его истории.

Писатель и его читательВ ПОИСКАХ
ПРЕДЕЛОВ
СМЫСЛА*В.Н. КЛЕЩИКОВА*

Язык и речь, каноническое и окказиональное, нормативное и недопустимое... Соотношение, взаимодействие и противостояние этих понятий – в лингвистике вечный камень преткновения, страсти вокруг которого то разгораются, то затихают, чтобы вспыхнуть снова, – замысловатый, таинственный лабиринт, где не существует единой путеводной нити, так как здесь нет и не может быть однозначных и готовых решений.

Неологический бум, время от времени сотрясающий язык, обусловлен, как правило, фактором внелингвистическим – приходом новой эпохи, большой или малой: мы говорим "язык периода петровских реформ", "язык перестройки" или "язык кибернетической эры". И только поэзия неологична изначально, ибо особая организация поэтической речи сама по себе подразумевает стремление к самовыражению, и даже поэты, пишущие в наиболее традиционной манере, избегающие нарочитого словотворчества, время от времени не обходятся без окказиональных вкраплений – тем заметнее и ярче "слово-изюминка" в окружении немаркированных поэтической окказиональностью "собратьев".

В окказиональном слове, взятом вне контекста, "лексическое значение носит вероятностный характер" (Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976. С. 19), хотя и в поэтической речи многозначность слова не всегда снимается

контекстом. Насколько жизне- и "дееспособны" поэтические неологизмы вне стихотворения, и могут ли они восприниматься, пониматься и трактоваться как полноценные лексемы?

Участникам эксперимента – тридцати выпускникам художественной школы – было предложено:

подчеркнуть слова, которые кажутся непонятными: *русскость, трупность, одетость, далёкость, утренность, муравьиность, безэховность, смольё, ипаньё, безгитарье, обезьянство, головотяпство, арбатство, кофепоклонство;*

ответить, что могут, на их взгляд, означать следующие слова: *ковролётчики, таукитяне, нимфея, лешевелюра, продышины, нанектариться, кошкелот, мышелот, стальнеть, меловеть, намглеть, зашаховать, безгитарье, безэховность?;*

подобрать существительное, которое, по их мнению, могло бы сочетаться со словом *слезовитый*.

При объяснении значений поэтических инноваций участники эксперимента, не обладающие специальными филологическими знаниями, но с достаточным багажом прочитанного и развитым ассоциативным мышлением, предложили в ответ два типа толкований. Одни из них ассоциировали окказионализмы с созвучными (однокоренными), хорошо им известными, "полноправными" словами или со сходными (аналогичными) словообразовательными моделями; другие же творчески переосмысливали предложенное к размышлению слово, пускались в сложные мотивационные поиски.

Результаты ассоциативного эксперимента приводятся в виде описания по следующей схеме: сначала дается поэтический окказионализм, затем следует фрагмент стихотворения, откуда было взято это поэтическое новообразование, и, наконец, два типа его толкования. Итак:

Ковролётчики: "*Ковролётчики* вчера ночь не спали, / пыль из этого ковра выбивали" (В. Высоцкий. Ярмарка) –

- 1) пилоты ковра-самолета;
- 2) персонажи книги о Хоттабыче; романтики.

Таукитяне: "На Тау Ките / Условья не те: / Тут нет атмосферы, тут душно, – / Но *таукитяне* радушны" (В. Высоцкий. В далёком созвездии Тау Кита) –

- 1) жители города, страны, планеты Тау Кита; смесь китайцев с племенем тау;
- 2) инопланетяне, представители неизвестной цивилизации.

Нимфея: «У фотографа Варфоломея / с краю льдины, у чёрной волны, / якутянка, "моржиха", *нимфея* / остановлена со спины» (А. Вознесенский. Якутская Ева) –

1) нимфа + фея в одном существе;

2) персонаж сказок, волшебница, русалка; новое амплуа ночной бабочки.

Лешевелюра: "– Такие дела: / Лешачиха со зла, / Лишив меня *лешевелюры*, / Вчера из дупла на мороз прогнала" (В. Высоцкий. Куплеты нечистой силы) –

1) причёска лешего (как у лешего – растрёпанный, патлатый); (ложная) шевелюра (парик), с левым пробором;

2) архитектурная деталь в храме природы – лесу.

Продышины: "И *продышины* / в окнах цвели кругло..." (Р. Рождественский. "Та зима...") –

1) дырочки (глазки, прозрачные места и т.п.) на замёрзшем стекле;

2) маленькие форточки; дыры в атмосфере; облегчение, поддержка, перерыв, отдушина; недуг курильщиков.

Нанектариться: "Не вести ж бесед тверёзыми! / Марк-патриций не мытарился – / Пил нектар большими дозами / И ужасно *нанектарился*" (В. Высоцкий. Семейные дела в Древнем Риме) –

1) наесться нектара (мёда);

2) напиться; надушиться; нанюхаться цветов; нанюхаться (токсикомания).

Кошкелот, мышелот: "А вдруг *кошкелот* на меня нападет, / Решив по ошибке, что я *мышелот*!" (В. Высоцкий. Мышь) –

1) гибрид кошки (мышы) с кашалотом; ловцы кошек, мышей; путешественник кошачьих (мышинных) троп;

2) кошачий (мышинный) донжуан; разновидность летательных объектов.

Стальнеть: Лев бросается на машину, "...вытянув тело, *стальнеющее* на лету..." (Е. Евтушенко. Сафари в Ольстере) –

1) приобретать качества стали;

2) тупеть, грубеть; мужать, крепчать, "корчагеноветь"; становиться хладнокровным; увлекаться "тяжёлым роком".

Меловеть: "Меловеет души отраженье – / этот оттиск её белой" (Б. Окуджава. Арбатские напевы) –

1) – – – –;

2) бледнеть (от страха, испуга), пугаться; белены объесться; любить классическую музыку.

Намглеть: "Уже вокруг *намглено*, / и нет шоссе в виду, / но ты включая налево / мигалку, как звезду" (Е. Евтушенко. На грейдерной дороге) –

1) наглеть, много мглы;

2) – – – –.

Зашиховать: "Я его замучу, *зашихую* – / Мне дай только дамку про-вести!" (В. Высоцкий. Честь шахматной короны) –

1) замучить шахами, обыграть; выполнить рисунок в виде шахматной доски;

2) поставить в безвыходное положение; спрятать что-либо; отлынивать.

Безгитарье: "Вгрызаясь в глубь веков хоть на виток, / То взрыв, то дзгг, такое *безгитарье*. / Вот череп вскрыл отбойный молоток, / Задев кору большого полушарья" (В. Высоцкий. Чёрное золото) –

1) отсутствие гитары, музыки;

2) путь номенклатурного работника.

Безэховность: "Смеха много – эха нет. / Чувство *безэховности*" (Е. Евтушенко. В одной компании) –

1) отсутствие эха;

2) неотзывчивость; отсутствие последователей.

Толкования, совпадающие с авторским замыслом, встречаются среди вариантов ответа почти для каждого окказионального слова.

Исключение составляют глаголы *намглеть*, *стальнеть*, *меловеть*. Несмотря на их явную деривационную соотнесенность с понятиями *мгла*, *сталь*, *мел*, участники эксперимента предпочитали отвлечённые, переносные значения, мотивированные, однако, распространёнными семантическими параллелями: *стальной* в значении "очень сильный", "крепкий" (*стальные мышцы*, *стальная воля*, *стальной характер*); "становиться белым, как мел" – *бледнеть* (реакция, связываемая с отрицательными эмоциями, с плохим самочувствием и т.п.).

Трактовка слова *стальнеть* в значении «увлекаться "металлической" музыкой» (так называемой хэви метал) встречалась неоднократно, что неудивительно для молодежной аудитории.

Многочисленные примеры интерпретационного осовременивания значений (*нанектариться* – заняться токсикоманией, *безгитарье* – путь номенклатурного работника и т.д.) не случайны: процесс восприятия и осмысления окказионального слова предполагает обращение к своему культурологическому и языковому опыту, и такие новообразования, как *ковролётчики* (ср. вертолётчики, астролётчики), *таукитяне* (ср. земляне, марсиане, венеряне), образованные по продуктивным языковым моделям, обнаруживают наибольшее число однотипных интерпретаций.

На просьбу подобрать существительное к окказиональному прилагательному *слезовитый* ни одна из предложенных версий не совпала с авторским вариантом *слезовитый океан* (как наибольшее по объёму "вместилище слёзной жидкости" плюс семантико-деривационная ана-

логия с сочетанием "Ледовитый океан"):

Слезливое море вокруг разлилось,
И вот принимаю я слёзную ванну, –
Должно быть, по морю из собственных слёз
Плыву к Слезовитому я океану.

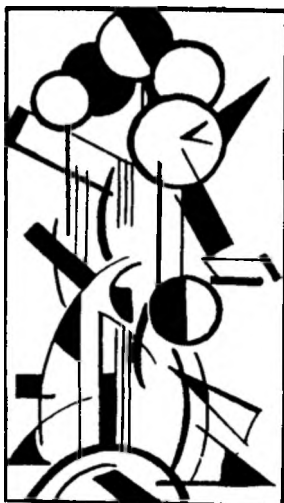
В. Высоцкий. В море слёз.

хотя актуализации подвергалось всё то же значение "слёзности", понимаемое максимально широко.

Участниками эксперимента назывались: слезовитое дерево (плачет смолою); слезовитое небо (дождливое); слезовитый листопад (обильный); слезовитый подоконник (с которого стекает вода); слезовитый взгляд (со слезами); слезовитый характер (у плаксы); слезовитый источник; слезовитый слезоём; слезовитый крокодил (исходная ассоциация – выражение "крокодиловы слёзы"); слезовитый газ (то есть слезоточивый) и т.п.

Таким образом, ни один из предложенных к интерпретации окказионализмов не вызвал у отвечающих на вопросы анкеты особого недоумения, более того, в процессе объяснения некоторыми из участников были использованы собственные окказионализмы, как-то "слезоём" и "корчагеноветь". Что это – эффект бумеранговой окказиональности? Ведь каждый носитель языка – по-своему и его творец, и соприкосновение с языкотворчеством поэтов, делая более гибкими и яркими восприятие и воображение, стимулирует и возможности собственного языкового сознания. Поэтому "поражают и запоминаются из книги, как свежие, лишь те слова, которые так искусно поставлены, что требуют усилия мысли, как знак незнакомого" (Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 30). И, вероятно, не существует окказионального слова, которое нельзя было бы интерпретировать – в контексте или вне контекста – тем или иным образом. Даже знаменитое щербовское "Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка" не есть грамматическая модель в чистом виде, изолированная от семантики, и чем сложнее и "затемнённое" формантный облик окказионализма, тем разнообразнее и неожиданней представляются возможные толкования.

Киев

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ О ЗАУМНОМ ЯЗЫКЕ

Выучить его трудно, но понять надо.

В. Шкловский

Термин *заумный язык* принадлежит В. Хлебникову, стремившемуся посредством этого понятия определить закономерности прямой взаимосвязи звучания и смысла внутри поэтической системы, над которой не тяготело бы "бытовое" значение слова. "Заумный язык – значит находящийся за пределами разума {...} То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, показывает, что у него есть особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным" (Собрание произведений Велимира Хлебникова: В 5 т. Л., 1933. Т. 5. С. 235).

В "Декларации слова как такового" (СПб., 1913) А. Кручёных подчёркивал, что мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник «волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определённого значения (незастывшим), **заумным**. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее {...} Художник увидел мир по-новому и, как Адам, даёт всему свои имена. Лилия

прекрасна, но безобразно слово "лилия", захватанное и "изнасилованное". Поэтому я называю лилию "еуы", — первоначальная чистота восстановлена...»

В стихах бессознательно выстраиваются ряды гласных и согласных, которые являются неприкосновенными, поэтому лучше заменить слово другим, близким не по мысли, а по звуку: *лыки-мыки-кыка*.

Важным этапом в изучении рассматриваемого вопроса явилась статья В. Шкловского "О поэзии и заумном языке" (1916), в которой он выдвинул положение о том, что выражение эмоций "особой звуко-речью, часто не имеющей определённого значения и действующей вне этого значения или помимо его непосредственно на эмоции окружающих", — это особенность не только "кучки людей" (поэтов-футуристов), а "общее языковое явление, но ещё не осознанное" (цит. по кн.: Шкловский В. Гамбургский счёт. М., 1990. С. 46). О "звуковой семантике", "звуковом символизме" говорили К. Бальмонт ("Поэзия как волшебство", 1915), А. Белый ("Глоссолалия", 1922) и др.

Многочисленные и многообразные иллюстрации зауми, представленные и проанализированные в этой статье В. Шкловского, приводят его к выводу, что заумный язык существует: "и существует, конечно, не только в чистом своём виде, то есть как какие-то бессмысленные речения, но, главным образом, в скрытом состоянии, так, как существовала рифма в античном стихе, — живой, но не осознанной" (Там же. С. 53). С подбором определённых звуков (иногда весьма необычным и причудливым) мы встречаемся и в "общем" языке: с помощью этого приёма писатели стремятся увеличить суггестивность текста (ср. *сикамбр* в пьесе М. Горького "На дне", "*Бобэоби* пелись губы, / *Взэоми* пелись взоры..." у В. Хлебникова и т.д.). Сходные мысли можно найти в книгах В. Шкловского "Воскрешение слова" (1914), "Третья фабрика" (1926) и других его этюдах.

Б. Арватов, анализируя работы В. Хлебникова, В. Шкловского, А. Кручёных, Л. Якубинского, Р. Якобсона и т.д. о заумном языке, справедливо заметил, что проблема зауми никогда бы не вставала с такой остротой, если бы она не входила в круг языковых фактов: «"Заумь" именно тем интересна, что она является не простой комбинацией звуков (речитатив, мелодия, вокальная музыка), а произносительной и социально осуществляемой (стихи, разговор, радение хлыстов, "лепет" влюблённых) формой, то есть формой языка» (Арватов Б. Социологическая поэтика. М., 1928. С. 131).

Именно лингвистическое и поэтическое содержание зауми стало главным предметом её непрекращающихся обсуждений в филологических кругах различных стран.

К проблеме заумного языка В. Шкловский специально возвращается через семьдесят лет после публикации ранних работ. И вот в связи

с чем. Профессор Марцио Марцадури, итальянский исследователь русского литературного авангарда, обратился к В. Шкловскому с просьбой написать статью для сборника, посвящённого зауми. К сожалению, статья прибыла в Италию с большим опозданием, когда сборник уже вышел в свет, и была опубликована в переводе на итальянский язык в 1986 году. В. Шкловского уже не было в живых. Его статью "О заумном языке. 70 лет спустя", не публиковавшуюся по-русски, М. Марцадури включил в её оригинале в сборник "Русский литературный авангард. Материалы и исследования" (*L'avanguardia letteraria russa. Documenti e ricerche*. Trento, 1990). В примечании к статье он подчеркнул, что эта одна из последних работ В. Шкловского представляет большой интерес потому, что писатель «в конце своей долгой, замечательной жизни вновь возвращается к теме зауми, которой посвятил в 1914 году "Воскрешение слова", свою первую статью, являющуюся фундаментальной для истории формализма и заумного футуризма».

Небольшая по своему объёму и чрезвычайно содержательная статья В. Шкловского сохраняет преемственность идей ранних работ, особенно статьи "О поэзии и заумном языке": "От неё я не отказываюсь, она мне нравится и сейчас, но кое-что, конечно, надо уточнить".

Эти уточнения (новые акценты в интерпретации заумного языка, его функций и. границ, развитие некоторых положений прежних работ, осмысление новых фактов, существенные дополнения и др.) и определяют содержательную новизну публикуемой статьи, написанной глубоко, лапидарно, афористично и являющей собой дар интуитивного прозрения и провидения позднего Шкловского.

Если в ранней статье 1916 года говорилось, что заумный язык существует и что это не бессмысленный язык, то теперь он назван умным. В. Шкловский вспоминает, как после одного из бурных диспутов о заумном языке в начале века в Петербурге крупнейший теоретик языкознания И.А. Бодуэн де Куртенэ сказал ему: "...у вас есть окна, ведущие к истине". Через это "окно" писатель и обращается к своим читателям спустя 70 лет.

Главное состоит в том, что природа и функции заумного языка здесь тесно и органически связываются с общей теорией поэтического языка. "Заумная" и "умная" поэзии – две её взаимно предполагающие стороны, "как бы две державы (...), которые должны мирно существовать", бессознательное и сознательное как проявление известного принципа дополнительности Н. Бора. Целостность эстетического объекта и осязаемость его восприятия определяются взаимодействием таких дополняющих друг друга сторон.

Заумный язык может существовать как "чистая" звукопись, не имеющая определённого значения, но воздействующая на чувства

человека и вызывающая у него положительную или отрицательную оценку. В этом случае можно говорить об особой "ореольной" семантике, или о фоносемантике. Это понятие ввёл в филологический обиход В. Вейдле: "ведь я сам это слово сочинил", – писал он позже в своей книге "Эмбриология поэзии" (Париж, 1980. С. 147). Предлог у никаких эмоций не вызывает, а вот у как междометие в живой речи вырывается из-под надзора грамматики вследствие свойств, присущих именно этому звуку:

У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!

«Так и слышишь чтеца, тянущего, на полстиха вытягивающего это "у", в знак сочувствия онегинскому чувству» (Там же. С. 166). Как на некую разновидность "чистой зауми" В. Шкловский указывает на звукоречь хлыстовских радений, формы коллективного богослужения в некоторых русских сектах, – глоссолалию (от греч. *glōssa* – язык, речь и *lalia* – болтовня, пустословие). Впадая в экстаз и бессмысленно выкрикивая звуки и слова, сектанты-хлысты переживали особую духовную радость от "накаtywания духа": *Накатил! Накатил!* (см.: Атеистический словарь. М., 1985. С. 28, 98).

Однако гораздо бoльшую ценность заумный язык представляет для понимания поэтического языка в процессе его зарождения (*in statu nascendi*), "эмбриологии поэзии". В. Маяковский ощущал, что возникновению стихотворения предшествует гул нерасчленённых слов, для А. Белого это был звук темы.

В своей ранней статье В. Шкловский писал, что часто стихи возникают в душе поэта в виде "звуковых пятен", не вылившись ещё в слова: «Пятно то приближается, то удаляется и, наконец, высветляется, совпадая с созвучным словом. Поэт не решается сказать "заумное слово", обыкновенно заумность прячется под личиной какого-то содержания, часто обманчивого, мнимого, заставляющего самих поэтов признаться, что они сами не понимают содержания своих стихов» (Шкловский В. Гамбургский счёт. С. 53). Эта мысль развивается им в публикуемой статье: "Заумный язык – это язык предвдохновения, это шевелящийся хаос поэзии, это до-книжный, до-словный хаос, из которого всё рождается и в который всё уходит. (...) И в строгом смысле слова, заумный язык – не язык, а пред-язык". "Муки слова" переживают все: от начинающего говорить ребёнка до поэта.

В. Вейдле в "Эмбриологии поэзии" на стр. 40 приводит любопытный пример детского поэтического "до-слового языка". Маленький сын известного австрийского языковеда и психолога К. Бюлера, только-только начинавший говорить отдельные слова, увидев с балкона, как

солдаты дружно маршируют по улице и поют, подбегает к отцу и, пытаясь сообщить пережитое, вдруг говорит свою первую фразу: "датен ля-ля-ля" (Soldaten). "Вспыхнуло во мне: да ведь это – поэзия! (...) человеком стал, и не иначе, как в то же время став поэтом".

Особое значение зауми для поэтического языка состоит, по В. Шкловскому, в том, что художники слова пытаются выразить своё понимание действительности вне сложившейся языковой системы, по-новому, так как ощущение мира – не языковое, а сама поэзия выше слова (В. Хлебников). Поэт видит мир так, как его никто не видел: "не опутанным, как сетью, языком". Искусство остраивает мир, деавтоматизирует язык и восприятие, рождает образность.

С зауми может начинаться словотворчество. Слово *лётчик* В. Хлебникова казалось заульным (ср. *пилот*), а поэт-футурист и один из первых русских лётчиков В. Каменский уже поднимался в небо и ввёл в обиход другое "заульное" слово – *самолёт* (потеснившее *аэроплан*). Основоположник художественного конструирования в России В. Татлин строил "Летатлин".

Заульный язык, по В. Шкловскому, индивидуален, неповторим в творчестве разных поэтов, подобно тому, как разноразлична и сама поэзия. Писатель символически истолковывает это, используя образы из Библии. При наступлении дня Пятидесятницы (Духова дня) все Апостолы были единодушно вместе:

"И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились;

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них" (Деяния святых Апостолов, 2; 2–3).

Язык вместе с историей живёт в народе, и его образы и тайны передаются из поколения в поколение. В. Хлебников родился в Астраханской губернии, где, пишет В. Шкловский, когда-то жили исчезнувшие "таинственные племена хазаров": "Мне часто кажется, что сам Хлебников и был пришедшим из далёкого прошлого хазаром". Конечно, это всего-навсего образ. Но в нём несомненно есть доля истины. Швейцарский психолог К. Юнг высказал предположение о существовании в глубинах "коллективного бессознательного" врождённых психологических структур – архетипов, составляющих основу символики (врождённая интуиция, первобытные формы познания мира, образы, схемы образования мысли и чувств, коллективный опыт прошлого и др.). См., например, его книгу "Архетип и символ" (М., 1991). В содержание архетипов входят, по-видимому, и находящиеся за пределами сознания механизмы заульного языка, удивляющего нас своими причудами.

Говоря о живом (и часто заульном) языке, В. Шкловский ставит

вопрос о смысле и значении устной и письменной культур слова. Спор о приоритете устной или письменной формы языка уходит своими корнями в глубокую древность и не прекращается по сей день. В диалоге Платона "Федр" устами Сократа передаётся рассуждение царя Египта Тамуса, обращённое к изобретателю письменности Тевту: "...Искуснейший Тевт, один способен порождать предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашёл средство не для памяти, а для припоминания. Ты даёшь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут много знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых" (Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 216–217). Мудрость Платона отражает сложную диалектику взаимоотношения устной и письменной форм речи. Письменное слово создаёт традицию его существования и использования, но вместе с тем приковывает к нему, мешает оторваться от него, лишает навыков владения живым многоликим словом.

Платон был против письменности, но история пошла мимо него, и человечество изобрело книгопечатание, пишет В. Шкловский. Живое устное слово спряталось за буквы, как тело воина за кольчугу: "Она предохраняет от ударов, но двигаться и дышать в ней неудобно". Футуристы, создатели нового языка, пытались "воскресить" окостеневшее слово, заставить говорить бессвязно, быстро, непонятно, заумно, прорываясь к необычным языковым формам. Это был бунт против традиционной письменной культуры. Однако письменность не убила живого слова, а только потеснила его. В процессе творчества писатели ищут и будут искать нестандартные, новые, самовитые, "заумные" слова, чтобы выразить неповторимое, особенное. Искусство "преодолевать слово": "Словесными сочетаниями оно прорывается к миру, и для этого оно сопоставляет прежде существовавшие литературные явления, преодолевая их, стремясь увидеть то, что ещё не увидено, описать существующее, но ещё не описанное" (Шкловский В. За и против. Заметки о Достоевском. М., 1957. С. 14).

Поиск способов передачи информации может быть связан с изобретением новых "языков" и даже с отказом от обычного языка. В. Шкловский упоминает в этой связи о поэте-футуристе В. Гнедове, для творчества которого характерны эксперименты в области семантики, синтаксиса и словообразования, алогизмы, графические элементы

в текстах. Он – автор "Поэмы конца" (1913), состоящей из названия и чистой страницы и являющейся "манифестом" отказа от рационального смысла, доведённым до полного отказа от языка. Обсуждение поэмы В. Гнедова вызвало много споров, что сделало её скандальной.

Заумный язык будет существовать, пока существует сама поэзия, как её неотъемлемая часть. "За-умь – это то, что ещё находится за пределами нашего ума, то, что мы пока понять не можем. Пока..."

Статья В. Шкловского "О заумном языке. 70 лет спустя", напечатанная в Италии ограниченным тиражом, почти не известна даже специалистам-филологам. Это и побудило нас опубликовать её на родине писателя.

Л.А. Новиков,
доктор филологических наук

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

О заумном языке. 70 лет спустя

В старом Петербурге, у Николаевского вокзала, в здании Хлебной биржи выступали футуристы. С ними был молодой тогда ещё Виктор Шкловский, который говорил о поэзии и заумном языке.

Пикассо, рассказывая о своих первых выставках, говорил, что было на них всё, – но нас, – добавлял он, – всё-таки не убивали.

Нас тоже не убивали. Но я помню тот страшный рёв, те крики, ругательства, которыми встречали нас. Они сливались в один слитный гул, слова коверкались, переворачивались. Отчасти, это напоминало заумь.

Но заумный язык – это умный язык.

Ругательствами и криками встречало своё будущее прошлое. Мы никогда не знаем, в какой одежде оно придёт.

И только спокойный, выдержанный академик Бодуэн де Куртенэ, пришедший на наш диспут о заумном слове, сказал мне, когда мы остались наедине: "Что касается вас, то я могу сказать только одно, – у вас есть окна, ведущие к истине".

И вот я обращаюсь к вам через это окно.

Что я думаю сейчас, 70 лет спустя, о заумном языке?

Я думаю, что мы так до конца его и не смогли разгадать. Выучить его трудно. Но понять надо. Прежде всего – это не язык бессмысленный. Даже когда он намеренно лишался смысла, он был своеобразной формой отрицания мира. В этом он чем-то близок "театру абсурда".

Трудно говорить о заумном языке вообще. Были разные поэты, и у каждого был свой ум и своя заумь. Был Хлебников, и Каменский, и Кручёных... И у каждого был свой заумный язык.

Что мне сейчас кажется особенно интересным в зауми? Это то, что поэты-футуристы пытались выразить своё ощущение мира как бы минувшая сложившиеся языковые системы. Ощущение мира – не языковое. Заумный язык – это язык пред-вдохновения, это шевелящийся хаос поэзии, это докнижный, до-словный хаос, из которого всё рождается и в который всё уходит.

И Хлебников говорил мне, что поэзия выше слова.

Заумники пытались воспроизвести этот копошащийся хаос пред-слов, пред-языка. И в строгом смысле слова, заумный язык – не язык, а пред-язык.

Ребёнок рождается с криком прародителей. Крик, не расчленённый на слова, бормотание, это язык ощупывания мира, ошарашивания его. Ощупывая мир звуком, мы наталкиваемся на предметы, обозначаем их определёнными звуками.

И на каком языке говорит мать с ребёнком? Они понимают друг друга, хотя их язык – до-словен. Обезьяна на дереве, наш – и мой – далёкий предок, кричит о чём-то своём, она докричалась в конце концов до языка.

Песня рождается, когда человек открывает глаза, когда он видит мир таким, как его никто раньше не видел. Он видит мир странным, новым. Я не боюсь, как видите, повторения и опять повторяю, что искусство остранныет мир. Художник видит мир не через язык, он видит его не опутанным, как сетью, языком.

Так я вижу из своего окна.

Маяковский писал, что рождению стихотворения предшествует какой-то гул, гул нерасчленённых слов; слова, точнее, – недо-слова, поднимаются со дна сознания, из нашей памяти, памяти наших предков, кричавших на дереве о чём-то, им ещё непонятном.

Заумники открыли дверь этим словам.

Так кажется мне, Виктору Шкловскому, даже не учёному, а не доучившемуся студенту, который делал много открытий и закрытий. И вот мне уже 90 лет, а я всё не могу договориться.

Поэзия, оформляясь в словах, получает новую жизнь, она словно переводится на другой язык. Это происходит и с заумным языком, он

попадает в другую систему. Эта система поэтическая, художественная, условная.

Заумь выполнила свою роль в поэзии – де-автоматизации языка, нового его остраниения, возвращения ей утраченной первобытной образности.

Звуки в стихотворении должны ощущаться почти физиологически. Мы пережёвываем слово, замедляем его. Это танец, это движение рта, щёк, языка и даже пищевода, лёгких. Футуризм вернул языку ощущение. Он дал почувствовать в слове его до-словное происхождение. Я писал в "Третьей фабрике": "Как будто обвалился берег, слои стали видны, и из-под глины лез, отгоняя собак, живой мамонт".

Заумь существовала в языке, в поэзии, в человеческой культуре всегда. В моей старой статье много подобрано примеров её из языков сектантов, из детского фольклора. Это как бы две державы, две страны в поэзии, заумная и умная поэзия, которые должны мирно сосуществовать. Поэт – путешественник, он берёт и там, и там, он постоянно движется, как челнок, он прыгает на натянутом между этими странами канате.

Эти страны существуют одна за счёт другой, опираясь и поддерживая друг друга. И часть границы между ними – условна, межевые столбы передвигаются то в одну, то в другую сторону.

И сейчас учёные, занимающиеся расшифровкой языка хлыстовских радений, обнаружили, что он имеет санскритские корни. И задолго до этого мне говорил Евгений Дмитриевич Поливанов, что в языке сектантов часто обнаруживаются слова другого, исторически родственного языка.

Этого я не знал ещё, когда писал свою молодую статью "О поэзии и заумном языке". От неё я не отказываюсь, она мне нравится и сейчас, но кое-что, конечно, надо уточнить.

Хлебников пришёл в поэзию из далёкой страны. Родился он в устье Волги, там, где жили когда-то таинственные племена хазаров. Они исчезли, и теперь их до сих пор не могут найти. Выяснилось, что уровень Каспия колебался, вода то поднималась, то опускалась, поглощая города и сёла. Это вздыхает История, и из-под воды показываются исчезнувшие культуры.

Мне часто кажется, что сам Хлебников и был пришедшим из далёкого прошлого хазаром.

История живёт в нас. И нами двигается, дышит. Вдох и выдох – это движение Истории.

Футуристов упрекали в том, что они отказываются от содержания. Но орнамент – разве он бессодержателен? А музыка? Она кажется умнепостижимой, чистейшей заумью. Но это иные формы, иные способы передачи информации.

Язык предсказаний часто тёмен и непонятен. Шаман, который крутится, ища вдохновения, хлысты, чувствующие его приближение, кричащие: "Накатил! Накатил!" – они говорят на иных языках.

И я никак не могу кончить, всё кручусь, кручусь, и говорю, кажется, невнятно и путанно.

Заумный язык ещё надо расшифровать, как расшифровывают языки хлыстовских радений учёные-лингвисты, надо ещё разгадывать этот тёмный язык предсказаний, пророчеств.

Даром пророка обладал Хлебников. Он мог предсказать революцию. Его слово "лётчик" казалось заумным. Но лётчик Каменский поднимался в небо, Татлин строил *Летатлин*... Это казалось безумием. Но скорее мир вдруг был безумным. За-умь – это то, что ещё находится за пределами нашего ума, то, что мы пока понять не можем. Пока...

В Библии рассказывается, как апостолов посетил Святой Дух, и они вдруг заговорили на разных языках.

Поэзия разноязычна.

Я хочу сказать ещё о предсказаниях, которые воплощаются. Я старый человек и дожил до того, до чего многие мои друзья не дожили и чего увидеть они не могут.

Начну издаека. Платон в своём диалоге "Федр" выступает против письменности. Он говорит, что она ничего не добавляет человеку, служит только для закрепления уже придуманного, найденного человеческой мыслью. Этот спор продолжается и по сей день: спор о смысле и значении устной и письменной культур.

История пошла мимо Платона. Человечество изобрело книгопечатание, литературу. Само слово "литература" происходит от слова "литера". Слово, живое, устное слово, спряталось за букву, потом – за литературу.

Футуризм хотел вернуть миру звучание, он хотел "воскресить слово".

Для того чтобы человек, потерявший возможность говорить, мог заговорить снова, ему нужно сильное потрясение. Или нужно рассечь какой-то центр в его мозгу. И бывает так, что человек начинает говорить – бессвязно, быстро, непонятно, ещё на операционном столе.

Футуризм – это восстание, бунт против письменной культуры.

Заумный язык – многоязычен. А я пытаюсь обо всём сказать на нескольких страничках. Я говорю, а мои слова прячутся за буквы, потом их покроют литеры, как кольчуга тело воина. Она предохраняет от ударов, но двигаться и дышать в ней неудобно.

Сейчас много пишут о конце "письменной культуры", начале эры новых коммуникаций, не основанных на письменности. Я вряд ли доживу до этого времени. Я видел рождение кино, рождение телевидения. Они выросли на моих глазах. Я убеждён, что с их дальнейшим

развитием культура человечества будет сильно меняться. Не знаю, умрёт ли письменность. Ведь она не убила живого слова, а только сильно его потеснила. Не надо забывать о прошлом. Наступление этой новой эры, мне кажется, провозгласили ещё футуристы-заумники. Они тоже искали новых способов передачи информации, – в нашем языковом прошлом, в создании новых языков, – или даже – в отказе от языка (Гнедов). Но ведь и это – поиск нового языка.

...Я помню, как выступали футуристы, футуристы – друзья будущего. Батюшков называл надежду – памятью о будущем. Будем помнить наше будущее, будем чаще вспоминать прошлое. Футуристы открывали окна в будущее.

Люди долго искали истоков Нила. Нил берёт свое начало в снегах, лежащих на высоких горах, его начало – дословно.

Надо додумывать свои мысли, надо досказывать недовысказанное, надо уметь слушать и слышать. Будущее приходит неожиданно.

Иностранные слова в современной русской жизни

В. Н. ШАПОШНИКОВ,
доктор филологических наук

Русский язык в последнее время пополнился и продолжает пополняться иностранными словами. Например, недавние, но уже ставшие не самыми свежими: *консенсус*, *бартер*, *имидж*, *стагнация*, *коллапс*... или более свежие экономические термины: *тендер* (официальное предложение выполнить обязательство), *транш*, *оферта* (формальное предложение заключить сделку с указанием всех необходимых условий), *венчура*...; из других предметных областей: *гендер* (проблематика пола), *киднепинг*, *киллер* (обозначения чудовищных промыслов) и др.

Иные заимствования неустойчивы в написании. Можно встретить формы: *дистрибьютер–дистрибьютор–дистрибутор*, *селенг–селинг*, *риэлтер–риэлтор*, *оффшорный–офишорный–оф-ишорный* (о последних словах см.: Подчасова С.В. Оффшор – налоговый рай за рубежом // Русская речь. 1996. № 1).

Разговор о приходе новых иностранных слов – зачастую философский. Плохо или хорошо, опасно или нет? Есть разные стороны этой ситуации.

Не все иностранные слова ясны в употреблении и восприятии. Особенно для массового обихода. И это касается не только узко-профессиональных слов. В сущности, неясными порой оказываются слова, предназначенные, по определению, для самых широких масс. Очевидный пример – слово *ваучер*: его почти абсолютную непонятность показывали самые несложные психолингвистические эксперименты. Или например, возникло на горизонте слово *кондоминиум*. Оно взято из современного западного обихода, где в свою очередь восходит к латин. *con* – русская приставка *с-*, *со-* + *dominium* "владение"; последнее восходит к лат. *domus* "дом, жилище". Нововведение, стоящее за этим словом, призвано улучшить коллективное проживание. Привилось оно к российской жизни или нет, судить самим жителям России. А что слово *кондоминиум* с самого начала и по сию пору непонятно, это лингвистический факт. Не говоря о том, что оно не проникло в массовую речь, приходится отмечать его неосвоенность и в речи профессиональной. Какое-то время назад очень известная газета опубликовала интервью с весьма ответственным работником Госстроя (может быть, он и ответствен за *кондоминиум*) под названием: "К ваучеру привыкли. Привыкнем ли к кондоминимуму?" Термин собственности и далее во всём тексте связывается не с *dominium*, а с "минимумом". То, что это речевая ошибка, очевидно и понятно. И таковых показателей современной "речевой культуры" очень много. Но здесь следует отметить и другое: зыбкость понятия и неясность нового слова.

Случаи, подобные последнему, можно списать и на вероятную опечатку (хотя сие не делает чести газете и журналу). Кстати, примета переживаемой эпохи – чудовищное количество опечаток, но я избавляю себя от того, чтобы позабавить читателей полусмешной-полупечальной коллекцией.

Есть в нашей современности и такое, что к опечаткам не отнесешь. Возьмем сферу, более близкую к быту. Например, одна из современных манер употребления слова *анонимность*: "Анонимность гарантируется" – в милицйских и медицинских обращениях, в электронной и печатной прессе. Но тем самым обещается не анонимность, а – секретность, конфиденциальность. С логической точки зрения, перепутаны объект и субъект.

Другой пример: неверно порою употребляются слова *легитимный*, *легитимность* – как заменители слов *законный*, *законность*. Однако по определению, *легитимация* – это признание или подтверждение законности какого-либо права или полномочия.

Услугу неверному употреблению слов оказывают некоторые свойства языка вообще. Например, паронимия – существование слов, более

или менее созвучных, но разных по значению. Так, совершенно без различия порою употребляются паронимы *криминальный*, *криминальность* и *криминогенный*, *криминогенность*. Однако если *криминальный* – это уголовный, преступный, а также относящийся к преступлениям, то *криминогенный* – способный привести к преступлениям. Другой пример – употребление слов *стабилизация* и *стабильность* в политических инвективах и прогнозах.

У языка и у конкретной эпохи есть свои прихоти. Порою ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами в силу моды, стремления к броскости, замешанных на неполном знании. Это произошло со словом *эпицентр* (из геологии – область на поверхности земли над очагом землетрясения, взрыва; греч. компонент *эпи-* значит "на, после, при, поверх" (сравни *эпиграф*, *эпилог*, *эпигон*). Но в конце 1980-х наши журналисты стали кричать и писать об "эпицентре событий" (я нахожусь в самом эпицентре событий). Такое употребление слова *эпицентр* коснулось и некоторых других речевых сфер, хотя нельзя сказать, что сдвиг в значении стал массовым. Тем не менее, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1993) выделил самостоятельное значение, правда, отмечая его как "переносное": 2. Место, где что-н. проявляется с наибольшей силой. При этом добавляя, что такое употребление слова *эпицентр* "книжное". Можно бы сформулировать проще и точнее: *эпицентр* в таком употреблении – это то же, что *центр*. Отдельное замечание можно сделать и о помете "книжное" в названном словаре. Ранее, действительно, культурная ситуация характеризовалась тем, что "газетно-журналистское" безусловно было "книжным". Ныне культурно-речевой статус журналистики несколько изменился, и потому полный знак равенства между двумя типами лексики проблематичен. По крайней мере, не все в "книжной" сфере склонны употреблять слово *эпицентр* в значении "центр", да и в ряде других речевых сфер не все склонны к такому употреблению.

Все это – конкретные сдвиги в употреблении слов. Есть и более общие культурные процессы в жизни иностранных заимствований. Один из них – преобразование смысла, приспособление иностранного слова к российской действительности. То есть – отклонение значения от иностранного прототипа на российской почве.

Возьмем слово *дилер*. По словарю иностранных слов (1993) это (англ. *dealer*) – член фондовой биржи и банк, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валют, драгоценных металлов; действует от своего имени и за собственный счет. В общем, финансовый агент. Может, это и есть в нынешнем реальном русском употреблении. Но только отчасти. В массовом же сознании *дилер* – это и просто мелкий торговец,

перепродавец. Например, парень, едущий из Самары в Казахстан за куртками, тоже дилер, он так и представляется. Таким образом, в значении слова *дилер* присутствует элемент просто продажи и перепродажи.

Слово *фермер*. В русском языке оно было не слишком широко известно как относящееся к западной цивилизации обозначение "владельца сельскохозяйственного предприятия преимущественно хуторского типа, обрабатывающего собственный или, чаще, арендованный участок земли, главным образом, при помощи наемного труда". В западных языках это слово соотносится со словом *ферма* – сельскохозяйственное предприятие на собственной или арендованной земле. Но нет нужды долго пояснять, что совершенно иное значило слово *ферма* в отечественной языковой традиции. Следовательно, опорный знак для слова *фермер* в русском языковом сознании отсутствует. Возможно, даже наоборот, происходит некоторое столкновение смыслов в слове *фермер* при увязывании с (колхозным) словом *ферма*. Слово *фермер* на новом российском этапе обозначает не владельца фермы, а, в массовой интерпретации, жителя деревни, не являющегося членом колхоза, нередко новоприезжего, финансово в известной мере самостоятельного, получающего льготные кредиты и проч. И, даже согласно официальным речениям, вроде бы фермер не крестьянин, ср. один из оборотов "крестьянские и фермерские хозяйства". Но это уже начались вопросы не столько к слову, сколько к современной ситуации в российской деревне.

Другой пример изменения содержания – слово *риэлтер*. Если судить по англ. *realtor*, то это лицо, занятое торговлей недвижимым имуществом, домами и угодьями. У нас это слово обозначило квартирного маклера-обменщика.

Следует заметить такое явление в жизни иностранного слова, как смещение иерархии значений, присущих источнику заимствования. Так, слово *sponsor* в английском значит, во-первых, поручитель, во-вторых, лицо, финансирующее мероприятие, организацию. В русском языке нашего времени первое значение устранилось, вернее, не привилось. Слово *спонсор* выступает в значении "структура, финансирующая организацию, мероприятие, лицо", причем явен и политический компонент. В сущности, к этому процессу причастно и слово *дилер*. Аналогичны современные российские преобразования слова *бизнес*: всё же в массовом словопользовании на первом месте в нем не "дело, постоянное занятие, специальность, обязанность, долг", как в англ. *business*; *бизнес* в российской интерпретации – это коммерческая деятельность, негосударственная торговля, причем порой замешанная или сопредельная с криминалом.

Любопытную картину дает еще одна группа слов. Своими смысловыми превращениями они показывают смену культурных ориентиров эпохи. Рассмотрим слова *контроль*, *контролировать*. Это давняя принадлежность русского языка, взятая из французского и означающая проверку. В соответствии с этим значением в русском языке возникла и глагольная пара *контролировать*–*проконтролировать*. Теперь же, от рубежа 1980–90 гг. *контролировать* стало обозначать не проверку, а обладание, управление. Образец же отыскивается в английском языке, где *control* значит именно "руководство, управление" в первую очередь. Значение "проверка" в новорусском употреблении сдвигается в число второстепенных значений. Аналогичные изменения претерпели слова: *аналитик* – теперь уже не столько тот, кто анализирует, сколько обозреватель, комментатор; *администрация* – теперь не только и не столько руководящий орган предприятия, сколько – орган государственной власти; *директор* – не только глава предприятия, но и соруководитель и даже заместитель; аналогично: *либерализация*, *модель*, *позиция*, *политика*.

Иностранные слова испытывают те или иные трансформации и в результате такой появившейся тенденции, как излишняя детализация высказывания и его избыточность. Вдумаемся: "некоторая стабилизация", "частичная стабилизация" – что это такое, если помнить о собственном значении слова *стабилизация*? А это: "завод по производству", "фабрика по производству", "цех по производству"..? Но взятое слово *фабрика* – оно восходит к коренному понятию "производство" и выражает единственно это значение. Сейчас же встречается и "технологическая линия по производству". А как соответствуют содержанию слова, грамматике и стремлению к экономности выражения: "террор против...", "оппозиция против..."? Пример несколько иного рода: "трагический инцидент". Или: "широко муссируется" (франц. *mousser* "взбивать пену"; раздувать значение чего-л.); "взаимное сотрудничество"?.. Однако *самый оптимальный* уже попримелькалось и сократилось в активном употреблении.

...В привлечении иностранных слов необходима соразмерность, уместность и знание дела.

Шуя

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЖАРГОН

П.В. ЛИХОЛИТОВ

По сведениям газеты "Капитал" (см.: Вострякова Л. Язык рынка // Капитал. 1996. 16 апр.), «с появлением на отечественном рынке в середине 80-х годов персональных компьютеров и выходом в 1988 году поначалу на 100% переводного журнала "PC World", ставшего очень популярным, произошёл "обвал": англоязычные термины и аббревиатуры, зачастую в английском же написании, заполнили страницы журналов и засорили речь специалистов». Одновременно с профессиональным языком программистов начал формироваться специфический жаргон знатоков вычислительной техники и просто людей, увлекающихся компьютерными играми.

Компьютерный жаргон (так для простоты мы будем его именовать) содержит лексику, отличающуюся разговорной, грубо-фамильярной окраской. В нем, как и в профессиональной лексике программистов, довольно много англицизмов. Однако иноязычные заимствования отнюдь не единственный источник пополнения жаргона компьютерщиков.

Воспользовавшись предложенной К.Н. Дубровиной моделью анализа студенческого жаргона (см.: Студенческий жаргон // Филологические науки. 1980. № 1), попробуем выяснить пути и способы образования компьютерного жаргона. Они весьма разнообразны.

Некоторые слова данной лексической системы заимствованы из жаргонов других профессиональных групп: например, "чайник" (неопытный программист) и "движок" (алгоритм – ядро компьютерной программы) взяты из жаргона автомобилистов, где они обозначают соответственно неопытного водителя и автомобильный двигатель. Жаргонизм "макрушник" (программист, использующий язык программирования "макросемблер") является лексическим заимствованием из уголовного арго, в котором слово "мокрушник" имеет значение "убийца" (см.: Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991. С. 108). "Тачкой" в городском фольклоре называется автомобиль (см.: Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., 1994. С. 465), а в компьютерный жаргон это слово перешло со значением "компьютер". Например, о компьютере Pentium-200 говорят: "Модная тачка с двухсотым мотором" (см.: Как купить компьютер... // Московский комсомолец. 1996. 1 дек.).

Случается, что заимствования семантически изменяются, например,

в результате метафорического переноса. Так, слово "мофбн" в молодёжном интержаргоне означает магнитофон, а в компьютерном жаргоне "мофбном" может быть названо любое устройство с магнитной лентой (скажем, стриммер). Сходство в значении, на основании которого происходит перенос, — это магнитная лента, позволяющая записывать информацию.

Для большинства жаргонных систем продуктивным оказался способ метафоризации. С его помощью в компьютерном жаргоне образованы слова: "блин" — компакт-диск, данные с которого считывает компьютер; "крыса" — мышь советского производства (очень большая, по сравнению со стандартной); "плитка" — печатная плата; "реаниматор" — специалист по "оживлению" отключившейся вычислительной машины; "мусор" — помехи в терминальной или телефонной сети.

Многочисленны глагольные метафоры: "тормозить" — проводить время за компьютерными играми, бездельничать; "сносить" (сов. вид "снести") — удалять из памяти компьютера невостребованную информацию (компьютерную почту); "жужжать" — устанавливать связь при помощи модема и др.

Помимо метафор в компьютерном жаргоне можно обнаружить и другие способы переноса. Например, употребление слов "босс" (от англ. разг. boss — начальник) и "сидист" в значении главный "негодяй" (противник) во всех без исключения компьютерных играх представляет собой синекдоху. В журнале "Страна игр" (1996. № 7) читаем: «Любой наиболее трудноубиваемый, сильный и большой враг в игре может быть назван "боссом". Принято считать, что он должен логично завершать своим появлением уровень в игре». В "Энциклопедии компьютерных игр" (СПб., 1995. С. 4) находим еще один пример употребления жаргонизма "босс": «Игровые уровни почти всегда кончаются поединком с "боссом" — особенно большим и вредным противником. Для уничтожения "босса" нужно найти его слабое место и умело использовать его соответствующим применением тактики».

Употребление жаргонизма "железо" в значении "компьютер" (механические и электронные части компьютера) — пример метонимии.

В компьютерном жаргоне встречаются арготизмы. Эти слова не следует понимать как принадлежность тайного, засекреченного языка. Арготизмы просто лишены собственно лингвистической мотивировки, или она непонятна для непосвященных. К подобного рода условным наименованиям можно отнести лексему "пробкотрон" — мощное устройство, создающее помехи в электрической сети. Когда в работе компьютера происходит сбой из-за скачка напряжения в электрической сети, говорят: "Опять соседи пробкотрон включили!" "Обуть" дискету — значит подготовить её к загрузке в компьютер. Программный продукт, производящий только видеоэффекты и не содержащий диалогов,

называют "глюкалом" (или "глюкалой"). О самопроизвольно отключившемся компьютере говорят, что он "висит". Неопытного программиста, чей компьютер часто "зависает" (то есть отказывается работать), называют "висельником".

Особое место в компьютерном жаргоне занимают слова, не имеющие семантической мотивировки. От арготизмов их отличает связь с теми общенародными словами и компьютерными терминами, вместо которых они используются в жаргонной системе. Связь эта строится на отношениях частичной омонимии: словам, не имеющим семантической мотивировки, свойственны отдельные морфо-фонетические совпадения с общеупотребительными словами и профессиональными терминами программистов (явление фонетической микрии).

Например, программисты называют лазерный принтер (печатающее устройство) "лазарем" вследствие частичных звуковых совпадений в корнях семантически несхожих слов: *Лазарь* и *лазерный*. Так, слово, имеющее в общенародном языке значение мужского имени Лазарь, в компьютерном жаргоне приобрело совершенно новое содержание.

К лексике подобного рода можно отнести жаргонизмы: "ва́кса" (операционная система VAX) и "сиву́ха" (жаргонное название компьютерной игры "Civilization" – "Цивилизация"), а также "пентю́х" – компьютер модификации Pentium (Пентиум).

Многие слова компьютерного жаргона образуются по словообразовательным моделям, принятым в русском языке. Аффиксальным способом, например, образован жаргонизм "леталка". От глагола *летать* при помощи характерного для разговорной речи суффикса -к- образовано существительное "леталка" – компьютерная игра, имитирующая полет на боевом самолете или космическом корабле. В журнале "Мир развлечений" (1996. № 7) читаем: «Любителям же леталок можно напомнить об игре "US Navy Fighters", предыдущем авиасимуляторе в рамках целой серии "Jane's Combat Simulations"».

По одной модели со словом "леталка" образованы жаргонизмы "бродилка" и "стрелялка". "Бродилка" – это игра, в которой вам предлагается отбыть в "путешествие" по неизвестной местности, где необходимо найти некий предмет ("артефакт"). "Стрелялкой" именуют, как правило, простую по сюжету компьютерную игру. Выигрыш в такой игре зависит только от быстроты реакции игрока и его умения пользоваться клавиатурой компьютера. В "Энциклопедии компьютерных игр" находим такой пример: «...есть разработанные шаблонные темы и жанры, все равно что жанры "разрушен" или "любовного романа" в мире литературы. В первую очередь это самые примитивные "стрелялки"... Самолетики, сокрушающие мириады врагов, одиночки-супермены с супероружием в руках... Всех различных тем и не пере-

числить...! За примитивность некоторые "стрелялки" получили прозвище "спинномозговики».

В словах "писюк" (от англ. аббрев. PC [personal computer] персональный компьютер) и "сидюк" (от англ. аббрев. CD [compact disc] – компакт-диск) встречается суффикс *-юк*, характерный для просторечия. Вот примеры употребления этих жаргонизмов: "...всё это вы узнаете из вступления, полностью занимающего первый диск (всего в игре 3 сидюка)" (Мир развлечений. 1996. № 7). В "Московском комсомольце" читаем: "Попросите человека, который утверждает, что он программист, показать свой писюк. Если он покажет вам что-либо, отличающееся от РС, можете дать ему пощёчину и прогнать вон".

Одним из путей пополнения компьютерного жаргона является заимствование лексики из английского языка. К заимствованиям, грамматически не освоенным русским языком, можно отнести слова: "гамбóвер" – несанкционированная остановка компьютерной программы (от англ. game over – конец игры); "смáйли" (от англ. smily) – смешная рожица, представляющая собой последовательность знаков препинания (: –)), набранных на клавиатуре компьютера.

Среди грамматически освоенных заимствований следует назвать жаргонизмы: "мáйлó" (от англ. mail – почта) – письмо, переданное по компьютерной сети; "гéймер" (от англ. жарг. gamer) – любитель компьютерных игр. Грамматическое освоение русским языком некоторых заимствований сопровождается их словообразовательной русификацией. Здесь мы имеем в виду жаргонизмы: "коннэ́ктиться" (от англ. to connect) – связываться при помощи компьютеров; "принтáвать" (от англ. to print) – печатать; "кил́ять" (от англ. to kill – полностью остановить) – прекратить какие-либо операции, выполняемые вычислительной машиной; "прогáммить" (от англ. to program) – заниматься программированием; "кликáть" (от англ. to click – звукоподражание "клик") – нажимать на клавиши мыши.

Как пример семантического заимствования следует привести слово *пинать* (сов. вид *пнуть*). Русское *пинать* в компьютерном жаргоне получило переносное значение "загружать в компьютер операционную систему или программу", возникшее под влиянием переносного значения английского *to boot* "пинать". Возможно, благодаря еще одному переносному значению английского выражения *to boot* русское *пнуть* стало означать в жаргонной речи программистов также "отправить по компьютерной связи письмо или файл". Говорят: "Давай попросим Microsoft пнуть нам исходники Windows" (Давай попросим фирму "Microsoft" передать нам исходные материалы к программе Windows).

Примечательно, что стилистически нейтральные в английском языке слова в жаргоне российских программистов приобретают функционально обусловленную сниженную стилистическую окраску: грубовато-

фамильярную, иронически-пренебрежительную или просто разговорно-непринужденную.

В жаргонной речи программистов нередко встречаются сокращения. Например, "маками" называют компьютеры марки Macintosh. Вот пример: "Персональные компьютеры бывают IBM-совместимые и Macintosh. Сегодня мы поговорим только о первой разновидности, а владельцам маков остается только пожелать выдержки до следующего выпуска" (Моск. комс. 1996. 1 дек.)

Иногда словосочетания сводятся к одному слову (приём универбизации). Так, название компьютерной игры "Wolfenstein" (в переводе с немецкого "Волчье логово") сократилось до жаргонизма "вольф" (от нем. Wolf "волк"). В августовском номере журнала "Страна игр" за 1996 год читаем: «Фанаты быстренько окрестили вышедшую демо-версию "вольфом" и с огромным удовольствием принялись спасать своего героя из фашистских застенков».

Примером универбизации может также служить жаргонизм *стратегия*, образованный от словосочетания "стратегическая игра". К категории "стратегий" относятся все компьютерные игры, где необходимо руководить военными действиями на уровне командира любого ранга. Часто в этих играх надо управлять не только войсками, но и экономическими ресурсами, то есть "тылом" (См.: "Энциклопедия компьютерных игр". С. 6, 7). Вот пример употребления жаргонизма *стратегия* из журнала "Про игры" (1996. № 6): "Стратегии, стратегии... Сколько их уже было! Что ж, Close Combat (название новой компьютерной игры. — П.Л.) не так уж отличается от своих сородичей, но все же заслуживает нашего внимания".

Лексика компьютерного жаргона содержит слова с тождественным или предельно близким значением — синонимы. Можно даже выделить целые синонимические ряды: "компютер" — "та́чка" — "аппара́т" — "машина́" (компьютер); "повис" — "упа́л" — "ру́хнул" — "скóрчился" — "поту́х" (так говорят о компьютере, который отказался работать); "винт" — "хард" — "диск" — "берда́н" — "тяжёлый драйв" (винчестер — жёсткий диск, установленный внутри компьютера, где помещены все программы).

В компьютерном жаргоне можно наблюдать и явление омонимии. Например, "тормозить" (плохо, медленно работать — о компьютере) и "тормозить" (убивать время, играя в компьютерные игры). Причем можно найти примеры омонимии как внутренней (между словами самого жаргона), так и внешней (со словами общенародного языка). Сравним, например, такие омонимы, как "кликать" ("звать кого-либо" в русской разговорной речи), с одной стороны, и "клíкать" в приведенном выше жаргонном значении — с другой.

В некоторых случаях можно говорить об омонимических отношениях, возникающих между словами из разных жаргонных систем.

Например, в молодежном интержаргоне слово "глюк" имеет значение "галлюцинация, мираж, видение". А в компьютерном жаргоне "глюк" – это непреднамеренная ошибка в программе, дающая непредсказуемый результат.

Отечественные программисты пополнили язык многочисленными фразеологическими оборотами. Большинство их характеризуется яркой эмоциональной окраской и стилистической сниженностью. Среди глагольных фразеологизмов можно назвать следующие: "топтать кнопки" – работать на клавиатуре компьютера; "жать батоны" – работать с мышью; "глюкало полировать" – заниматься излишним украшательством уже написанной компьютерной программы и др. К субстантивным следует отнести фразеологические обороты: "фаза Луны" – популярное объяснение для неожиданного включения компьютера или программы, которая вдруг "оживла" и принялась делать то, что от нее требуют; "трехпальцевый салют" ("выход тремя пальцами") – выключение компьютера одновременным нажатием клавиш Ctrl+Alt+Del; "мама родная" – основная (или материнская) плата в вычислительной машине и т.д.

Интересен своеобразный фольклор программистов, в котором терминологическая лексика употребляется в широком переносном смысле в различных ситуациях, не имеющих непосредственного отношения к профессиональной деятельности специалистов по компьютерной технике. Например, когда программист не хочет выполнять чью-либо просьбу, он может сказать: "Can't open (или "Invalid request") – "Не могу открыть" (или "Необоснованный запрос"). Именно такой англоязычный текст высвечивается на экране компьютера, когда машина не может выполнить поставленную перед ней задачу. "Divide overflow" ("перегрузка") – говорит компьютерщик, когда он из-за усталости оказывается не в состоянии воспринимать поступающую информацию. В аналогичной ситуации такую фразу выдает вычислительная машина. Засыпающий вечером трудного дня программист напутствует себя на сон грядущий словами: "System halted" ("Система остановлена"). То же самое, отключаясь, "говорит" и компьютер.

В профессиональной речи программистов есть выражение "загружать компьютер", то есть вводить в машину некую программу. Слово "грузить" сегодня в жаргоне компьютерщиков и молодежном интержаргоне получило новое значение «утомлять кого-либо длинными и "заумными" речами». Корреспондентка "Московского комсомольца" пишет: "Чтоб не грузить народ, приведу некоторые интересные места из ее работы..." (МК. 1996. 12 дек.).

В чем состоит отличие компьютерного жаргона от диалектов иного типа? Эмоционально окрашенная лексика программистов отличается от русской разговорной речи и просторечия "заикленностью" на реалиях

мира компьютеров. Явления, не относящиеся к этому миру, не побуждают программистов давать им жаргонные названия.

Следует отметить, что жаргонизмы часто оказываются производными от профессиональных терминов, заимствованных из английского языка.

От профессиональной терминологии программистов жаргонная лексика отличается эмоциональной окраской и некоторой размытостью значений слов, не характерными для терминов. Как правило, жаргонизмы выступают в качестве стилистических синонимов профессиональных терминов. Сравним, например, синонимичные конструкции: "стрелялка" (жарг.) и *аркада* (проф.); "бродилка" (жарг.) и *квест* (проф.); "леталка" (жарг.) и *авиационный симулятор* (проф.) и др.

Компьютерный жаргон – явление в русском языке новое. Новизна его определяется тем, что носители и создатели данной лексики – представители сравнительно молодой профессии – программисты. Существование компьютерного жаргона позволяет специалистам в области программирования не только понимать друг друга с полуслова. Благодаря знанию этого специального языка компьютерщики чувствуют себя членами некоей замкнутой общности, обособленной от "непосвященных". Явление подобного языкового обособления свойственно практически всем профессиональным группам, а не только программистам.

Мы лишь слегка затронули широкий пласт лексики, который представляет собой компьютерный жаргон. Развитие этого языкового явления и его распространение среди все большего числа носителей русского языка обуславливается внедрением компьютерной техники в жизнь современного общества. Думается, что компьютерный жаргон должен стать объектом пристального внимания ученых-языковедов, ведь, как показывают примеры других жаргонных систем, специальная лексика иногда проникает в литературный язык и закрепляется там на долгие годы.

Автор благодарит Саламатина Е.В., предоставившего сведения и материалы, использованные при подготовке данной статьи.

*Язык прессы***Два противоположных значения
в одном слове***Н. И. КЛУШИНА*

Изменения в политической и экономической жизни общества, повлекшие за собой смену идеологических, а иногда и нравственных ориентиров, разрушение мифологем, созданных советской печатью в предшествующий период, и размежевание печатных органов по признаку отстаиваемых ими идеологических позиций – все это отразилось и на системе русской лексики. Многие слова резко меняют свой смысл на прямо противоположный, происходит перераспределение лексических средств внутри стилистических групп.

Так, словосочетание *Советский Союз* для одних журналистов, ориентирующихся на консервацию прежних политических и экономических реалий, продолжает заключать в себе положительный смысл и употребляется ими в одном ряду со словосочетаниями *могущественная держава, великая родина, супер-держава* и т.п. Для других – это словосочетание обросло синонимами *империя, сверхмилитаризованная страна, вездесущее коммунистическое государство, военно-промышленно-административная машина* и т.п. Этот синонимический ряд носит резко отрицательную окраску. Существует и антонимический ряд, который средства массовой информации выстраивают к данному словосочетанию: *нормальные страны, цивилизованный мир, любая правовая страна* и т.п.

Превращение значений одного слова в противоположные делается иногда нарочито в целях создания иронии. Л.А. Булаховский по этому поводу замечал, что в стилистическом аспекте замену значений на противоположные "мы встречаем в широко распространенных явлениях иронии, т.е. насмешливого употребления слов или выражений положительного значения в противоположном понимании" (Русская речь. 1988. № 2. С. 69).

Такое ироническое осмысление в языке газеты прежде всего получили слова и устойчивые сочетания из так называемого "ритуального" языка советского периода: "Сходящие с рельсов поезда, падающие самолеты, взрывающиеся газопроводы и ядерные реакторы – вот

результаты героических пятилеток, когда во имя Его Величества Плана десятилетиями не останавливалось для капитального ремонта оборудование, когда всякая попытка внести здравый смысл в так называемую социалистическую экономику, увидеть за машинами человека объявлялись преступлением против государства" (Дело. 1994. № 2) и т.п.

Ироническая окраска приводит к изменению в статусе, семантической структуре и экспрессивной оценке переосмысливаемых слов: *светлое будущее, мудрый вождь и учитель, гегемон* и многих других, что позволяет создавать каламбуры: «Деловые рыночные отношения лишь начинают приходить на смену пресловутым социалистическим связям в рамках "лагеря"» (Комсомольская правда. 1993. 12 авг.). Таким образом реализуется установка общества на социальную переоценку лексики, обслуживающей его идеологическую сферу.

Говоря о причинах сдвига значений, которые в конечном итоге становятся противоположными, Л.А. Булаховский считает, что "прежде всего приходится принимать во внимание природу чувств, способных по-разному окрашивать те же самые или близкие представления в зависимости от установки, которую получает слово в своем употреблении" (Указ. соч.).

Так, например, существительное *демократия* в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкуется так: "Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан". Слово имеет нейтральную стилистическую окраску. Но в газетах данное существительное и производные от него употребляются как с положительным ("цивилизованные демократические страны", "в любой демократической стране", "перестройка, обновление, демократия"), так и с отрицательным оттенком: "демократический бомонд", "новоявленная демократия", "номенклатурная демократия", "повальная демократизация" и др.

В языке современной газеты целый пласт лексики, обслуживающей сферу идеологии, подвергся переоценке и "ухудшению" своего значения. Ряд слов безоговорочно закрепил за собой только уничижительную, неодобрительную окраску (напр., *партаппаратчик, совок, номенклатуристик*). А другие слова в данный отрезок времени находятся "на перепутье". С одной стороны, в массовом сознании еще живет их положительная окраска, а с другой – эти слова регулярно употребляются с отрицательной. Это "перепутье" и есть стилистическая энтимосемия, когда на определенном этапе "ухудшения" своего значения слово совмещает в себе еще незабытую положительную оценку и новую отрицательную.

Так, на базе отглагольного существительного *перестройка*, включавшего в себя значения глагола *перестроить* ("1. Произвести пере-

делку в какой-н. постройке. 2. Построить, переделать по-новому, внести изменения в порядок, систему чего-н." (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992) и употреблявшегося в одном синонимическом ряду со словами "переделка, реорганизация, преобразование, переустройство, реконструкция" (Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1993), было образовано новое значение хорошо известного слова, соотносимое с существительным *реформа*: «Собственно, и "перестройка" вначале выступала лишь как политическое оформление комплексной модернизации» (Российская газета. 1993. 12 марта); "Что мы вложили за семь лет перестройки в российскую деревню?" (Комс. правда. 1992. 6 авг.); "Уже вспыхивали за горизонтом зарницы близкой перестройки" (Комс. правда. 1992. 1 авг.).

Это новое значение зафиксировано в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой с нейтральной стилистической окраской: "В СССР в 1985–1991 гг.: процесс коренного изменения экономики и общественного сознания, направленный на развитие демократии и гласности, на окончание холодной войны".

Но газетное употребление данного существительного на временном отрезке, обозначенном "эйфория от гласности", закрепило за ним положительную коннотацию. Способствовали ее выработке и перифразы, широко употреблявшиеся на страницах печати: *волна обновления, реформы в СССР, переход от социализма к демократии, эпоха реформ* и др.

Но по мере дальнейшего осмысления обществом своей истории и развития "плюрализма мнений" положительные ассоциации, связанные со словом *перестройка*, уступают место негативным: «На перестроечном языке это свойство называлось "новым мышлением" или искусством компромисса» (Комс. правда. 1992. 23 окт.); «Действия Президента СССР могут объясняться только стремлением вернуть страну на рельсы той "перестройки" без перемен, которую мы видели в 1985–1987 годах» (Собеседник. 1991. № 6); "Отыскала их американская журналистка, продержавшаяся в России четыре с половиной года и пережившая вместе с москвичами всякие перестройки, послестройки и прочее непонятное" (Комс. правда. 1993. 8 июня).

Сходная судьба наблюдается и у существительного *гласность*, также на определенное время ставшего символом эпохи. Разница лишь в том, что развитие противоположных значений у этого слова проявляется уже повторно.

Рассматриваемое существительное было зафиксировано еще в 1790 году Словарем Академии Российской. Но особый терминологический смысл оно приобрело только к середине XIX века и вошло в круг общественно-политической лексики, обозначая уже не просто "известность", а "право каждого выражать свои мнения относительно

разных правительственных мер и учреждений" (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965). Наиболее часто слово встречается на страницах либерально-охранительной печати в ходе подготовки буржуазных реформ во второй половине 50-х годов прошлого столетия. Именно злоупотребление данным словом на страницах официальной печати привело к его дискредитации. Прогрессивные силы общества считали официально провозглашенную "гласность" урезанной, формальной, бюрократической и фальшивой. Ю.С. Сорокин приводит яркие примеры "сниженного" словоупотребления данного существительного. Так, Д.Д. Минаев иронически замечал: "Гласность – прежнее страшилище, всем приелась в краткий срок". Н.Г. Чернышевский четко разделял сходные по значению, но различные по стилистической окраске номинации *гласность* и *свобода слова*: «Первою чертою дела для примера пусть послужит так называемая гласность, – это, милостивый государь, бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения "свобода слова", и придуманное по догадке, что выражение "свобода слова" может показаться неприятным или резким кому-нибудь...».

Надолго выйдя из широкого словоупотребления как "опошленная", эта номинация вновь стала активно использоваться в языке газеты в период перестройки. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает толкование *гласности* как "максимальной открытости и правдивости в деятельности государственных и общественных организаций, действенная и активная форма участия общественного мнения в демократическом решении важнейших проблем страны". Это подтверждают газетные примеры: "до перестройки и гласности наше Отечество было империей лжи" (Комс. правда. 1992. 15 дек.).

Положительно оцениваемой *гласности* противопоставляются негативно окрашенные словосочетания *пропагандистский флёр*; *идеологическая зашоренность*; *идеологические стереотипы*; *идеологическое давление*, а само существительное употребляется в одном ряду с *демократией* и *свободой*: "...делающая все, чтобы удушить гласность и демократию" (Лит. газета. 1991. 26 июня); "Атмосфера гласности и информационной свободы" (Лит. газета. 1993. 21 апр.).

Но в дальнейшем у этого слова появляются и негативные ассоциации: "так называемая гласность" (Комс. правда. 1993. 7 марта); "Именно гласность в кратчайшие сроки развалила страну" (Известия. 1990. 29 авг.). Опять происходит различие и уточнение двух названий: "Гласность – этап. А свобода слова – это то, что даровано Конституцией и пока не осуществлено" (Собеседник. 1989. № 49); при этом наблюдается дискредитация первого: «И пока недостатки списываются "на них" – они гласны. Когда же невозможно будет списывать – прекратится и гласность» (Лит. газета. 1989. № 20) и т.п.

Затронула энантиосемия и слова *патриотизм*, *патриот*. В толковом словаре они содержат сугубо положительный оттенок в значении: "Патриотизм. Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу"; "Патриот. Человек, проникнутый патриотизмом". В современной газете эти существительные употребляются и с положительным, и с отрицательным смыслом: "Политик призван быть патриотом, ибо патриотизм есть любовь к своему отечеству, которое оформляется государственностью" (Подмосковье. 1995. 11 февр.); "крутой патриот" (Комс. правда. 1993. 19 янв.); "авторитарные патриоты" (Собеседник. 1991. № 6).

В истории русского языка, в частности, в языке публицистики, также наблюдался факт развития энантиосемии у этих слов. В 20-х годах прошлого века уже различали *истинный патриотизм* и *ложный*, получивший терминологическое закрепление в выражении *квасной патриотизм*. В.В. Виноградов указывал, что данным выражением обозначено общественное явление, противоположное истинному патриотизму. Такая номинация носила резкую негативную окраску, «став острым, презрительно ироническим прозвищем как официального, казенного патриотизма сторонников политики Уваровых и Бенкендорфов, опиравшейся на лозунг "православие, самодержавие, народность", так и реакционного народничества славянофилов» (Виноградов В.В. История слов. М., 1994. С. 238).

Реалии современной политической жизни, раскол общества на два противостоящих друг другу общественно-политических лагеря вызвали к активному употреблению в языке газеты существительных *патриотизм* и *патриот*, но не вернули давно известное выражение *квасной патриотизм*, вероятно, потому, что квас, с которым этимологически связано данное выражение, не является уже ярким, "говорящим" атрибутом современной народной, национальной жизни. Не "реанимировал" газетный язык и существительное *квасник*, известное со второй половины XIX в., обозначающее *квасного патриота* с еще более острым, по мнению В.В. Виноградова, оттенком пренебрежения (Виноградов В.В. Указ. соч. С. 242).

Для закрепления негативной оценки за трудно поддающимся дискредитации словом *патриот* (поскольку отрицательная стилистическая характеристика противоречит положительному компоненту значения) создается неологизм *национал-патриот*, где первая часть сложного слова употребляется как "название националистических партий, партийных группировок и их членов" (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. словарь) и имеет уже негативную семантику, распространяющуюся на вторую часть этого существительного. Эта оценка подтверждается и широко используемыми в печати синонимами *красно-коричневые*, *национал-радикалы*.

Переосмыслению и развитию противоположных значений в языке современной газеты подверглась и экономическая лексика. Но если лексика политическая была вовлечена в энантиосемию на пути "ухудшения" своего значения, то лексика экономическая включилась в рассматриваемый процесс на пути "улучшения". Так, например, слово *бизнес* в первом томе "Словаря современного русского языка", изданном в 1991 году, растолковывается как "деятельность, занятие, приносящее прибыль, выгоду; предпринимательская деятельность"; ему сопутствует вполне нейтральная оценка. Но рядом дано такое толкование этого английского слова: "наживаться", с пометой "разговорное". В этом смысле существительное *бизнес* гораздо чаще употреблялось в нашем языке и больше соответствовало нашим житейским представлениям о западном образе жизни. Производное слово *бизнесмен* словарь переводит как "предприниматель, делец".

Сегодня газеты пишут как об отрицательной "этике советского бюрократического бизнеса" (Комс. правда. 1992. 10 июня), так и об "идеологии честного бизнеса" (Аргументы и факты. 1992. № 3). Одни журналисты негативно отзываются о "нынешних розовощеких бизнесменах" (Комс. правда. 1992. 10 апр.), другие приветствуют "новое поколение наших бизнесменов" (Комс. правда. 1992. 31 марта).

Здесь огромную роль играют два фактора – инерция прошлого психологического опыта, закрепленного в массовом сознании (что обеспечивает восприятие как нормального отрицательного контекста для слов, еще недавно имевших негативную характеристику) и регулярность употребления в положительных контекстах.

То же происходит со словом *коммерция* и производным от него существительным *коммерсант*. Прошлый психологический опыт восприятия данных слов с негативными коннотациями («наши коммерсанты "толкали" детские коляски» – Комс. правда. 1993. 30 янв.) "вытесняется" все более регулярным употреблением их в положительном контексте: "Не все коммерсанты – теневики и мафиози" (Комс. правда. 1992. 18 апр.); "коммерция – это торжество торговли как таковой, свободной от идеологической конъюнктуры и бюрократического диктата" (Комс. правда. 1992. 31 марта).

Слово *конкуренция* тоже обросло новыми коннотациями: "разумная конкуренция" (Известия. 1990. 12 дек.); "цивилизованность конкуренции" (Известия. 1991. 17 янв.), сбросив рамки старых – *жесткая, бесчеловечная*.

Данные примеры подтверждают давно известный факт языкового развития. Как писала О.С. Ахманова, "стилистическая характеристика слова не остается неизменной на всем протяжении его существования в данном языке, а напротив, меняется в процессе исторического развития (и иногда очень значительно)" (Очерки по общей и русской лекси-

кологии. М., 1957. С. 276). Особенность современного развития энтимологии состоит в том, что оно происходит на наших глазах, в очень короткий промежуток времени.

Сказывается и то, что переосмысление рассматриваемых слов осуществляется не только быстро, но и резко, без полутонов, образуя полярные ассоциации в пределах одного и того же слова. Хотя существует способ не "шокового", а постепенного, плавного перевода данной лексики в разряд положительно оцениваемой, через промежуточные замены (субституты) ранее резко коннотированных терминов. Я. Монкоша-Бошдан пишет: "Такой способ условно назван субститутивным методом, когда термины, вызывающие отрицательные ассоциации, заменяются терминами-субститутами, т.е. привычными, более мягкими словами и выражениями". Так, по его наблюдениям, в Польше в период предвыборной кампании в сентябре 1993 года "были составлены списки слов, которые вообще не следует употреблять или же следует заменять словами-субститутами (это были конфиденциальные рекомендации-инструкции членам одной партии). Например: *капитализм* лучше заменить выражением "экономика на реальных основах"; не следует говорить о *богатстве*, а если уж возникает необходимость, то следует заменить выражением "нажитое состояние"; слово *капитал* людей шокирует, отталкивает, лучше заменить – "деньги, фонды, необходимые для большего накопления денег"; некрасиво звучат *проценты*, *процентные ставки*, лучше вместо этого говорить – "заработок, получаемый с денег, внесенных в банк или на биржу" и др. Данное предложение обосновывалось его авторами ссылкой на результаты социологических исследований, которые показали, что в начале 90 г., спустя 8 лет после принятия курса на рыночную экономику, свойственная ей терминология в ментальности людей в дальнейшем ассоциируется с прежними представлениями, сохраняет идеологические созначения, присущие ей в период перестройки" (Монкоша-Бошдан Я. Развитие коммерческой терминологии русского и польского языков. 80–90-е годы XX вв. Автореферат докторской диссертации. СПб., 1994. С. 8).

Но современные средства массовой информации редко используют подобную практику, предпочитая резко менять коннотации у известных слов, без эвфемистических замен. Так, например, существительное *предприниматель* в словаре С.И. Ожегова 1953 г. определяется как "капиталист, владеющий предприятием" и имеет негативную окраску. В.В. Виноградов в этом слове выделяет два значения, также негативно окрашенных: "1) капиталист – владелец промышленного или торгового предприятия; 2) аферист – ловкий организатор выгодных дел, предприятий" (Виноградов В.В. История слов. М., 1994). А словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992 г.) эту окраску снимает: "1. Вла-

делец предприятия, фирмы, а также вообще деятель в экономической, финансовой сфере. 2. Предприимчивый и практичный человек".

В современном газетном словоупотреблении данное существительное встречается в двух противоположно окрашенных контекстах. В положительном: "российский предприниматель"; "вольный предприниматель"; "первые сахалинские предприниматели (легальные, а не какие-то подпольно-теневые)"; "не жулики, а необходимые элементы будущей рыночной системы"; "Наши друзья-предприниматели". И в отрицательном: "один предприниматель, представитель теневой экономики"; "А лучше всех живет бизнесменам-предпринимателям-коммерсантам": «В последнее время стали появляться многочисленные публикации о "новоявленных советских предпринимателях"».

Кроме лексики политической и экономической, подверглись противоположному осмыслению и возвращающиеся на страницы газет утраченные ранее формы вежливости *дамы и господа*, дополняя собой ряд обращений *товарищи, граждане*.

В.В. Виноградов в статье "Основные этапы истории русского языка" говорил о разительных изменениях, произошедших после революции в экспрессивной окраске слов, "относящихся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям прошлого, дореволюционного быта, например, *господин* (теперь за пределами дипломатического языка – всегда с эмоцией враждебности и иронии)".

Сегодня на страницах газет мы встречаем эти слова, употребляющиеся в двух противоположных смыслах. С явным оттенком уважения и доброжелательности звучат обращения: "Милые дамы!"; "Здравствуйте, *госпожа Давиташвили*" и т.п. И совсем другой смысл слова активизируется в контексте: "предвыборный вояж *господина Жириновского*"; "новые *господа*"; "сытые дамы и *господа* в просторных кабинетах"; "Не думайте, *господа*, что Россия вам это простит", где слово *господа* – синоним *нуждающейся* и антоним *товарищей*.

Развитие энантиосемии оказывает активное воздействие на общественное сознание людей. Но вместе с тем использование журналистами внутрисловной антонимии затрудняет прочтение газетных материалов, так как многие слова употребляются в двух противоположных значениях. Понять, какое из них имеет в виду журналист, можно только из контекста. Это вынуждает авторов прибегать к бесчисленным оговоркам, уточнениям, разъяснениям, что ведет к избыточности информации и противоречит естественной тенденции к экономии языковых средств.

*Язык прессы***"ПРОРЫВ ДОЧУРКИ В ЯЩИК"***Н. В. МУРАВЬЕВА,**кандидат филологических наук*

Когда нам кажется, что нашу мысль трудно понять, мы хватаемся за спасительную соломинку – сравнение, образ. Потому что такое выражение, сопоставляя один предмет с другим, часто делает непонятное понятным. Это чувствуют даже люди, для которых точность всегда была важнее "красоты слога". Только вот образ образу – рознь. Часто журналисты своими образами разрушают все наши представления о мире. «Ира Салтыкова, – пишет еженедельник "Аргументы и факты", – довела этот стиль до маразма. Не обладая никакими вокальными данными, она взлетела, как метеор, используя мелодии гения "музыкальной шкатулки" Олега Молчанова и тексты на грани смешного». Но ведь метеор, насколько это было известно до сих пор, никуда и никогда не "взлетает", это не космический корабль. Читаем "Российскую газету": «Так что на вопрос: каким цветом двухтысячным летом к новым президентским выборам "окрасится" Ставрополье, ответ можно дать однозначный. Не в красный и не в розовый. Преобладать будут цвета нормальной жизни». Чем плох для нормальной жизни розовый цвет? Или красный? Если же речь идет о политике, то какого "цвета" нынешнее государственное устройство?

Иногда не успеваешь настроиться на один лад, как тебя бросает в пучину совсем других ассоциаций. Рассуждения "Советской России": "Это – прямой плод рыночной экономики. И не дефект переходного периода, а сама ее суть, на обуздание этой сути (? – Н.М.) на Западе тратятся огромные средства налогоплательщика. И справиться не могут!" Плод – это результат или все-таки суть? Или плод находится внутри?

"Московская правда" описывает тоже довольно странную ситуацию: «Мартин Ле Паж поет арии Полины Виардо вполне по-оперному, хотя, разумеется, чуть-чуть "под сурдинку", как и положено петь человеку для себя, погруженному в далекие, сладостные и горькие воспоминания». Так пела или нет Мартин Ле Паж, если согласиться с тем, что "под сурдинку" – это тайком, втихомолку, незаметно?

"Аргументы и факты" предлагает нам соединить сельское хозяйство

с промышленностью: «А пахари музыкальной индустрии – звукоинженеры, музыканты и аранжировщики – в большинстве своем мужчины с огромным студийным, концертным и кабацким опытом, с настоящей русской смекалкой, долгие годы умудрявшиеся писать на такой аппаратуре, что у любого западного "звукача" руки опустились бы после первых трех минут».

И совсем печально, когда журналисты в погоне за оригинальностью не замечают буквального, прямого смысла образного слова. В "Известиях": "Трудно сказать, по ошибке или с умыслом залетают снаряды на территорию дагестанских сел". В "Российской газете": "Охраняемый высокими столичными покровителями, наезжавшими в особый регион на особый отдых, глава КМВ Кулаковский, как пробка, выскакивал из любой сомнительной ситуации, в которую садился". В "Аргументах и фактах": "Если бы не очень нормальная ситуация, когда мультимиллионер отец огромными финансовыми вливаниями обеспечивает триумфальный прорыв дочурки в ящик, то появление Линды можно было бы только приветствовать". Жалко дочурку. И нас, читателей, тоже.

Как и почему изучают русский язык в Южной Корее

Н.В. ПЯГАЙ

Глубоко почитаемый потомками король Сэджон в начале 1444 года создал оригинальный корейский алфавит и назвал его "Правильные звуки для обучения народа". В этом видится символический смысл, ведь нынешнее экономическое благополучие Южной Кореи не в последнюю очередь связано с традиционным культом учености и с сегодняшним приоритетом сферы образования (бюджет Министерства образования составил в 1993 г. 19,25% всех государственных расходов, или 2,8% валового национального продукта).

Принято считать, что уважительное отношение к учености, знаниям, учителю корейцы усвоили из учения Конфуция. Действительно, морально-этические нормы этого учения активно усваивались корейцами на протяжении многих столетий, но в Корее его идеи попали на хорошо подготовленную национальными традициями почву.

Уважение к авторитарной власти, принцип строгой субординации и сильная групповая зависимость дали возможность развитию этносу, остававшемуся на протяжении длительного периода однородным (с нача-

ла нашей эры). Строго заданное субординацией положение человека заставляет искать опору в разного рода общностях. "Групповизм" традиционно очень характерен для корейцев. Знакомясь, они часто интересуются, к какому родовому клану ты относишься (члены одного клана восходят к общему предку), откуда родом (у корейцев свои группы и по принципу землячества), в каком учебном заведении учился (вышедшие из стен одного университета также "некровные родственники"). Эта особенность, конечно же, связана с тем, что корейцы были народом-земледельцем, и Корея была моноэтнической страной. Нередко ее называли "королевством-отшельником", ведь до конца прошлого столетия устойчивые связи с ней поддерживали лишь Китай, Япония и Россия.

Сеульская олимпиада 1988 года символизировала вступление Южной Кореи на мировую арену. "Чудо на реке Хан" началось. С площадью чуть меньше Ростовской области или чуть больше двух Московских, с населением чуть более четырех десятков миллионов, бывшая мировая провинция Корея осуществила гигантский прорыв. В 1993 году новый глава страны Ким Ен Сам провозгласил лозунг "создания новой Кореи", высокоразвитого современного общества, которое на пороге следующего столетия займет достойное место в мировом сообществе. Одним из главных инструментов построения обновленного общества была объявлена "новая дипломатия", целью которой должна стать "глобализация" Кореи, иначе говоря, выход ее на международную арену, настоятельная потребность в этом продиктована жизнью.

Прогрессирующее общество – обязательно общество, усваивающее то, что создано другими народами и культурами. Перенятые корейцами серьезные технологии, дизайн автомобилей и одежды, стиль рекламы товаров и услуг, манеры и интонации телеведущих – все это крепко укоренилось, хотя и родилось вдали от Корейского полуострова.

Корейский язык относят к изолированным. Однако в последние годы в нем благополучно натурализовалось немало английских слов, среди них и слово со значением "жена", а именно *wife* – *вайпхи*. Корейский этикет предписывает называть супругу по-разному: в зависимости от того, кем доводится ей собеседник, какова возрастная дистанция, насколько официальной является обстановка – таких именований больше десятка, среди них буквально переводимые на русский: "домашний человек" и "нашего дитяти матушка". Но за *вайпхи* надо видеть нечто большее, чем просто жена: за отказом от традиционных слов – отказ от всей прежней системы координат, где значимость женской личности определялась только в пределах патриархальной семьи. В этом смысле новое слово противопоставлено патриархальной номенклатуре декларацией нестарозаветных взаимоотношений между супругами, европеизированного уклада в семье.

Ныне каждый седьмой кореец живет не на своей исторической родине. Приехавших в Корею на постоянное жительство чужеземцев считанные единицы, а число стран, где проживают переселенцы из Кореи в первом, втором, а то и в третьем, четвертом поколении, как у нас в России, много. Это красноречиво говорит о способности корейцев приспосабливаться к инокультурной среде.

Об этом же свидетельствует и конфессиональное многообразие современной Южной Кореи, где представлены все религии мира. Больше двух веков насчитывает католичество, больше ста лет – протестантство. Поэтому здесь можно наблюдать интереснейшие симбиозы, когда в одном человеке в различных комбинациях и пропорциях уживаются шаманизм, буддизм, конфуцианство и христианство. Эта многовалентность нации ныне проявляется ярко, но потенциально, как готовность принять западное мышление, наличествовала давно.

Сегодня Южная Корея поддерживает дипломатические отношения с 171 государством мира. Естественно, наступил важный переломный момент в изучении иностранных языков. В свое время признание особой роли США привело к взрыву интереса к английскому. Сейчас растет количество отделений иностранных языков, увеличивается число изучаемых языков, крепнет осознание престижности владения ими. По многим языкам специалистов все еще недостаточно, нужда в них велика, тем выше ценность каждого (на открывшемся в Пусанском университете отделении казахского и узбекского языков заявлений было подано в 30–40 раз больше, чем мест).

Несколько лет назад начался и "русский бум". Прежде всего он был вызван, вернее, предопределен особым местом в ряду внешнеполитических приоритетов, отводимых "глобализацией" и "новой дипломатией" России, связи с которой имели место еще в прошлом столетии. Интересно, что именно в здании российской миссии в период японской оккупации нашел убежище корейский монарх. Эти связи, по известным причинам прерванные на долгие 45 лет, были восстановлены немногим более 5 лет назад. Для Южной Кореи Россия – прежде всего мощная держава, во-вторых, необъятная богатейшая сырьем страна, в-третьих, огромный рынок, и, в-четвертых, близкий сосед. Среди приоритетов и почитаемая во всем мире культура родины Пушкина.

Корейская русистика еще совсем молода, в качестве серьезной отрасли ее можно воспринимать лишь последние 40 с небольшим лет.

Первое отделение русского языка было открыто в Университете иностранных языков Хангук в 1954 году. Через двадцать лет – отделение русского языка и литературы в Университете Кореи. Еще через десять лет – два отделения в Сеуле и Кванджу. А за последнее десятилетие – еще в 21 университете.

Если раньше, в 50–70 годах, когда интерес к русистике часто носил

чисто академический характер, число изучающих русский язык насчитывало десятки, а затем сотню-другую человек, то теперь, когда всем обществом осознана значительная практическая потребность в нем, их число выросло до двух тысяч. В качестве основного предмета русский язык изучается студентами и аспирантами-филологами, его также осваивают будущие историки, экономисты, юристы и те, кого раньше на Западе называли советологами, как прикладную дисциплину – специализирующиеся в области точных и естественных наук.

Помимо университетов и традиционных колледжей, в Корее существуют еще и двухгодичные колледжи, высшие школы смешанного типа, там тоже изучают иностранные языки... Сотни научных работников, деловых людей изучают русский язык в специальных группах (они организованы институтами и фирмами, сотрудничающими с Россией или планирующими совместную работу) или самостоятельно. Кстати, московская аудитория также значительна, большая ее часть – обучающиеся в 15–20 вузах Москвы студенты, а также научные работники, бизнесмены, проповедники.

Ныне в каждом пятом университете Кореи (всего их 121) существует отделение русской словесности. В 25 университетах проходят подготовку полторы тысячи студентов.

Анкетирование корейских студентов-русистов показало, что эстетическое восприятие (бескорыстный интерес к русской словесности, желание на языке оригинала прочитать Пушкина или Солженицына) встречается редко. Это естественно, так как русскую литературу и культуру только начинают открывать, большая часть русской классики переведена с японского или английского. Для "поэтического" восприятия русского языка не было социальных условий.

Ныне то, что называют "интересом к языку" (В.Г. Костомаров) или "социальным престижем языка" (Л.Б. Никольский), получило социальный, политический, экономический импульс. С ростом перспектив корейско-российского сотрудничества растет и число отделений русского языка. Их выпускники успешно решили немалую проблему, вставшую перед человеком с новым дипломом, – получили престижные должности в государственных учреждениях, крупных фирмах, на кафедрах университетов. Поэтому преобладает так называемое инструментальное восприятие русского языка, рассматриваемого как орудие достижения утилитарных целей.

Обучают русскому языку более 60 профессоров и преподавателей (плюс 20 приглашенных из России). До 70-х годов это были, в основном, люди, изучавшие русский язык в Америке, Японии или Западной Европе, среди них преобладают советологи и литературоведы, после окончания университета прошедшие подготовку в магистратуре и докторантуре. В Южной Корее строгого разграничения филологов на

лингвистов и литературоведов до сегодняшнего дня не было. Ныне можно говорить о целом поколении корейских русистов, получивших образование на родине.

Корейские русисты объединены в три общественно-научные организации: Корейская ассоциация русского языка и литературы, Корейская ассоциация русистов, Корейское общество славяноведения. Они являются членами МАПРЯЛ и других международных научных союзов, имеющих контакты с учебными заведениями России и стран СНГ. Выходят сборники и журналы по русистике, осуществляются переводы русской классики и современной литературы. За 30 лет создано более 50 учебных пособий разного типа, за десять последних лет вышло около полутора десятков словарей.

В качестве преподавателей русского языка в Корее работали известные российские филологи-корееведы В.Н. Дмитриева, Л.Р. Концевич и Ю.Н. Мазур. В лучших культурных традициях России они пропагандировали не только русский язык и достижения нашей науки, но и российскую интеллигентность.

Истории методической науки известно, как в средние века изучались классические языки, например, латынь и греческий, а в Корее – ханмун: заучивались целые фразы и тексты, иероглифы зазубривались, литература читалась особыми способами. Корейский язык и ханмун – явления разнородные, хотя и сосуществующие, при этом ханмун не второй функционирующий наряду с корейским язык, даже в древности это не было диглоссией, тем более билингвизмом, это скорее "биграфизм", то есть параллельное использование двух графических систем. Тем не менее, подобно переключению языкового кода при билингвизме, "биграфизм" предполагает переключение кода графического, и тогда влиянием ханмуна, всего лишь традиционной записи в графике языка-оригинала освоенных корейским языком заимствований, можно объяснить психологические установки корейской аудитории. Здесь же можно увидеть источник возникновения приоритета письменной традиции перед устной, отсюда неременная опора на родной язык при изучении иностранного, тяготение к пословному и пофразовому толкованию материала. Как видим, все это не просто методические атавизмы, коль скоро связано с этнопсихологическими установками и тысячелетними лингвистическими традициями корейского народа.

Применительно к традиционным методам составлены и учебные пособия по русскому языку. Немалая их часть представляет переводы с японского и английского. Среди оригинальных в последние два-три десятилетия вышли стандартные учебники, разговорники, пособия по грамматике, фонетике и письму. Многие из них построены по трафарету: правило плюс примеры (к сожалению, нередко неживые, идеологизированные или выдающие недостаточную страноведческую

компетентность автора). Задания ограничиваются 3–4 типами.

Традиционная методика и соответствующие ей по духу учебные пособия нуждаются в обновлении.

Подобная ситуация в свое время сложилась в России, когда мощный социальный заказ стимулировал развитие методики преподавания русского языка как иностранного. При воздействии именно этого социального стимула методика русского языка как иностранного привлекла светлые филологические умы, ими были созданы новые теории, разработаны новые методики и написаны необычные учебники; по существу тогда эта наука заново родилась, благодаря чему она по сей день является у нас руководством для преподавателей не только русского, но и других иностранных языков.

Подобное обязательно случится с изучением русского языка в Южной Корее.

"Богослов прикажи, философ распорядись,
а ритор на посылочках"

О.А. АНИЩЕНКО,
кандидат филологических наук

"... Три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе запастись провиантом. Это были: *богослов* Халява, *философ* Хома Брут и *ритор* Тиберий Горобец" (Гоголь. Вий. Курсив в цитатах мой. – О.А.).

Кто же такие были *богослов*, *философ* и *ритор*? Всего навсего ученики семинарии, только разных ступеней обучения: *богословами* называли семинаристов старшего класса, *философами* – среднего, а *риторами* – младшего. Основанием для такого наименования послужило название ведущего предмета в школьной программе данной возрастной группы. Принятые обозначения переходили из уст в уста от одного поколения бурсаков к другому и активно функционировали в семинарской среде XIX века: «Младший класс официально назывался младшим отделением, а в обыденной речи семинаристов, по преданию, назывался короче "*риторика*"; потом официальное среднее отделение семинарии называлось проще "*богословие*" или богословский класс» (Грязнов Е.В. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии Евгения Грязнова. Вологда, 1903); «Семинаристы разделяются, как известно, на *богословов*, *философов* и *риторов* – разделение, какое еще было при Хоме Бруте" (Семинарист. Несколько слов о семинарском образовании // Русский вестник. 1864. Т. 51); "Расчет мальчика вполне оправдался: через несколько дней он с радостью прибежал к мнимому своему ходатаю и объявил себя *философом* (так обыкновенно называются, по преданию, ученики среднего

отделения семинарии)" (Ростиславов Д.И. Об устройстве духовных училищ в России. Лейпциг, 1863. Т. 2).

Ученики младших классов, кроме обозначения *риторы*, имели названия – *этимологи*, *поэты*: "...мы все только *этимологи*, *поэты* и *риторы*; и оттого-то не смеем, под опасением строгого наказания, пить вино, курить табак и отращивать усы" (Нарежнов В. Бурсак. М., 1900); в повести Н. Гоголя "Вий" упоминались и *грамматики*: "*Грамматики*, *риторы*, *философы* и *богословы*, с тетрадами под мышкой, брели в класс"; *синтаксисты* упоминались в журнале "Искра" в статье 1865 года: "В Крысачьей Норе первоклассники *синтаксисты*, *риторы* и другие не имеющие личных прав участвовать в угощении, отправлялись на нары..." (Спротяженносложенский И. Угощение (Из старинной семинарской жизни) // Искра. 1865. № 10); о *словесниках* вспоминают бывшие семинаристы П.Т. Руткевич и И.С. Никитин: «Самыми главными предметами классного изучения в низшем отделении семинарии считались словесность и русская литература, поэтому в прежнее время называлось это отделение "*словесностью*", так и мы называли его и считали себя "*словесниками*"» (Руткевич П.Т. Семинарские годы. Киев, 1912); "*богословы*, как люди, имеющие более веса, идут во главе; смиренные *словесники* образуют хвост" (Никитин И.С. Дневник семинариста // Собр. соч.: в 2 т. М., 1975. Т. 2).

Младшие школьники должны были выполнять определенные правила: беспрекословно подчиняться старшеклассникам, не оставаться после молитвы в классах, не пить вино, не курить табак, не отращивать усы и т.д. Переходя из класса в класс, ученики приобретали вес, привилегии и власть над новичками, находившимися под двойным гнетом – *богословов* и *философов*. Строгие иерархические отношения отразились в популярной семинарской поговорке: *богослов прикажи, философ распорядись, а ритор на посылочках*.

Пренебрежительное, высокомерное отношение к первокласснику выражено и в жаргонном употреблении слов *дикарь*, *дич* "ученик 1-го класса, новичок" (Словарь семинариста). Интересно, что в среде кадетов прошлого века новичков было принято называть *рябцами* – словом, имеющим, по данным "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля, следующие значения: птица из числа дичи, куриного рода и рыба. Таким образом, новичка и в бурсе, и в военной гимназии сравнивали с дикой птицей. Вероятно, за его беззащитность, пугливость; трепет дичи перед сильным зверем или охотником напоминал трепет слабого первоклассника перед сильным, жестоким старшеклассником. У Н.Г. Помяловского и его сокурсника Н.А. Благовещенского зафиксировано еще одно определение новичка – *словарь*, и если в семинаризмах *дикарь*, *дич*, а у кадетов – *рябец* высмеивалась неопытность, боязливость новичков, то в переосмысленном *словаре*

подчеркивалось их подчиненное положение и зависимость от установленных норм поведения: "Не презренный ли *словарь* – исчадие мелкой бурсы – оказал словом или делом непочтение аристократу семинарии, и *богослов* в гнев своем хочет раздавить его как ничтожнейшую тварь" (Помяловский Н.Г. Махилов // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1904. Т. 2); «Над "*словарем*" наблюдают сотни властей: старшие, подстаршие, начальники, наконец оба высшие отделения, – *словарю* вздохнуть нельзя свободно» (Благовещенский Н.А. Биографический очерк. Н.Г. Помяловский // Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 2). Показательно то, что Благовещенский заключает жаргонизм в кавычки и сопровождает его пояснением: "учеником низшего класса семинарии".

Наряду с учениками первых классов семинарии в униженном положении находились также и *уездники* "ученики уездного духовного училища".

Особого рода насмешкам подвергались и ученики приходского класса, где учились дети служителей прихода. Их в кругу воспитанников принято было называть *приходчина*; форма слова с суффиксом отрицательной оценочности передает ту пренебрежительность, с которой семинаристы относились к приходским ученикам: «В этих диких побиениях *приходчины*, совершаемых в потемках, выражалась, с одной стороны, какая-то нелепая удаль: "Раззудись, плечо, размахнись, кулак!", с другой стороны – "Трепещи, приходчина, и покоряйся!"» (Помяловский Н.Г. Очерки бурсы).

Иерархические отношения соблюдались не только между учениками духовного училища и семинаристами, не только между семинаристами низшего и высшего отделения, но и внутри отделения, то есть между воспитанниками одного отделения, одного класса. Начальство, стремившееся расколоть товарищество, отдавало одних учеников под власть другим, тем самым порождая большое количество должностей. Это способствовало появлению новых наименований, обозначающих занимаемую должность в классе.

Особыми привилегиями обладали в семинарском кругу *сениор* (лат. *senior* "старший") "главный среди старших учеников, призванный следить за благосостоянием Семинарии, поведением учеников, учителей", *аудитор* (лат. *auditor* "слушающий") "ученик, выслушивающий уроки своих товарищей" и *цензор* "ученик, следящий за порядком в классе до прихода наставника". Кстати, слово *сениор* в немецком студенческом жаргоне прошлого века означало звание первого старшины в корпорации, обладающего правом распорядителя во время студенческих пиров (См. об этом: Зеленин Г.Л. Немецкая экзотическая лексика в русском языке XIX века (на материале литературных текстов и словарей). М., 1991). Слово *сениор* как обозначение должности ученика в духовных школах в словарях не зафиксировано; в "семинарском"

значении его можно встретить только в литературе, отображающей быт и нравы дореволюционной духовной семинарии: "Для надзора за учениками он учредил так называемых *сениоров* или главных старших" (Казанский П. Воспоминание семинариста // Православное обозрение. 1879. № 9); "К трапезе часто присоединялся еще *сениор*, сиречь, главный старший – обыкновенно первый ученик из богословов" (Сычугов С.И. Записки бурсака. М.–Л., 1933).

Слово *авдитор*, кроме того, что нашло широкое распространение в литературе о бурсе, зафиксировано и словарями в школьном значении. Например, в "Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний" Ф. Толля отмечается: "*аудиторы* или *авдиторы* в наших духовных училищах те из учеников, кои назначены учителем для предварительного спрашивания товарищей". В "Словаре современного русского литературного языка" даны два значения слова *аудитор*: обозначение должностного лица в военных судах и "в дореволюционной семинарии или бурсе – ученик, назначенный учителем для выслушивания уроков своих товарищей".

Помощников *сениоров* называли *субсениорами* (от сущ. *сениор* + приставка *суб-* (лат. *sub* "под"), обозначающая в данном слове звание ниже другого): "...они имели своих помощников – *субсениоров* и получали жалованье" (Надеждин К. История Владимирской духовной семинарии (с 1750 по 1840 год). Владимир на Клязьме, 1875).

У *авдиторов* официальных помощников не было, а тех, над кем они властвовали, кого выслушивали, принято было называть – *подавдиторные*. В этом новообразовании использована школьниками русская приставка *под-*, а не синонимичная ей латинская *суб-*, и это неслучайно, так как приставка *под-* в данном жаргонизме имеет не только значение подчиненности, но и несет оттенок уничижительности, как бы указывающий на унижительное положение учеников: "подавдиторные чесали ему пятки, а не то велит взять перочинный нож и скоблить ему между волосами в голове...: заставлял говорить ему сказки, да непременно страшные, а не страшно, так отдует; да и чем только прихлопом разврате Тавли не служили для него *подавдиторные*" (Помяловский. Указ. соч.).

Подавдиторные вынуждены были регулярно приносить своему *авдитору* дань, что обусловило появление в бурсацкой среде переосмысленного *данник*: "Едва кончится слушание уроков, как начинается вымогательство *авдитором* от подчиненных ему товарищей дани, которая некоторыми вручается ему совершенно открыто в виде кусков черного, редко белого хлеба, иногда кусочка ржаного пирога и вообще что-либо съедобного. Живущие в бурсе сами обыкновенно почти всегда бывают голодны, а потому *данниками* являются квартирные ученики" (Сычугов. Указ. соч.).

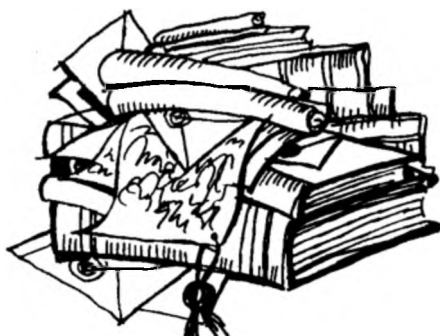
Повиновения и преклонения требовали и так называемые *цензоры*, которые отмечали в журнале, кто не был в классе по болезни, кто по неизвестной причине: "В каждой семинарии избирался *цензор*" (Казанский. Указ. соч.). Специфическое употребление слова *цензор* в духовной школе неслучайно. *Цензорами*, как известно, назывались в Древнем Риме лица, ведавшие проведением ценза и следившие за поведением и политической благонадежностью граждан. Перенос должностного лица в Древнем Риме на ученика семинарии основывается на общности функций, так как в обоих значениях сохраняется существенный функциональный признак – "следить за порядком".

Подобное применение нашло у семинаристов и "военное" слово *командир* "начальник какой-либо части войска", называющее духовного воспитанника, владеющего правом наказывать: "А *командиром* назывался ученик, имевший право по поручению начальства или учителя надзор за товарищем, причем каждому командиру давалось право, не спрашивая начальства, по своему убеждению сечь другого" (Надеждин. Указ. соч.).

Полное право сечь своих товарищей имели *секуторы*: «В камчатке обыкновенно "возлежал" "эксекUTOR" или сокращенно "*секутор*", т.е. ученик, на обязанности которого было держать наготове розги и, по приказанию начальства, исполнять не особенно почтенную обязанность палача» (В.К. Около бурсы // Русская старина. 1911. № 4); "Сидевший у порога ученик, так называемый *секутор*, с гибкою лозою в руке, усердно принимается за свою привычную работу" (Никитин. Указ. соч.). Интересно, что у Н.Г. Помяловского употребляется слово *секутор* в несколько иной форме – в форме *секундатор*: "У печки *секундатор*, по прозвищу Супина, учился своему мастерству: в руках его отличные лозы: он помахивал ими и выстегивал в воздухе полосы, которые должны будут лечь на тело его товарища" (Помяловский. Указ. соч.). Необычная форма *секундатор* получила отражение в "Словаре современного русского литературного языка", где в качестве иллюстрации приведен пример из "Очерков бурсы".

Итак, все рассмотренные наименования лиц наглядно показывают, как семинарская жизнь, наполненная и почестями, и унижениями, отражалась в языке семинаристов.

Казахстан,
Кокшетау

СТАРЫЕ РУССКИЕ МЕРЫ

Е.Г. БАГАЕВ

В последние годы в литературе часто встречаются старинные наименования русских мер. Это, как правило, факсимильные издания, не содержащие, к сожалению, никаких комментариев и объяснений. Попытаемся рассмотреть наиболее распространенные из них.

Особенностью многих единиц длины, которыми пользовались наши предки, являлось то, что они представляли собой части человеческого тела, т.е. то, что было "под рукой".

Линия – старая русская единица длины, равная 2,64 мм (0,1 дюйма) или ширине пшеничного зерна. Использовалась для обозначения диаметра нижней части (горловины) стекла керосиновых ламп.

Перст – старинное название указательного пальца руки, ширина его около 2 см. Отсюда – двенадцатиперстная кишка. Использовался как мера длины или толщины предмета.

Вершок – старинная русская мера длины, равная ширине двух пальцев руки – указательного и среднего, около 4,4 см.

Пядь, пядень (или *четверть*) – одна из самых старинных мер длины, совпадающая с четвертью аршина; существовали: *пядь малая* – расстояние между концами вытянутых большого и указательного пальцев руки, длина пяди малой около 19 см; *пядь великая* – расстояние от конца вытянутого мизинца до конца большого пальца – это 22–23 см; *пядень с кувырком* – получалась в старину путем прибавления к *малой пяди* длины двух или трех суставов указательного пальца. Длина таких пядей определялась соответственно в 27 см и в 31 см или 5 вершков.

Локоть – древнейшая мера длины, которой пользовались многие народы мира. Она, в частности, до недавнего времени и в нашей стране применялась в крестьянском хозяйстве, когда нужно было измерить длину домашней шерстяной пряжи или определить длину изготовленной пеньковой или другой веревок. Для этой цели такую продукцию наматывали на локоть. *Локоть* – это расстояние от конца вытянутого среднего пальца руки или сжатого кулака до локтевого сустава. Его длина колебалась от 38 до 46 см или 11–16 *вершков*.

Шаг – расстояние между пятками или носками идущего человека. Средняя длина *шага* – 71 см. Это одна из древнейших мер длины, дошедшая до нашего времени. Сохранились сведения об использовании *шага* для определения расстояния между городами в Древнем Риме, Египте, Персии, Древней Греции. В России *шагами* определяли размеры сторон земельных участков, расстояние между населенными пунктами.

Аршин – одна из распространенных русских мер длины – происходит от персидского слова *арш* – локоть. Содержит четыре четверти (*пяди*) или 16 *вершков*, или длину всей вытянутой руки от плеча до конца среднего пальца. *Аршин* использовался в Москве с конца XV века при продаже восточных тканей. Был равен он 72 см. Размер его уменьшился до 71 см в XIX веке.

Сажень – в старинных памятниках встречается с XI века. В XI–XVII веках длина сажени была 152 и 176 см. Это так называемая *прямая сажень*. Существовала еще и *косая сажень* – это расстояние от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки; длина такой сажени 216 или 248 см.

Верста. Первоначально – расстояние от одного поворота плуга до другого во время пахоты. Длина версты с конца XVIII века была равна 500 *сажням*, это около 1060 м. На Руси до XVIII века существовала еще и *межевая верста*. Она использовалась для определения расстояния между населенными пунктами и для межевания (от слова *межа* – граница земельных владений в виде узкой полосы). Длина такой *версты* – 1000 *саженей* – это около 2,13 км.

Позднее, при Петре I была введена *верста* длиной 500 *саженей*, и на таком расстоянии друг от друга вдоль дорог стали ставить столбы, окрашенные в три цвета. С начала XIX века вдоль основных дорог появились черно-белые полосатые столбы. Со второй половины XIX века на всех столбах вдоль железной дороги от Петербурга до Москвы расстояния обозначались в *верстах*.

Верста длиной в 500 *саженей* сохранилась в России до введения метрической системы в 1929 году. Столбы с верстовым обозначением были перемечены на километровые.

Десятина – мера земельной площади – десятая часть. В старину

десятую часть доходов отдавали церкви. Введена в конце XV века. В России существовали различные виды *десятины*. Они отличались друг от друга как по площади, так и по названию. В.И. Даль в своем Словаре приводит следующие виды десятины: *казенная* – тридцатка или сороковка $80 \times 30 = 2400$ (кв. *саженей*) или $60 \times 40 = 2400$ (кв. *саж.*); *хозяйственная косая*, *домашняя* – $80 \times 40 = 3200$ (кв. *саж.*); *круглая* – $60 \times 60 = 3600$ (кв. *саж.*); *сотенная*: $100 \times 100 = 10000$ (кв. *саж.*); *астраханская*: $100 \times 10 = 1000$ (кв. *саж.*); *бахчевая*: $80 \times 10 = 800$ (кв. *саж.*).

В XVIII–XIX веках пользовались так называемой *владельческой (хозяйственной) десятиной*. Ее площадь равна $80 \times 40 = 3200$ (кв. *саженей*).

Золотник – старинная русская мера веса (массы), около 4,26 г. С конца XVI века служил единицей веса драгоценных металлов и камней. Является 96-й частью *фунта* (см. далее).

Фунт – старая русская мера веса (массы). *Торговый фунт* равен 409,5 г, $1/40$ *пуда* (см. далее), 96-и *золотникам*. *Аптекарский фунт* содержит 356,3 г.

Пуд – старая русская мера веса (массы), равная 40 *фунтам* или около 16,38 килограммам.

Дюжина. Однородные виды товаров, например, столовые наборы продавались счетом на дюжины, т.е. по 12 штук. В некоторых случаях употребляется и в настоящее время.

Приведенные меры широко использовались в России повсеместно до 1918 года, т.е. до времени введения декрета Совета Народных Комиссаров, но и после этого еще долго бытовали старые меры. Но это не значит, что в России не применялась новая метрическая система до 1918 года. Ее употребление в России было разрешено уже в 1899 году наравне со старыми мерами. Одним из основных препятствий для окончательного введения новой системы и отмены старой были трудности в изготовлении большого количества гирь и весов, к чему промышленность России того времени еще не была подготовлена. Окончательный переход к новой системе мер произошел с января 1927 года.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Мста. Река, впадает в озеро Ильмень в Новгородской области; древняя форма *Мьста*. Многие исследователи связывают это название с прибалтийско-финским *musta* "черный" (через др.-рус. Мьста) и гидронимом *Mustajoki*. На карте России и Сибири, составленной в XVI веке, она обозначена как: *Musta fl.* (Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971). Сомнение вызывает большое количество сходных славянских антропонимов – *Мста*, *Мстивой*, *Мстища* и др., основы которых недостаточно изучены (Агеева. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации). По свидетельству А.И. Попова, в бассейне Мсты очень распространены "черные" и "белые" гидронимы. Несколько речек носят названия *Черная*, а также есть река *Белая*, ручей *Белый*. Название *Мста* известно в Поочье (в бассейне рек Угры и Рузы).

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6; 1997. №№ 1, 2.

мстѣнский, -ая, -ое

Мстѣра (1935). Рабочий поселок во Владимирской области. Название дано по реке Мстѣра (современная Мстѣрка), на которой было основано селение. Происхождение гидронима, видимо, такое же, что и реки Мста, впадающей в озеро Ильмень. В основе его можно видеть прибалтийско-финское *musta* "черный" и речной (озерный) элемент *ярв*, давший в русском языке *ер*. М. Фасмер сравнивает топоним *Мстѣра* с финским *Mustajärvi* (Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 3. Berlin, 1935). Поблизости есть ряд названий с элементом *хра*, что является другим вариантом *ярв* в Поочье: озера *Вичехра* (дважды), *Нечихра* и др. (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки). См. *Мста*.

– Мстѣра – известное место художественного народного промысла – лаковой миниатюры, в прошлом иконописного центра, на базе которого после революции 1917 года развилась так называемая *мстерская живопись* – расписывание лаковыми красками шкатулок, ларцов, коробочек, игольниц, бисерниц и т.п.

мстѣрцы, мстѣрец и мстеряне, мстерянин, мстерянка; мстерчане, мстерчанин

мстѣрский, -ая, -ое

Мураново. Населенный пункт в Московской области. Название, возможно, имеет антропонимический характер – по прозвищу или фамилии владельца: русское диалектное *муранка* (из *муран*) "суслик". Эта фамилия известна у русских в XVI–XVII вв.: Муранов Богдан Васильевич – 1565 г., Углич; Мурановы, вторая половина XVI–XVII вв. (Веселовский. Ономастикон).

– Здесь находится музей замечательного русского поэта Ф.И. Тютчева. Многие годы в Муранове жил поэт Баратынский, мечтавший создать здесь "приют" для русской поэзии. В усадьбе гостили Гоголь, Полонский, Майков и многие другие представители русской культуры.

мурановцы, мурановец, мурановка

мурановский, -ая, -ое

Мурмино (1944). Рабочий поселок в Рязанской области на Оке. Более ранняя форма названия *Муромино* (XVI–XVII вв.). Это дает основание связать его с этнонимом *мурома*. Гидронимия такого происхождения довольно широко представлена в среднем Поочье: река *Муромка* (неоднократно), озеро *Муромское*, *Муромская Лука*, река *Муромец* и др. (Смолицкая. Указ. соч.).

мурминцы, мурминец

мурминский, -ая, -ое

Муром (862)*. Город во Владимирской области. Один из древнейших русских городов. Считается, что в основе топонима название финноязычного народа *мурома*, проживавшего здесь до прихода славян, т.е.

Муром – город муромы. Не исключена и обратная зависимость. Этимология слова *мурома* не известна. В этом регионе много аналогичной гидронимии: река *Муромка*, озера *Муромское*, *Муромская Лука*, *Муромец*, *Мурма* и др. (Смолицкая. Указ. соч.).

муромцы, муромец и муромляне, муромлянин; муромчәне, муромчанин, муромчанка

муромский, -ая, -ое

Муромцы – вертячие бобы, рогатые орехи. В этих прозвищах отражается непоседливый, непостоянный характер муромцев.

В Суздале да в Муроме богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться. Речь идет о том, что в Суздале и Муроме много церквей, иконописцев и икон, и что это главная достопримечательность обоих городов.

Мѣна. Река в верхнем течении Оки. Более ранние названия: *Мецна Мокрая* (XVI–XVIII вв.), *Мецна* (XVII в.). Происхождение названия не известно, научное исследование его не начиналось. Существует несколько предположений: из апеллятива *мчела* "пчела" (Даль Т. II); гидроним сближается с прибалтийско-финским *тааһна* "рыбья икра", карельским *täähnä* в том же значении и др. (Фасмер. Т. III), что, по мнению исследователей, считается маловероятным (Никонов. Краткий топонимический словарь). Обращает на себя внимание тот факт, что группа гидронимов содержит в своем составе элемент *цна* или представлена только им: *Мецна*, *Цна* – неоднократно, причем с чередованием *ц/ч*: *Мценск* и *Мченьск*; а также *сна*: *Сосна*, *Десна*, последняя известна в варианте *Сна* (Смолицкая. Указ. соч.). Особенно интересен такой факт: в верхнем течении Оки есть река *Цон* (*Цона*, *Оцно*, *Оцна*, *Оцон*) и на ней хутор *Цна*, что свидетельствует о единстве этих названий. Судя по всему, *цна* (*сна*) – это какой-то географический термин, возможно, финно-угорского происхождения, о чем свидетельствует его повторяемость, и то, что гидронимы фиксируются преимущественно в зоне цокающих диалектов русского языка на территории бывшего расселения финноязычных племен. Это подтверждается археологическими данными. См. *Десна*, *Сосна*, *Цна*.

Мѣенск (1147)*. Город в Орловской области, в летописях известен в форме *Мценескъ*, *Мьченескъ*, *Мченьскъ* и др. Местная устная форма топонима до XIX века *Амченск* (Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил П. Семенов. СПб., 1867. Т. III). Название жителей *мецняне*, известное в источниках с XVII века. Город назван по реке Мецне (она же Мцена и Мецна Мокрая). См. *Мцена*.

мецняне, мецнянин и мценяне, мценянин; *устар.* амчәне (омчәне), амчанин (омчанин) и *устар.* мчәне, мчанин;

амченцы, амченец

мценский, -ая, -ое

Цыгане Мценск за десять верст обходили. Речь идет о том, что жители Мценска хитрые, ловкие, могут обмануть кого хочешь, даже цыган.

Амченина бы тебе во двор. Так говорили, если хотели кому-нибудь пожелать плохого.

Мытищи (1925). Город в Московской области. Название довольно прозрачное, легко этимологизируется и имеет лингво-историческую аргументацию. В основе его апеллятив *мыт* "пошлина за провоз товаров" и суффикс *-ищ(и)*, который в русском языке XI–XVII веков указывал на бывшее местонахождение чего-л. *Мытищи* – место, где взимали мыт за провоз товаров (прохождение судов) из Москвы-реки в Яузу и Клязьму, а затем в Оку и Волгу. Здесь был своеобразный контрольный пункт по взиманию мыта за пользование Яузским волоком. Селение известно с XIV века как *Яузское мытище*; позже село *Большие Мытищи* (до сер. XIX в.), поблизости деревня *Малые Мытищи*. Аналогичные названия известны в других местах Европейской части России. Ср. *Выиний Волочек*, *Волоколамск*.

мытищинцы, мытищинец, мытищинка

мытищинский, -ая, -ое

Мышкин. Город в Ярославской области, на Волге. Название, видимо, антропонимического происхождения. По легенде, город основан каменщиком Мышкиным, который в конце XV века участвовал в строительстве Успенского собора в Кремле (Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. III). Фамилия *Мышкин*, несомненно, образована от прозвища *Мышка*, которое известно с середины XVI века: Мышка Иван, крестьянин, 1545 г. Новгород (Веселовский. Указ. соч.).

Набрные Сыреси. Мордовско-русское село в Мордовии. *Сыресь* – антропоним, личное мужское мордовское имя, известное в источнике 1671 года в форме фамилии *Сыресев*. По мнению И.К. Инжеватова, *набрные* можно толковать по-разному: "на бору" или "набранные, собранные из разных мест" (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

набрносыресский, -ая, -ое и сыресский, -ая, -ое

Навля. Русский поселок в Мордовии. В 1866 году – *Новлейский хутор*; поселок образован в 30-е годы XX века. Название дано по реке Навля, на которой он расположен. Гидроним состоит из двух слов мокша-мордовского языка: *нав* (*ама*) и *ляй* "мочильная река", т.е. река, в которой мочили коноплю и лыко (Инжеватов. Указ. соч.).

навлинцы, навлинец

навлинский, -ая, -ое

Навля. Рабочий поселок в Брянской области, сформировавшийся в 1938 году. Название дано по реке Навля, левому притоку Десны, на которой он основан.

на́вли́нцы, на́вли́нец

на́вли́нский, -ая, -ое

На́вля. Река, неоднократно повторяющаяся в Верхнем Поднепровье. Существует несколько версий о происхождении этого названия. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев склонны видеть в этом гидрониме основу *пау, давшую с -j- форму *Navia*. Наличие в данном регионе балтийской гидронимии позволяет соотнести гидроним *Навля* с латышским *Nāves, ežers, Naves tēce* "озеро, ручей смерти" (Топоров, Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья). Толкование названия реки из индо-европейского *пау "река, течение", также как *пау "мертвец, смерть" они считают маловероятным. Такого же мнения придерживался и В.А. Никонов (Указ. соч.).

Нава́шино (1957). Город в Нижегородской области. Получил название как железнодорожная станция по соседней деревне Новошино в 1912 году. В 1957 году в результате слияния с поселками Мордовщиново и Липня стал городом Навашино. Видимо, название деревни *Новошино* имеет антропонимическое происхождение, по фамилии владельца.

нава́шинцы, нава́шинец

нава́шинский, -ая, -ое

Наво́локи (1938). Город в Ивановской области. В основе названия русское диалектное *наволо́к* с широким кругом значений с общим признаком низменного характера местности (берег, остров, луг, поле и т.п.) и нанесенного (наволоченного) рекой песка, кустарника, коряг и т.п., что вызывает изменение линии берега, образование мысов, излучин, островов. Селение, возникшее около таких объектов или на них, тоже получило название *Наволо́к* или *Наволо́ки*, *Наволо́чный* и т.п. Это слово особенно активно в топонимии северной и северо-западной частей России: в Архангельской, Вологодской, Ленинградской областях, в Карелии.

наво́ло́кцы и наво́ло́кча́не

наво́ло́цкий, -ая, -ое и наво́ло́кский, -ая, -ое

Наги́ши. Село в Рязанской области. Вероятно, название дано по бедности и нищете его жителей. В прошлом оно называлось *Лебяжий Усад*. *Лебяжий* – прилагательное к *лебедь*; *усад* "место, отведенное под усадьбу, селение" или "небольшое отдельное поселение", часто "помещичья усадьба". Видимо, село Нагиши сформировалось на месте усада Лебяжий.

наги́шинцы, наги́шинец, наги́шинка

наги́шинский, -ая, -ое и наги́шовский, -ая, -ое

Наго́рная Вы́шенка. Деревня в Мордовии. В XIX веке называлась *Нагорное* (*Вышонки*). *Вышенка*, *Вышенка*. *Нагорная* – потому, что находится на крутом, высоком берегу реки Нея; *Вышенка* – диалектная

форма от *вишенка*. В данном месте издавна разводили вишневые сады (Инжеватов. Указ. соч.).

нагѳрновышенцы и вышенцы

нагѳрновышенский, -ая, -ое и вышенский, -ая, -ое

Надѳжка. Село в Рязанской области. Как считают исследователи, название было дано потому, что жители села были исправными налогоплательщиками, надежными крестьянами.

надѳжкинцы, надѳжкинец

надѳжкинский, -ая, -ое

Назия. Поселок городского типа в Ленинградской области. Название дано по реке Назия, на которой он сформировался. В основе гидронима финское слово *nasia* "ядовитый кустарник волчье лыко" (Кисловский. Знаете ли вы?).

назийцы, назиец, назийка

назийский, -ая, -ое

Нара. Река, левый приток Оки. Вероятно, в основе названия финно-угорский корень *нар-* (*нор-*, *нер-*) в значении "полевой". Ср. эрзянское *нар* "луг". Это подтверждается и наличием таких пар гидронимов как *Лесной Воронеж* и *Нор-Воронеж* (XVIII в.), современное *Лесной Воронеж* и *Польной Воронеж*; реки *Лесной Тамбов* и *Нару-Тамбов* (XVIII в.). Вероятно, через эту основу можно объяснить и гидроним *Нерль* (в басс. Волги и Клязьмы) как "полевые реки", т.е. реки, берущие начало во Владимирском ополье: озеро Неро – находящееся в ополье, за лесом. С другой стороны, гидроним легко объясняется на балтийской основе и соотносится с литовским *para* "поток", приведенным Л.Г. Невской (Балтийская географическая терминология). Довольно большой материал, приведенный В.А. Никоновым, дает представление о том, что гидроним *Нара* в контексте аналогичных ему названий может быть в равной степени объяснен как на балтийской, так и на прибалтийско-финской основе (Никонов. Указ. соч.).

Нарва. Река. Вытекает из Чудского озера и впадает в Нарвский залив (часть Финского залива). Ее название исследователи выводят из прибалтийско-финского языка, в частности, из вепсского *narveine* "порог". Это поддерживается тем обстоятельством, что Нарва бурная и порожистая река. На левом берегу ее находится город Нарва (Россия), а в устье – поселок городского типа Нарва-Йыэсуу (Эстония).

нарвцы и наровцы, наровец

на́рвский, -ая, -ое и на́ровский, -ая, -ое

Нармуша́дь. Село в Рязанской области в бассейне нижнего Поочья. Судя по наличию в данном регионе гидронимов *Нарва*, *Нармур*, *Нарош*, *Нарошмар* (*Нарочмар*), озеро *Нармуши* и т.п., структуру этого названия можно представить так: *Нар* (*нор/нер*) – древняя финская или балтийско-финская основа в значении "полевой, безлесный". Элемент

-му- соответствует известному речному форманту *-ма*, который археологи соотносят с дьяковской и городецкой культурами (вторая пол. I тыс. до н.э. – первая пол. I тыс. н.э.). В финале *-шадь* можно видеть измененное слово *шат*, представленное в таких топонимах того же региона, как современный город Шацк на реке Шаче (более раннее – Шате). Археологи считают, что постоянное поселение на месте современной Нармушады существовало уже в эпоху бронзы (со второй пол. II тыс. до н.э.). Приведенная гидронимия находится в бассейне реки Мокши и соседствует с названиями на *-ур(-ар, -ер)*, *щер* и т.п.

нармушадцы, нармушадец

нармушадский, *-ая, -ое* и нармушадский, *-ая, -ое*

Нáро-Фоминск (1926). Город в Московской области. Другие формы названия: село *Фоминское*, *Фоминский мыт* (XVI в.). Название составное, первая часть по реке Нара, при впадении которой в Оку было основано селение. Вторая часть – *Фоминское*, *Фоминск* имеет антропонимический характер. Название *Фоминский мыт* свидетельствует о том, что здесь был пункт сбора мыта, пошлины за пользование волоком из Москвы-реки в Оку, что подтверждается фактом нахождения здесь волока.

нарофоминцы, нарофоминец

наро-фоминский, *-ая, -ое*

Нары́шкино. Рабочий поселок в Орловской области, сформировавшийся в 1938 году. В основе названия фамилия владельцев бывшего села. Фамилия *Нарышкины* известна с середины XVI века (Веселовский. Указ. соч.). В основе ее слово *нарышка*, вероятно, в значении "насмешка" (СРНГ. Вып. 20), хотя Веселовский соотносит ее с *нарышка* "отрыжка", видимо на основании *нарыжка* "дурной запах" (Даль. Т. II).

нарышкинцы, нарышкинец

нарышкинский, *-ая, -ое*

Наче́налы. Русское село в Мордовии. В середине XIX века оно имело два названия – *Наченалы*, *Архангельское*. Второе название дано по сельской церкви во имя архангела Михаила. Первое название представляет собой трансформацию двух эрзя-мордовских слов *начко* и *нал*, что значит "роща на сыром месте" (Инжеватов. Указ. соч.), а село – "у рощи на сыром месте".

наченальцы, наченалец

наченальский, *-ая, -ое*

Не́больчи. Рабочий поселок в Новгородской области; сформировался в 1962 году. Происхождение названия не известно. Топоним можно соотнести с названием реки *Болоча* (*Болочанка*) в бассейне Верхнего Поднепровья. Этот гидроним В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев связывают с литовским *Balčia* и считают его возможным балтизмом (Указ.

соч.). На балтийском материале можно усмотреть его связь с балтийским *balākelis* "дорога через болото, низменное место", приведенным Л.Г. Невской (Указ. соч.), и вообще со всеми балтийскими апеллятивами на *bal-*, имеющими значение "болото, влага, сырость".

нёбольчинцы, нёбольчинец

нёбольчинский, -ая, -ое

Нева. Река; представляет собой протоку из Ладожского озера в Финский залив, протекает через город Санкт-Петербург. Этимология ее представляется довольно прозрачной и выводится из прибалтийско-финского *Nevajoki*. Название Ладожского озера – *Нево* получено от этого гидронима, в основе которого прибалтийско-финское *neva* "болото, трясина", "моховое болото".

нёвский, -ая, -ое.

Нёвель (1773). Город в Псковской области. Происхождение названия не известно. Не исключено, что в основе его прибалтийско-финское *neva* "болото, трясина, моховое болото", которое в этих местах и сейчас обозначают словом *невье*. У топонимов появился вставной звук *л*, в результате перестановки конечного *е*, возможно, под влиянием муж. р. называемого объекта. Упоминается в источниках в числе городов, основанных в XVI веке, но имеются сведения о более раннем его существовании.

невельчане, невеличанин, невеличанка и нёвельцы, нёвелец;

невеляне, невелиянин; *устар.* невяляне, невялянин

нёвельский, -ая, -ое, и *устар.* невелиской, -ая, -ое

Нерехта (1778). Город в Костромской области. Название дано по реке Нерехте, на берегах которой расположен. Происхождение названия не известно. Его можно сопоставить с гидронимами с основой *нер-* (*нор-*, *нар-*) "полевая" и формантом *-хта*, *-гда*, известными на Русском Севере и в междуречье Волги – Оки. Предположение М. Фасмера о связи с *реготать* "шумно течь" (*не* + *рехта*) требует более убедительной аргументации (Фасмер. Т. III). См. *Неро*, *Нерль*.

нерехтчане, нерехтчанин, нерехтчанка, нёрехтцы, нёрехтец;

устар. нерехотцы, нерехотец и нерехонцы, нерехонец

нёрехтский, -ая, -ое; нёрехтинский, -ая, -ое;

устар. нерехотский, -ая, -ое

Нерехотские бегуны. Имеется в виду одно из занятий жителей Нерехты – скупка пряжи по селам со своим безменом. Для этого надо было много бегать, чтобы успеть скупить пряжу.

Нерехта на ум наставит. В поговорке отмечается большой ум, обстоятельность жителей Нерехты.

В Нерехте не бойся воров, а каменных домов. Подразумевалось, что богатство в Нерехте наживалось нечестным путем.

Нерль. Название двух рек: правый приток Волги и левый приток

Клязьмы. Происхождение названия не известно. В.А. Никонов приводил мнение А. Погодина о литовском происхождении названия, не имеющем никакой аргументации. Сам же Никонов усматривал связь Нерль и Неро, хотя и считал ее проблематичной, так же, как и объяснение через этноним *меря* (Никонов. Указ. соч.). Представляется довольно реальным видеть поволжско-финское происхождение гидронима, в основе которого апеллатив *нер* "поле", "полевой", тот же, что и в Неро. Эта река берет начало так же, как и Нерль Клязьминская, в ополье, за лесом (здесь г. Переславль-Залесский). На участке между озерами Плещеево и Сомнино Нерль носит название *Вёкса*, что вполне можно считать вариантом *Вуокса* и соотнести с финским *vuota* "течь, протекать", это река – протока (между двумя озерами). По свидетельству А.И. Попова, на территории бывшего проживания племени меря много речек с названием *Векса* (*Вокса*), которые являются истоками из озер Галичского, Чухломского, Ростовского и др. (Попов. Следы времен минувших). А.И. Попов видел в элементе *-ль* мерянский вариант мордовского *-ляй* "река" (Топонимика древних мерянских и муромских областей). См. *Неро*.

– На реке Нерли находится знаменитый храм Покрова, один из выдающихся архитектурных памятников XII века на Руси.

нёрьльский, *-ая, -ое* и нёрлинский, *-ая, -ое*

Нерль. Рабочий поселок в Ивановской области, сформировавшийся в 1927 году. Название дано по одноименной реке Нерль, правому притоку Волги. О происхождении и значении топонима см. *Нерль*, *рскя*; *Неро*.

нёрлинцы, нёрлинец, нёрлинка и нерляне, нерлянец, нерлянка, нёрьльский, *-ая, -ое* и нёрлинский, *-ая, -ое*

Продолжение следует

К 850-летию Москвы

Черемушки, Ясенево

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук

Поистине необъятна территория Москвы конца XX века, наш нынешний мегаполис не сопоставим со столицей начала века и даже с Москвой предвоенной – Митино и Бутово, Медведково и Орехово-Борисово, Новогиреево и Крылатское, Ясенево и Тушино, Выхино и Чертаново стали настоящими городами в городе. Население каждого из таких огромных районов составляет десятки, сотни тысяч человек. К сожалению, за этими новыми жилыми массивами закрепилось ироническое название *"спальные районы"*, а их архитектура и планировка по большей части не радуют глаз и душу своеобразием и выраженной индивидуальностью. Стандартные дома, улицы и кварталы, типовые школы и универсамы, вечные проблемы с наземным транспортом – эти черты, увы, присущи и двум районам юго-запада Москвы, истории наименования которых посвящен мой очередной рассказ. У части москвичей распространено мнение о том, что такие территории в Москве в большинстве своем лишены исторических корней и не представляют собой ничего особенно интересного с точки зрения истории города, отечественной культуры...

Ошибочность такого суждения пытаюсь доказать в выступлениях по радио и телевидению, в газетных публикациях, на встречах с читателями. Тушино, Раменки, Очаково, Косино, Химки, Крылатское, десятки других местностей столицы, – все это древняя земля Московского края, которая буквально дышит стариной, легендами, преданиями, памятью о наших предках-славянах. Здесь простирались пашни, зеленели рощи, стояли деревни и села. Необходимо лишь желание – и перед вами откроются интереснейшие страницы истории. Ведь даже название московского района *Черемушки*, ставшее в советское время буквально нарицательным в связи с массовым жилищным строительством здесь, на юго-западе столицы, принадлежит старинному подмосковному селению (хотя во многих городах бывшего Советского Союза появились свои "Черемушки" как символ новостроек, как городской топоним, имеющий значение "новые кварталы и микрорайоны"). В документах Поместного приказа XVI века, ведавшего на Руси земельными делами, москвоведы разыскали запись, в которой оно упоминается как "пустошь Черемошьье, на Черемошском враге, в порозших землях". Урочище Черемошьье было продано в 1629 году двум владельцам – Афанасию Прончищеву, из семьи потомственных русских дипломатов, и дьяку Венедикту Махову. Новые хозяева земель на Черемошском враге оказались людьми энергичными, место это было быстро заселено. И вот из следующего по времени документа Поместного приказа, датированного 1633 годом, мы узнаем, что Венедикт Махов продал Черемошьье думному дьяку Федору Лихачеву, человеку в Московском государстве известному (был он не только начальником Посольского приказа, но и успешно занимался печатным делом), не как пустошь, а уже как "деревня Черемошьье, по обе стороны Черемошского врага, под деревнею пруд". Но это события позднего Средневековья, XVII века. В более же ранние времена, в XI–XII веках в районе современных московских Черемушек (как и в Теплом Стане, Царицыне, Узком, Конькове, Зюзине, Филях и других местах) располагались селения славян-вятичей. Их многочисленные языческие курганные могильники подробно исследовали московские археологи. В результате этих работ были обнаружены глиняные сосуды и оружие, инструменты и многочисленные украшения, среди которых выделяются характерные для вятичей серебряные семипалстные височные кольца (вплетававшиеся лентами в волосы), бело-красные бусы из граненого сердолика и круглого горного хрусталя, шейные гривны.

...Есть где-то усыпальниц полутьма
курганы в травах выжженных и рыжих,
и есть истории тома.
В них гул веков.
Раскрой – услышишь.

Древнерусским, вятическим по своему происхождению, очевидно, является и само название *Черемошье*, с веками приобретающее форму множественного числа *Черемушки*, нередко для наименований населенных пунктов: Вербилки, Бутырки, Бережки, Раменки. *Черемошский враг* и возникшее рядом с ним селение получили название, скорее всего, по зарослям черемухи, которой подмосковная земля, где до сих пор встречаются целые черемуховые рощицы, всегда была богата. В русских говорах донныне бытуют разные варианты названия дерева черемухи – *черёма*, *черемха*, *черемшина*. Практически идентичное название этого дерева есть у белорусов, украинцев, словаков, чехов, поляков. В польской топонимии встречаются и географические названия, образованные от слова *trzemcha*, например – местечко *Trzemeszno*, аналогичное русскому *Черемошье*.

Славянское и русское название дерева черемуха большинством ученых-этимологов соотносится с реконструируемым древним общеславянским корнем **сыгп-*, связанным с понятием "красный цвет"; такого же происхождения, кстати говоря, слова: *червь*, *червонец*, *червленьый*, диалектное *черемый* "темно-красный" и некоторые другие. Такая связь наименования дерева с понятием "красный цвет" могла быть обусловлена как темно-красным цветом ее ягод, так и красновато-бурым и темно-красным цветом разных слоев ее древесины.

Одна из основных московских магистралей – Профсоюзная улица, получившая такое название в 1958 году в ознаменование 40-летия советских профсоюзов и включившая в себя бывшую 4-ю Черемушкинскую и новые улицы, – соединяет Черемушки с Теплым Станом и Ясеневом. У станции метро "Теплый Стан" берут свое начало улица Теплый Стан, идущая в западном направлении от Профсоюзной, и Новоясеневский проспект, уходящий к востоку от магистрали. Волею судеб топоним *Ясенево* также связан с флорой, с наименованиями видов растений в русском языке. Однако обо всем – по порядку...

Современное Ясенево – это жилой массив с населением более двухсот тысяч человек, обширная местность на юго-западе столицы, соседствующая на востоке с Битцевским лесопарком, на западе – с Теплым Станом, а на юге примыкающая к МКАД. Название *Ясенево* носит и большой муниципальный округ – часть Юго-Западного муниципального округа Москвы. В древности Ясеневом именовалось лишь одно сравнительно небольшое село, известное с XIV века; в начале 60-х годов XX века, когда Ясенево было включено в границы нашего города, в нем было всего двести домов...

Вот что пишет об основных вехах истории древнего Ясенева в одной из своих статей в сборнике "История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв." москвовед Н.М. Молева: "...Впервые в форме *Ясиновское* оно

упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты 1336 г., завещавшего его сыну Андрею. Князь Андрей Иванович Серпуховской в свою очередь передал его в удел своему сыну Владимиру. Новый владелец удельный серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, получивший это прозвище после Куликовской битвы, женился на дочери великого литовского князя Ольгерда Елене, от которой имел нескольких сыновей. Из их числа Василий получил Перемышль, а к нему "Ясеновское с деревнями да Паншину гарь". ...После 1481 г. "село Ясеновское у Москвы" отошло к князю Борису Волоцкому. В 1497 г. Иван III отдает волоцким князьям две дальние волости, лежавшие по соседству с их уделом, а себе забирает почти все их подмосковные села, включая и Ясеновское с деревнями. ...В 1572 г. Иван Грозный завещал Ясенево наследнику престола царевичу Ивану Ивановичу. Гибель старшего брата сделала единовластным владельцем всех царских земель Федора Ивановича. Оставаясь дворцовым селом, Ясенево привлекло внимание патриарха Филарета, который в 1626 г. начал здесь строительство деревянной церкви во имя Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. После смерти отца царь Михаил Федорович передал Ясенево в пользование одному из близких Филарету людей, "благовещенскому протопопу сыну Ананье". Протопопы Благовещенского кремлевского собора по своему положению являлись духовниками царей... Царь Алексей Михайлович возвращает Ясенево в дворцовое ведомство. Он хочет устроить здесь свою загородную резиденцию, в связи с чем строит рядом со старой церковью новую – Знаменскую, по свидетельству современников, "дивно изукрашенную". Особенно славилось село своими фруктовыми садами".

Можно добавить, что и позже владельцами села были люди весьма известные, именитые. В январе 1690 года Петр I подарил Ясенево своему тестю Федору Лопухину. В 1737 году внук Федора Лопухина, тоже носивший имя Федор и женатый на дочери фельдмаршала Шереметева, выстроил в селе каменную церковь Петра и Павла, сохранившуюся до нашего времени. На рубеже XVIII–XIX веков владельцем Ясенева стал сенатор Александра I князь Гаврила Гагарин. Семье Гагариных село принадлежало практически до самой революции; в разные годы в нем бывали В. Жуковский, Д. Давыдов, В. Боровиковский.

В современной русской речевой практике топоним *Ясенево* ассоциируется не только с понятием "район массовой жилой застройки", "спальный район". На краю Ясенева расположена штаб-квартира Службы внешней разведки РФ, знаменитого бывшего Первого Главного управления КГБ СССР. Этот комплекс зданий разведчики издавна окрестили прозвищем "Лес". Кстати говоря, село Ясенево в самом деле славилось своими лесами, рощами; под одним из ясеновских дубов

любил сживать во время своих приездов сюда Петр I. Радует москвичей своими парками Ясенево и ныне.

Названия населенных пунктов, связанные по своему образованию с наименованиями деревьев и видами растительности, в русской топонимии – не редкость, существуют они и в современном Подмоскowie – *Орехово-Зуево, Дубровицы, Березки, Купавна, Дубки, Подлипки, Кленово, Старая Сития* и другие. К числу топонимов, характеризовавших флору Московского края, относится и топоним *Ясенево*. Ясень – высокое светолюбивое дерево с раскидистой кроной и мелкими узкими листочками. В мире известно около 70 видов ясеня, причем в России существует более десяти. Предки наши издавна оценили твердую древесину ясеня, которая использовалась ими в столярном деле и для производства мебели. Аналогичное название этого дерева существует практически во всех славянских языках и несет в себе древний индоевропейский корень...

Топоним *Новоясеневский проспект* появился на карте Москвы в 1978 году. Начинаясь от Профсоюзной улицы, проспект заканчивается у проезда, который носит имя *Соловьиный*. Проезд идет по краю жилого квартала и граничит с Битцевским лесопарком. Интересно, что название *Соловьиный* было ему присвоено по предложению жителей, на которых весной 1978 года действительно произвело большое впечатление пение соловьев. Два названия напоминают о родине тех литовских мастеров-строителей, которые участвовали в строительстве Ясенева и в знак дружеских связей бывшего Черемушкинского района Москвы с Литвой: *Вильнюсская улица* и *Литовский бульвар*. Длинная *Голубинская улица* сохраняет в своем имени название деревни *Голубино*. *Тарусская* и *Ясногорская* улицы наименованы по городам Тарусе и Ясногорску в Тульской области, это – топонимы "ориентирующего" типа. Несколько топонимов в Ясеневе – мемориальные: *проезд Карамзина, улица Паустовского, улица Инессы Арманд, улица Рокотова* (названа в честь известного русского художника-портретиста XVIII–XIX вв.). Практически все названия ясеневских улиц были образованы и утверждены городскими властями Москвы в 1978 году. В их выборе сказались не только научные рекомендации специалистов-топонимистов, но и особенности того времени.

"Решиться желал бы я лучше в Петербурге
или в Москве..."

В.Г. ДОЛГУШЕВ,
кандидат филологических наук

Первым, кто заинтересовался архангельскими говорами, был баснописец А.Е. Измайлов (1779–1831). С 1797 по 1825 год он занимал различные должности в Министерстве финансов, где дослужился до начальника отделения. В это время Измайлов активно занимался литературной деятельностью, издавал журнал "Благонамеренный" (1818–1826). Однако изменившаяся в 1826 году в связи с воцарением Николая I на престоле и неудачным восстанием декабристов общественно-политическая обстановка заставила его покинуть Петербург.

В 1826 году А.Е. Измайлов был определен на должность вице-губернатора Твери, но служба на таком выгодном месте не удалась, он вынужден был перевестись на далекую окраину России – в Архангельск – в 1828 году. Здесь он пытался бороться с различного рода злоупотреблениями чиновников. Смело и независимо мыслящий вице-губернатор не мог ужиться с такими "вечными" пороками русских чиновников, как взяточничество и казнокрадство. Начались доносы в столицу, и вскоре, отстраненный от должности, он возвратился в Петербург. Последние годы Измайлов не служил нигде, преподавал русскую словесность в Пажеском корпусе, жил, перебиваясь с воды на хлеб и с хлеба на воду, что и привело его к ранней смерти в 1831 году.

В период николаевской реакции Измайлов не боялся высказывать самые крамольные мысли. Так, один из агентов Третьего отделения доносил о том, что 6 декабря 1827 года на именинах у писателя и ученого Н.И. Греча состоялся торжественный обед, на котором в числе приглашенных 62-х человек присутствовали также А.С. Пушкин и А.Е. Измайлов. В конце обеда один из гостей прочел следующие куплеты, авторство которых приписывалось Измайлову:

В отчаянии Греч наш уж был:
Грамматику чуть-чуть не съели;

Но царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так молитву, сотворя,
Во-первых – здравие царя!

Теперь ура, друг Николай!
Ты наш жандарм языкознанья;
Трудись, живи да поживай
Без всяких знаков препинанья...
Друзья! воскликнем наконец:
Ура, Грамматики творец!

(Памяти декабристов: Сборник материалов. Л., 1926. Т. 1).

Слишком вольные мысли Измайлов высказывал и в своих письмах из Архангельска жене Екатерине Ивановне, а ведь перлюстрация писем в то время была делом обычным. 19 октября 1828 года он пишет: "Не беспокойся обо мне, милая Катенька. У меня сильный покровитель и защитник – Бог, сильнее графа Аракчеева". Второго марта 1829 года он с горькой иронией замечает: "Если бы Спаситель сошел опять на землю и определился в российскую службу по гражданской части не в столице, а в п р о в и н ц и и, не прослужить бы ему и месяца в одной губернии: тотчас бы перевели в другую, а из другой в третью и т.д." (Памяти декабристов). Если бы данные строчки дошли до Священного Синода или всемогущественного графа Аракчеева, то несдобровать бы их автору.

Живя в Архангельске, Измайлов не терял даром времени в отношении научном: он составил диалектный словарь, в который вошло около 200 диалектизмов, и даже написал письмо с использованием архангельских диалектизмов в качестве средства создания юмора: "Рано встаю я здесь *с места* (с постели), сброшу *окутку* (одеяло), надену *обувку* (обувь) и примусь за книгу или за перо. Когда же *обряжусь* (отделаюсь) и *облакусь* (вероятно, *оболокусь* [примечание Измайлова. – В.Д.] – оденусь), велю человеку *пахать* (мести) и прибирать комнаты, а сам пойду на *угор* (на высокий берег); стою и люблюсь на величественную Двину, покрытую *ладьями*, *карбасами*, *иняками* (разного рода судами) и *душегубками* (челноками). *Угор* унизан красными деревянными домиками, а дома почти все с *вышками* (со светлицами), и в *вышках палы* (окна) открыты. – Делал я с приезда сюда визиты. Если скажут где "живет" (дома), то войдешь; если же услышишь: "повалился" (спит), так от ворот. Был я и на *новое* (на торгу, на рынке).

В одном месте сельские красавицы в *отдирках* (головных платках) продают в *туисах* (бураках) морошку, *землянку* (землянику) и *кислицу* (красную смородину), в другом сидят с *тетерками* и *шангами* (булками

и лепешками), в третьей с горшками и кубами (корчагами). Был у нас недавно один путешественник (из инородцев). Лжет *дородно* (очень много). Представьте себе: уверял торжественно местных старожилов, будто у нас в Архангельске можно выстроить порядочный домик за сорок рублей и с хлебом. По крайней мере, в десятеро убавил. Хорошо у нас в Архангельске, годы теперь не *зеленые* (голодные), а урожайные, но *издержаться* и *решишься* (умереть) желал бы я лучше в Петербурге или в Москве. Простите, доброхот: пора за дело" (Письмо к издателю "Славянина" // Славянин. 1828. Ч. VIII). Интересно отметить, что фельетонист и драматург, очеркист, племянник А.Е. Измайлова П.Л. Яковлев, которого судьба в конце 1824 года забросила в захолустную Вятку, пробовал изучать местный говор и составил на вятском диалекте "вятскую элегию" (Долгушев В. Вятская элегия – Диалектизмы в прозе П.Л. Яковлева // Русская речь. 1985. № 4).

Ориентируясь в своей языковой практике на разговорный язык образованной части дворянского общества, Измайлов считал неуместным использование диалектизмов в художественной литературе. По поводу вошедших позднее в литературный язык диалектизмов *сумет* и *хата* Измайлов писал следующее: "Удивительно; как получили права гражданства в области нашей поэзии следующие два слова: *сумет* и *хата*. Первое слово есть простонародное и не употребляется даже в обыкновенном разговоре *людьми хорошего тона* [курсив мой. – В.Д.], второе же о б л а с т н о е и вероятно принято в язык богов для удобства рифмы" (Благонамеренный. 1823. № 1. Ч. 21).

Как следует из процитированного отрывка, Измайлов разграничивает слова *сумет* и *хата* по сфере употребления. Одно, по его мнению, является просторечным, другое областным (диалектным). На самом деле оба эти слова – диалектизмы. Вместе с тем Измайлов не исключал вовсе применения областных слов в литературном языке. По его мысли, они могут употребляться лишь "с особенным намерением" – для создания комического эффекта, характеристики персонажей и т.д. (Измайлов А.Е. Полн. собр. соч. М., 1890. Т. 2).

Киров

КАЛИНОВЫЙ МОСТ

А.Т. ХРОЛЕНКО,
доктор филологических наук

Профессор американского университета штата Висконсин Дж. Бейли, занимающийся переводами русских былин на английский язык, в одном из писем спросил у меня: «Почему так часто сочетается эпитет "калиновый" со словом "мост"?»

На этот вопрос пытаются ответить, по крайней мере, с середины прошлого столетия. В.И. Даль в своём "Толковом словаре" написал следующее: "В сказках поминаются *мосты калиновы*: это гать, мощёная хворостом, калиной, дорога по болоту" (Даль В.И. Т. II. С. 78). Несколькими десятилетиями позже известный историк Н.И. Костомаров в работе "Историческое значение Южнорусского песнетворчества" утверждал, что калиновый мост – символ молодой, здоровой, весёлой жизни. Это мнение отражено в "Словаре русских народных говоров" (Л., 1977. Вып. 12. С. 358). Составители Словаря не рискнули дать своё толкование прилагательного *калиновый* в фольклорном тексте, если не считать отсылки к существительному *калина*. *Калиновая стрела*, *калиновый огонь* – эти словосочетания снабжены только иллюстрациями из русского фольклора. В статье "Калина" приведена ещё одна цитата из указанной работы Н.И. Костомарова: "Калина (в народной поэзии)... символ женственности в обширном смысле. Вся духовная жизнь женщины – её девичество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радость, горести, родственные чувства – всё находит себе применение в калине" (Там же. С. 356).

В 1971 году Ю.А. Александров-Липкинг, курский историк и архео-

лог, попытался объяснить происхождение загадочного эпитета: «...В былине (...) упоминается "калиновый мост". Странно звучит, не правда ли? Калина – кустарник, для постройки мостов она явно не годится. Ларчик открывается просто: первые сказители, ещё в древности, на юге Восточной Европы, вели речь о "кленовом мосте", но на севере, где былина бытовала последние несколько столетий, клён не растёт. Северянину-сказителю клён ни о чём не говорил. И по близкому звучанию вместо клёна стали говорить о калине. Кстати, выражение "на кленовом мосте" до сих пор бытует в украинских народных песнях» (Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 131).

Однако напрасно автор посчитал, что "ларчик открывается просто": предложенное им объяснение весьма наивно и противоречит фактам, а факты таковы, что на севере, где клён не растёт, в фольклоре прилагательное *кленовый* достаточно частотно. Здесь срабатывает известный фольклористам и историкам языка парадоксальный феномен: чем дальше от реалии, тем чаще она упоминается. Например, слово *Дунай* в фольклорных текстах, бытующих далеко от реальной реки, встречается весьма часто и при этом превращается в нарицательное существительное со значением "небольшой ручей". С другой стороны, в курской народно-песенной традиции *калиновый мост* тоже бытует, хотя куряне имеют возможность видеть растущий клён.

Обратимся к словарю языка русского фольклора, над которым работают курские лингвофольклористы, и рассмотрим словарные статьи "Калиновый", составленные на базе курских народных песен, собранных М.Г. Халанским (Народные говоры Курской губернии: Заметки и материалы... СПб., 1904; далее – только Хал. и №), и на материале трёхтомного собрания "Онежских былин, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года" (СПб., 1894; далее – только Гильф., том и стр.).

И в лирической песне, и в былине прилагательное *калиновый* чаще всего встречается в сочетании с существительным *мост*. Существительное *мост* в русском языке многозначно. Если судить по фольклорным контекстам, то оно остаётся таким и в русском народном эпическом творчестве. Во-первых, *мост* – "сооружение для переезда или перехода через реку":

Мостят мосты все *калиновыи*,
Ладят тут перейти через ту Непру (Гильф., 1, 45).
Бой чинить на мосту *на калиновом*.
Да на славной на речке на Волхови (Гильф., 3, 42).

Во-вторых, *мост(ы)* – "мостовая":

- У собори пресвятые Богородицы,
- Мошены мосточки все *калиновы* (Гильф., 3, 302).

"Мостики у нас-то все *калиновы*,
 "Сукна-то у нас да *одинцовы*,
 "А й зелен сафьян сапожки идя чистятся,
 "Во черную грязь да не мараются (Гильф., 1, 80).

В-третьих, *мост* – "пол в церкви или в доме":

Утупил он очи ясные во *калинов* мост (Гильф., 2, 27) –

действие происходит в доме героя былины.

– До мосту ты вельма поклоняешься (...)
 Утупил ясны очи в *калинов* мост (Гильф., 1, 73) –

речь идёт о поле в церкви.

Общее, что объединяет все значения существительного *мост* – это наименование одного из фольклорных топосов – мест, где происходят важные эпические или лирические события, означающие "переход в самом широком смысле этого слова": преодоление границы между своим и чужим, трудные размышления, начало новых событий и т.д. В былине этот топос эквивалента не имеет, а в лирической песне с *калиновым мостом* конкурирует *калиновый куст*. В припеве:

Луги́, луги́ *калиновые*,
 Луги, луги *малиновые* (Хал., № 237) –

возможно, *луги* – тоже топос. "Луг. 5. Место за селом, где собирается крестьянская молодёжь для гулянья (игр, песен, танцев); праздничное гулянье, происходящее в этом месте" (Словарь русских народных говоров. Вып. 17. С. 174).

Некоторая семантическая неопределённость существительного *мост* предопределяет ещё большую семантическую размытость прилагательного *калиновый*. Иногда в его семантике явственно проступает связь с "флористическим" содержанием, а потому это прилагательное может ассоциироваться с прилагательным, образованным от другого фитонима (названия растения):

Вот по мосту-мосту по *калиновом*,
 Ой, на другом мосту *сербалиновом*,
 Как на третьем мосту купцы ехали (Хал., № 319) –

сербалина "воронез. Дикая роза, шиповник // местами боярышник" (Даль В.И. Т. IV. С. 174).

Калиновый сопрягается с определением *зеленый*:

А мосту, мосту, мосточку,
 По *калиновом, зеленым*
 Али лей ляли лели
 По *калиновом, зеленым*
 Там ишел, прошёл детина (Хал., № 166).

В этом случае содержательный алогизм словосочетания *калиновый мост* достигает максимума. Один из былинных сказителей – Никифор Прохоров из Пудогги – попытался даже объяснить этот алогизм с точки зрения здравого смысла, имея в виду несостоятельность калины как строительного материала:

Поделали мосточки поддильнии,
 Поддильнии мосточки все *калиновые*,
 Калиновы мосточки все фальшивые.
 Да зашла эта силушка Никулушкина
 А на эти мосточки на *калиновы*,
 А подломились те мосточки да *калиновые*,
 А *калиновы* мосточки фальшивые,
 А погинуло тут силушки да много той (Гильф., 1, 45).

Певцу пришлось даже использовать непривычное для эпической речи слово *фальшивый*. "Фальшивость" подобного объяснения очевидна. Ещё один пример алогизма с мостом через реку Смородина:

– Они подрубят-то сляги *калиновы*,
 – Да потопят тя в реку да во Смородину (Гильф., 2, 79).

На наш взгляд, перспективнее пойти по другому пути. Учитывая, что фольклор – это "творческое искажение жизни" (А.П. Скафтымов) и в фольклорном тексте слово приобретает способность предельно расширять своё смысловое содержание до таких пределов, когда денотативное (предметное) значение практически исчезает, а на его месте возникает значение оценочное (см.: Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. С. 71–87), можно предположить, что прилагательное *калиновый* – это оценочный эпитет, своего рода артикль положительной оценки топоса.

Обратимся к тексту былины Трофима Рябинина из Кижей. В споре о том, кто богаче, аргументы формулируются в двух смежных былинных фрагментах:

"Настланы у вас мосточки кирпичные,
 "Да й порученки положены *калиновы* {...}
 "У ней настланы мосточки все *калиновы*,
 "Да й положены порученки серебряны,
 "Да й на эти на мосты да на *кирпичныи*
 "Настланы-то у ней сукна гормузинные (Гильф., 2, 120).

Калиновый в этом тексте иерархически ценнее *кирпичного*, оба определения антонимически противопоставлены, хотя кирпичный мост, переименованный в калиновый, далее вновь называется кирпичным. *Калиновый* включён в ассоциативную связь с оценочным прилагательным *белодубовый*:

Он пошёл по мосту по дубовому.
Закричали балки под мостом *белодубовым*,
Загнулись-то тут мосты *калиновы* (...)
И ходит Илей покдём *белодубовым*
Да тым ли мостом да *калиновым* (Гильф., 2, 27) –

в тексте Щеголёнка из Кижей имеется в виду пол в доме Ильи Муромца, когда тот ещё делал свои первые богатырские шаги.

Слово в фольклорном тексте обладает предельно развитым свойством семантической аккумуляции и компрессии. В прилагательном *калиновый* накопились семы, оставшиеся от обрядового использования этого растения, от символических представлений, связанных с водой и огнём, от этимологической связи с *калиной* как "раскалённым состоянием". Отсюда фольклорные феномены *калиновая стрела* или *калиновый огонь*, способность *калинового моста* гореть:

Подымался ветерочек,
Раздувал уголёчек.
На *калиновый мосточек*,
Калиновый мост загорался (Хал., № 336).

Груз многовековой фольклорной традиции способствовал такому "сжатию" разнопорядковых сем в слове, что в результате возник монолит с новыми семантическими свойствами, которые и вызывают вопрос, прозвучавший в начале этих заметок.

Курск

"Край ты, край мой, родимый..."

Мифологические, религиозные, фольклорные и иные влияния в стихотворении С. Есенина "Покраснела рябина..."

М.Н. КАПРУСОВА,

кандидат филологических наук

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принёс на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас,
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожжи
Всё теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

Это стихотворение уже привлекало внимание исследователей. Так, А.М. Марченко, рассматривая его первые три строфы, сосредоточивается на образе "многоликого месяца", "сказочного оборотня": «Есенин берёт как бы классически балладную, романтическую ситуацию (пе-

чальный рыцарь и лебедь), но он этот нерусский мотив переосмысливает, переводит в иной климатический строй. Романтическая приподнятость первых двух стрóf снимается третьей, в которой Есенин контаминирует, стягивает в одном четверостишии две чисто русские поэтические стихии (Россия – через Некрасова и Русь русской былины). <...> Простонародный рябиновый оттенок придаёт сине-красному "кафтани" романтического "унылого всадника" сказочный и даже лубочный "покой"» (Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М., 1989. С. 80, 81). Такой взгляд представляется нам интересным, но не бесспорным и не единственно возможным.

Главная тема стихотворения (родной край, Родина, Россия) развивается по двум направлениям: путём слияния темы религии, искупления, жертвы, исцеления Руси и темы неопределённости, неясности, многоликости, загадочности России.

Тема религии, искупления реализуется посредством минимальных тем (далее МТ) чудотворных мощей, Спаса, (искупительной) жертвы, греха, поминовения. В стихотворении присутствуют всего два цвета: синий и красный ("покраснела рябина", "посинела вода", синий мрак, закатный [красный]). В христианской символике цвета "каждый цветовой оттенок имеет в своём месте особое смысловое оправдание и значение" (Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в её иконе. М., 1991. С. 47). В работе "Функции религиозной и светской символики" (Л., 1990) М.М. Касперавичюс на стр. 17–18 пишет: "Красный цвет указывал на любовь Бога. <...> Апостолы держат в руках красные книги, поскольку в них помещено изложение Божьей любви. Красный цвет символизировал кровь, пролитую христианами мучениками. и плащ такого цвета на иконе "Чудо Георгия о змий" – это атрибут его мученичества, знак пролитой им крови за веру. <...> Красный цвет – цвет траура на Востоке, и некогда – на Западе". И далее здесь же читаем: "Синий цвет присущ воздушному и морскому океанам и поэтому он напоминает о бесконечности. Его иносказательно связывали с небом и Христом, который провозглашал правду небесную, и с Духом святым, освещающим людей этой правдой. Синий цвет был символом спасения. <...> Обозначающий небо и вечную молодость синий цвет указывал на созерцательную жизнь отшельников и монахов" (см. также: Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. С. 48, 50–52). Таким образом, у Есенина в "Покраснела рябина..." присутствуют цвета неба, Бога, веры.

Стихотворение строится на ряде превращений, уподоблений:

1. Месяц → всадник унылый.

Согласно мифологическим представлениям, месяц – существо мужского пола, жених девы-солнца (см.: Мифы народов мира: В 2 т. М.,

1982. Т. 2. С. 78–79). В поэтической традиции бытует противопоставление: день, солнце – радость, торжество; ночь, луна, месяц – грусть, покой. Н.В. Павлович приводит следующие образные парадигмы: восход, рассвет ↔ рождение, начало жизни, детство, юность; заход солнца ↔ конец жизни, старость, смерть; темнота ↔ смерть (Павлович Н.В. Машинный словарь поэтических образов // Лингвистические задачи и обработка данных на ЭВМ. М., 1987. С. 66, 68, 71). Ю.А. Снежков предлагает такие поэтические синонимы: смерть – наступление зимы, холод, ночь, мрак, коса (серб) – (Снежков Ю.А. Поэтическая синонимия: К проблеме синонимии тропов // Филологические науки. 1983. № 4. С. 38). В русских народных загадках месяц сравнивается также с волом ("Лысый вол сквозь ворота смотрит"), конём ("На поляне синей пасётся конь сивый"), быком ("По высокой дороге идёт бычок круторогий"), каким-то живым существом, близким человеку ("Молодой был – молодцом глядел, /Под старость устал – меркнуть стал/ Новый родился – опять развеселился"), братом солнца ("Сестра к брату в гости идёт, а он от неё прячется"), inferнальным существом ("Без головы, а с рогами"), рогатым или серебряным пастухом ("Поле не меряно, /Овцы не считаны, / Пастух рогат", "Золот хозяин на поле, / Серебрян пастух с поля").

Луна и месяц занимают в славянской мифологии двойственное положение. Прежде всего, они излучают свет (а свет – это добро, свет противопоставлен мраку-злу). В народе существует представление о луне как ночной лампаде (см.: Афанасьев А.Н. Народ – художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1985. С. 143). Такой взгляд нашёл отражение в творчестве Есенина, Клюева, Клычкова, Орешина (см. об этом: Чаплышкина Т.П. Экспрессемы "месяц" / "луна" в новокрестьянской поэзии // Проблемы стиховедения и поэтики: Межвуз. науч. сб. Алма-Ата, 1990. С. 110). Жениха в свадебных песнях или хозяина (хозяйку) в колыдках нередко сравнивают со светлым месяцем. В древности народная фантазия видела в солнце чит, а в месяце – меч или серп, необходимые богам для борьбы с демонами тьмы (Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. С. 220).

Но, с другой стороны, свет луны и месяца обманчив, его любят русалки, водяные, лешие, домовые (см.: Живописный альбом "Народы России": Этнографические очерки. СПб., 1880. С. 9; Легенды. Предания. Бывальщины. М., 1989. С. 184; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 56, 58, 60, 64). Нечистая сила главенствует ночью (особенно в полночь), когда светит месяц. Увидеть месяц через левое плечо к несчастью. С полнолунием, новолунием, ущербом луны связаны верования и приметы. Луна, считают крестьяне, воздействует на жизнь, судьбу, богатство человека, силу растений, здоровье домашних животных и т.д. (см.: Коринфский А.А.

Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901. С. 44; Живописный альбом "Народы России": Этнографические очерки. С. 52). По свидетельству В.В. Иванова и В.Н. Топорова, "в заговорах месяц входит в ряды перечисления вредоносных предметов: мертвец, медведь, заяц, щука и т.д." (Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М., 1965. С. 137). Наконец, в фольклоре месяц называется рогатым, наличие же рогов является одним из отличительных признаков бесов (наряду с копытами, хвостом и серным запахом).

Как считают В.В. Иванов и В.Н. Топоров, "противопоставление солнце – месяц тесно связано с целой серией противопоставлений: день – ночь, небо – земля, восток – запад, огонь – вода, жизнь – смерть и т.д." (Там же).

Трактовка Есениным месяца как всадника унылого, уронившего лучи-повода, тоже неоднозначна. По нашему мнению, главную роль здесь играют МТ унылости и подразумеваемая МТ безразличия, бесстрастия. Поэтому-то всадник и уронил повода.

В народе существует убеждение, что человек чувствует близость нечистой силы, даже если та не видна или приняла облик родных или друзей. «Считается, что видения, инспирированные бесами, вызывают тяжелое чувство смущения и тоски или, напротив, судорожной веселости, которыми они сопровождаются (обычный симптом видимой или невидимой близости бесов – тошнота, ср. название бесов в русском фольклоре – "тошная сила")» – (Мифы народов мира. Т. 1. С. 170). В этом контексте унылость месяца – всадника может быть объяснена близостью к нему демонической силы тьмы или тем, что месяц содержит inferнальное, демоническое начало в себе самом.

Месяц у Есенина превращается во всадника, а личина его двоится: то ли он брат-жених солнца, олицетворение божественного добра (но откуда тогда бесстрастие и унылость), то ли демоническое существо из свиты Князя тьмы или он сам.

2. Мрак → синий лебедь, принесший на крыльях чудотворные мощи.

Сравнение облаков, туч, надвигающегося мрака с летящей птицей, закрывающей крыльями солнце, традиционно в славянской мифологии (см.: Афанасьев А.Н. Народ – художник: Миф. Фольклор. Литература. С. 179, 183). Эта закономерность нашла отражение, например, в загадках:

Летит птица по синему небу:
Крылья распластала, солнышко застала.
(Тучи или облака)
По синему морю белые гуси плывут.
(Облака)

Однако знаменательно, что у Есенина МТ мрака совмещается именно с МТ лебедя (происходит превращение мрака в лебедя).

В.Н. Топоров пишет: "Одна из наиболее разработанных и освоенных литературой мифологем – умирающий лебедь, который в минуту смерти взмывает вверх, навстречу небу и солнцу, издаёт последний крик ("лебединая песня" ...) и, мёртвый, низвергается в воду" (Мифы народов мира. Т. 2. С. 41). В поэтической традиции лебедь воспринимается символом возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии, мужества, совершенства и смерти (Там же).

Включая в своё стихотворение, пронизанное религиозными мотивами, МТ лебедя, поэт опирается на народно-поэтическую и литературную традиции. Он понимает лебедя как символ чистоты, целомудрия. Этим объясняется совмещение у Есенина МТ синего (цвета Бога) и МТ лебедя. Одновременно у Есенина лебедь – символ смерти. В стихотворении совмещаются МТ мрака (тёмный – смерть) и МТ лебедя. Кроме того, заявлена МТ лебединого пения (вестника смерти).

3. Христос → солнце.

Встань, пришло исцеленье.
Навестил тебя Спас. {...}
Дня закатного жертва
Искупила весь грех.

Сравнение христианства со светом, Христа и святых с солнцем было распространено в литературе древней Руси, придя в неё из памятников переводной библейско-византийской литературы (см.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.-Л., 1947. С. 27, 28, 38, 40).

В стихотворении намечена параллель: гибель Христа – гибель солнца (закат). Гибель эта понимается как жертва – искупление. Придя на землю во второй раз, Иисус превратился в солнце и в его образе вновь принёс себя в жертву.

4. Смерть → жизнь.

Тема смерти в стихотворении трансформируется в тему жизни, возрождения, воскресения после жертвы. О победе жизни, возрождении свидетельствует появление МТ новизны ("зреющий", то есть новый, снег обладает новым запахом – "свежестью ветра"). В конце произведения возникает МТ поминания (помянуть можно и о здравии, и за упокой). Однако о включении этой МТ в тему жизни говорит сочетание МТ поминания с МТ дождя. Дождь оплодотворяет землю (Афанасьев А.Н. Живая вода и вещное слово. С. 122), даёт жизнь, возрождает мир.

Как видим, стихотворение представляет собой цепь превращений, основанную на центральном сравнении-превращении.

5. Край родимый ("вечный пахарь и вой") → Вольга, поникший головой под ивой.

Это сравнение занимает в тексте особое, центральное место, находясь в третьем четверостишии.

Вольга (Волх, Волх Всеславьевич) – мифологизированный персонаж русских былин, обладающий даром оборотничества (он оборачивается соколом, волком, туром, горностаем, превращает себя и своих воинов в муравьёв), он великий воин и охотник, мудрец и чародей, повелитель природного царства, прежде всего мира зверей (Мифологический словарь. М., 1991. С. 128–129).

МТ Вольги пересекается в стихотворении с МТ ивы.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

МТ ивы неоднозначна в этом стихотворении. Во-первых, ива – дерево печали, ведь Вольга под ней "*поник* головой". В этом чувствуется влияние мировой мифологической фольклорной и религиозной традиций. Во-вторых, в мифологии ива – дерево, связанное с нечистой силой, чудесами, превращениями (см.: Мифы народов мира. Т. 2. С. 370; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественною смертью и русалки. Пг., 1916. С. 141, 142, 146 и др.; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С.64). Поэтому в стихотворении МТ ивы связана с МТ Вольги-чародея.

Сюжетная тема стихотворения – тема загадочности, неопределённости, многоликости Руси, совмещения в ней святости и чародейства – развивается посредством МТ образов сопоставления: "всадник унылый" – "синий лебедь" – "Вольга под ивой" – "закатная жертва". Заставляя обыкновенные предметы и понятия терять привычные черты, преображаться, Есенин создаёт настроение неопределённости, ощущение зыбкости действительности: времени, пространства, вещества. Так поэт пытается осознать природу русской души, подойти к разгадке русского характера. В этом стремлении Есенин был совсем не одинок.

Загадка русской души, сущность исторической миссии России издавна волновали умы философов, историков, литераторов. Взрыв интереса к этим проблемам наблюдался в России и в конце XIX – начале XX веков. В 1915 году Н.А. Бердяев писал: "Русский мессианизм может опираться лишь на русское странничество, скитальчество и искание, на русскую мятежность и неутолимость духа, на Россию пророческую, на русских – града своего не имеющих, града грядущего взыскующих" (Бердяев Н.А. Душа России. Л., 1990. С. 21).

В 1918 году в статье "Ключи Марии" Есенин попытается определить

природу славянской души: "Всё от древа – вот религия мысли нашего народа" (Есенин С.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1979. Т. 5. С. 171); "Древо – жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо своё водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо своё о холст с изображением древа, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно древу, он мог осыпать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель" (Там же. С. 173).

Но это будет спустя два года, пока же, в 1916 году Есенин пишет стихотворение "Покраснела рябина...", посвящённое теме России. В нём безусловно чувствуется всяние времени. Внимание Есенина к творчеству поэтов-символистов, а также к философским идеям Вл. Соловьёва практически не вызывает сомнения. Достаточно упомянуть рассказ самого Есенина о первой встрече с Александром Блоком (Есенин С.А. Указ. собр. соч. Т. 5. С. 220), а также вспомнить есенинское признание: "Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности" (Там же. Т. 5. С. 230). Восхищением мастерством А. Белого проникнута статья Есенина "Отчее слово". О влиянии символизма на поэзию Есенина убедительно пишет О.А. Клинг (Поэтическое самоопределение Есенина и символизм // Филологические науки. 1985. № 6).

В стихотворении "Покраснела рябина..." явственно заметны отголоски философии Вл. Соловьёва, творчества символистов: темы Спаса, Второго пришествия, жертвы, искупления, возрождения, тема загадочности, колдовской природы Руси. Но было бы упрощением считать, что Есенин идёт проторённым путём. По нашему мнению, литературная традиция здесь тесно переплетена с новаторством. О новаторском подходе Есенина можно говорить по крайней мере в трёх случаях:

1. Как следует из есенинского стихотворения, пришествие на землю, жертва во имя спасения России и воскресение Спаса-солнца совершается каждый день ("Снова выплыл из рощи / Синим лебедем мрак", "Дня закатного жертва / Искупила весь грех" – вечер и закат бывает ежедневно). Можно говорить о параллелях: время между двумя Пришествиями – день, конец света – конец дня, христианское – языческое, культурное – природное. Для символистов такое смешение временного и вечного не характерно.

2. На первый взгляд, видение природы русской души у Есенина в стихотворении "Покраснела рябина..." (1916) и у Блока в стихотворении "Русь" (1906) кажется почти тождественным. У Блока Русь – это *место*

"С болотами и журавлями, /И с мутным взором колдуна...", "Где ведуны с ворожеями/ Чаруют злаки на полях,/ И ведьмы тешатся с чертами / В дорожных снеговых столбах". То есть, по Блоку, Россия – это *страна*, где наряду с реальными людьми существует нереальное (черти), где живут колдуны, ведуны, ворожеи, ведьмы.

У Есенина же "край родимый" (Русь) прямо отождествляется с Вольгой – воином и *чародеем*. Опосредованно (через тему края родимого) Есенин добавляет Вольге-России ещё только одно определение – пахарь. То есть, по Есенину, душа России – душа чародея, мудреца, язычника (имеющего власть над природой).

Всё стихотворение "Покраснела рябина..." – цепь превращений. Такое построение неизбежно приводит к выводу: душа России, как и реальность в тексте стихотворения, пронизана чарами, она соткана из магического, волшебного.

3. Обратим внимание на строки:

Словно *Вольга под ивой*,
Ты поник головой.

Согласно мифологическим представлениям, вселенная (космос) порой понималась как дом. Внутри вселенной, в центре мира, находится дерево, оно организует пространство, придаёт ему устойчивость, является универсальной точкой отсчёта в пространстве. *Дерево в этом случае – показатель дома-вселенной.*

Ту же закономерность наблюдаем у Есенина: тема дерева обычно связана с темой дома. Понятие "дом" у поэта имеет несколько значений: отчий дом, дом – деревня, дом – Россия, дом – мир. Дерево у Есенина – показатель дома (любой его ипостаси).

Традиционно для себя поступает Есенин и в анализируемом стихотворении: Россия поникла головой под древом ("мировым", согласно мифологической традиции, или "славянским", по К. Бальмонту). Есенин – практически единственный поэт, поставивший дерево во главу угла своей поэтической системы. Ни у кого из младосимволистов ничего подобного нет.

Борисоглебск

ОХЛАМОН

А.В. ЗЕЛЕНИН,

кандидат филологических наук

Давайте проведем небольшой лингвистический эксперимент: задайте вопрос себе или своим знакомым, друзьям – кто такой охламон? Уверен, ответы вы услышите самые разнообразные: один ответит, что это неопрятный, неряшливый человек, другой скажет так про недисциплинированного, неорганизованного человека, для третьего охламон – бездельник, шалопай, разгильдяй и т.д. Кто же прав? Все! Точное значение слова *охламон* определить трудно, потому что оно текуче и расплывчато.

Сверим наши наблюдения с восприятием этого слова современными писателями. "Рослый охламон с красивым, но незапоминающимся кордебалетным лицом попытался и со мной взять начальственный тон – это вы начальник госпиталя? – Да, я" (А. Крон. Бессонница); "Представил я, как эти охламоны магнитофонные с тортом "Руслан и Людмила" в чей-то дом вваливаются, на стол подарок ставят..." (Е. Евтушенко. Ягодные места); "Когда Андрей с Зинаидой Петровной выходили из дому, Настя плюнула им вслед и сказала: "Бесстыжие охламоны! – Шаромыжники! А ну их ..." – добавил Иван и крепкими матаками обложил Засухиных" (В. Курочкин. Последняя весна).

Слово *охламон* имеет яркую неодобрительную окраску и входит в ряд аналогичных бранных слов: *шалопай*, *балбес*, *обормот*, *лоботряс*, *оболтус*. Все они пришли в литературное просторечие либо из говоров, либо из узкой социальной прослойки. Происхождение бранных слов различно: одни из них – русские экспрессивные образования (*лоботряс*),

другие – видоизмененные иностранные слова (*балбес* из тюркских языков: ср. казах. *bilbes* "невежа", турец., татар. *bilmas* "он не знает"), третьи объединяют в своём составе русские и иноязычные элементы. Слова последней группы возникали в социальной среде, пародирующей иностранную речь (ср. *оболтус* как пародия на латинские существительные, возникшая в среде семинаристов).

Помимо русского, слово *охламон* зафиксировано и в белорусском языке в формах *ахламон*, *вахламон*, *вахламоня*, *вахламондзя*. Диапазон значений очень разнообразен: "человек, недалекий в умственном отношении", "человек без чувства собственной годности", "некультурный человек", "неаккуратный человек", "неуклюжий человек", "небрежно одетый человек". По мнению составителей "Этимологического словаря белорусского языка", этимология слова *ахламон* неясна, но, возможно, имеет связь со словом *хлам* (или в другой огласовке – *ахлам*) ("Этымалагічны слоўнік беларускай мовы". Минск, 1978. Т. 1). Тогда возможно образование: *ахламон* < *ахлам* + суффиксом – *-он-* (как в слове *разьявон* "разиня"). Вместе с тем, есть основания соотносить *ахламон* и со словами *хламаць* "есть" (обычно – о свиньях), *хламнуць* "проглотить" и суффиксом –*он-* (ср. русскую модель: *охряпок* "деревенщина, неуклюжий человек" < *хряпать*, "много есть"). Кроме того, А.Е. Супрун допускает связь с древнегреческим *ochlos* "чернь, толпа, сборище", но здесь возникают фонетические натяжки.

Записи белорусских диалектов относятся к довольно позднему времени, впрочем, как и записи слова *охламон* в русских диалектах. Отсутствие этого слова в украинском языке позволяет предполагать о позднейшем его появлении (XVIII–XIX века, а то и позже).

Первые записи слова *охламон* в русских говорах относятся к 20-м годам XX века. В ярославских и курских говорах *охламоном* называют бесшабашного, непутевого человека. В 1922 году в Петрограде в доме для дефективных детей также было отмечено это слово в значении "оборванец" (картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН). Запись этого слова в таких расходящихся значениях одновременно в городе и в деревне свидетельствует, во-первых, о синхронности появления (или фиксации), во-вторых, о семантической нечеткости, расплывчатости для носителей языка и, следовательно, возможности трансформировать, применять слово для обозначения различных ситуаций. Его записи в белорусских диалектах также говорят в пользу ситуативной семантики данного слова.

Охламон не отмечено в словаре Даля. Очевидно, слово возникло во второй половине XIX или на рубеже веков в областях, пограничных с Белорусской или не столь удаленных. Поэтому возможным оказалось быстрое его распространение как на территории Белоруссии, так и в российском городском просторечии в первые годы гражданской вой-

ны в связи с массовым переселением людей из деревни в город и обратно.

Попытаемся найти мотивирующую основу слова. Очевидно, предпочтительнее рассматривать образование *охламон* от *хлам*, приставки *о-* и суффикса *-он-*. Характер этого слова заставляет обратиться к данным русских диалектов (все-таки мы полагаем, что оно возникло в русском языке, а не в белорусском и затем проникло в русский язык).

Слово *хлам* и в литературном, и в диалектном языках многозначно. Это и "сор", и "домашний скраб", и "плохая одежонка", и "куча всякой всячины" (так его определяет Даль; у слова есть и другие значения). Приставка *о-* также не редкость: *о-балдуй*, *о-болтус* (приставка имеет экспрессивное усилительное значение). А вот суффикс *-он-* можно назвать редким и необычным в русском языке. Откуда же он происходит?

Одно из объяснений заключается в том, что в некоторых словах (типа *гомон*) он имеет экспрессивное значение и является славянским по происхождению ("Этимологический словарь славянских языков". М., 1980. Вып. 7), хотя и "редким у славян" (Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. "Краткий этимологический словарь русского языка"). Однако мог ли этот редкий суффикс, причем непродуктивный, "неживой" и с другим значением (собирательности), оказать влияние на образование слова *охламон*? Сомнения – и немалые – есть.

Другое объяснение суффикса *-он-*: слова с ним пришли в русский язык через посредство романских языков (ср. франц. *пижон*) или греческого языка (обычно это имена – *Парамон*, *Симон*).

В каком виде можно найти *-он-* в русских говорах? Вообще таких слов не так уж мало. В одних случаях *-он-* является частью корня (*лапшегон* "бездельник" < *лапша* и *гнать*, *грибозвон* "плаксивый ребенок", *неугомон* "неугомонный человек" < усечение от *неугомонный* – все примеры и толкования здесь и в дальнейшем взяты из "Словаря русских народных говоров"), в других случаях – загадочным суффиксом *-он-* в разных типах слов. Вот некоторые из них:

от имен собственных: *бурбон* "1. тот, кто неразборчиво говорит; 2. бестолковый, упрямый человек" (возможна связь с фамилией династии французских королей Бурбонов и с глаголом *бурчать* "неотчетливо, неясно говорить, бормотать"), *дадон* "неуклюжий, нескладный человек" (от имени героя сказок), *агафон* "о простачке, глупце";

экспрессивные образования на *-(м)он*: *жмон* "скупой человек, скряга" (сравни однокоренные: *жихмора*, *жлоба*, *жлуда*, *жмака*, *жмар*, *жмойда*, *жмойка*, *жмоль*, *жмотик*, *жмол*, *жмуди*, *жмудра*, *жмудь*, *жмудяга*, *жмудя*, *жмур*, *жмут*, *жмуть*, *жмык*, *жмыль*, *жмырь*, *жмых*) или суффикса *-вон-*: *глазевон* "тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-либо, праздно шатается где-либо; зевака" (сравни однокоренные: *глазник*, *глазолуп*, *глазопеля*, *глазопучка*, *глазопял*, *глазун*)

или *-он-*: *дудон* "ребенок, сосущий грудь, грудной ребенок", *баюкон* "говорун, рассказчик" (*дудон*, *баюкон* – более экспрессивные образования, чем *дудоля*, *баюн* с теми же значениями и в тех же говорах);

экспрессивные наименования мифических персонажей: *опекон* "по религиозным представлениям – дьявол, возглавляющий пекло и отводящий душу в ад", *вражон* "1. черт, бесенок, чертенок, 2. о смешливом, вертлявом человеке";

образования, имитирующие французские слова на *-он* (а возможно, и всю модель словообразования на *-он*, преимущественно в говорах, прилегающих к крупным городам): *воспитон*, *воспитонка* "ребенок, взятый на воспитание из детского приюта в крестьянскую семью" (из начального *воспитомец*, *воспитомка-воспитальник* "ребенок, взятый на воспитание").

Таковы некоторые группы слов с финалью *-он* в русских говорах. Как видно, во многих из них отчетливо видна внутренняя форма слова, а конечное *-он* придает слову большую экспрессивность и выразительность (практически всегда – отрицательную). Значение *-он* (в отвлечении от этимологии) – называть лиц по положению, моральным качествам или психологическим особенностям с мотивировкой слова, заключенной в корне (правда, такая мотивировка не всегда ясна).

Суффикс *-он-* нашел применение в арготическом словотворчестве ремесленников и торговцев (так называемом "языке офеней"): *шилон* "бедняк", *сбатлон* "нищий", *салмон* "городовой", *саврон*, или *сафрон* "священник", *жгон* "валяльщик, катальщик валенок" и т.д. Не случайно, видимо, и то, что первые записи этого слова относятся к ярославским и курским диалектам: жители этих мест издавна занимались отхожими промыслами и поэтому легко могли "экспортировать" свою лексику и способы образования слов в соседние и дальние места.

Возможно, слово *охламон* – результат действия той же модели: корня *хлам* (внутренней формы слова) и усилительного и экспрессивного суффикса *-он-*.

Уже в 20-е годы слово *охламон* встречается и у московских литераторов, особенно у бытописателей. Один из них – Б. Пильняк, изображавший в своих произведениях жизнь, нравы простых людей, сорванных с мест революцией и пытавшихся найти в ней своё место и предназначение. Одного из персонажей своего романа "Волга впадает в Каспийское море..." (1929 г.), юродивого Ожогова, которого "в обывательской Коломне чтили..., как приучились на Руси столетиями чтить юродивых, тех, устами которых глаголет правда и которые правды ради готовы умирать", писатель называет *охломоном*, окруженным "побиродами, провидошами, волочебниками, лазарями, странниками, убогими, калеками, пророками, ханжами, блаженными, юродивыми".

Устами Ожогова, "юродивого лазаря" и "охломона", правдолюб и правдоискатель, Пильняк выражает своё сочувственное отношение к отверженным революцией людям – людям "дна".

Характерно, что Пильняк вводит слово *охламон* в такое ассоциативное сцепление с группой приведенных слов и со словом *юродивый*: юродивый имеет странное, необычное, отличное от всех мнение, вообще стиль жизнь. Презрение к бытовому комфорту ради правды влечет за собой и пренебрежение к своей одежде, многим бытовым вещам, окружающим обычным людям, которые, возможно, человеку странствующему и бездомному могут казаться обременительным скарбом – одним словом, хламом. Ожогов живет ради идеалов революции, ему не важны бытовые условия. Поэтому для Пильняка в слове *охламон* видится не этимологический, а глубинный, связанный с ролью и местом людей в революции, их мировоззрением и миропониманием, смысл слова, не совпадающий с декларируемо-революционным. Таким образом, *охламон* для Пильняка вырастает до размеров символа – внешняя и внутренняя непохожесть героя нераздельны, идут рука об руку; внутренний протест, несогласие органичны с внешностью и внешним поведением.

Такую позицию автора, пытавшегося показать противоречивость жизни в период революционных бурь, изменений социальных стереотипов и укладов, не могли не заметить. В 1931 году в "Литературной газете" появилась статья, в которой среди прочего содержалась и критика самого слова *охламон*: "Охламоны – словечко-то какое придумано особенное! – бывшие красноармейцы, рабочие, есть среди них и крестьяне. Руководитель охламонов – Ожогов". Из этой цитаты видно, что для критика, во-первых, слово *охламон* – неизвестное, незнакомое, во-вторых, унижительное и обидное для обозначения человека из рабоче-крестьянской среды. В оценке слова критик руководствовался в первую очередь этимологическим смыслом слова (*хлам*) и его несоответствием идеологическим задачам – политическая характеристика для критика важнее художественной.

Судя по художественной литературе, в 30–50-е годы слово *охламон* все еще употреблялось редко и считалось если не диалектным, то жаргонным (наиболее популярным в среде молодежи). В пьесе Б. Ромашова "Бойцы" есть характерный диалог между представителями молодого и старшего поколения: "[Галочка:] Хороший парень. Полгода дружим. Любит меня, ревнует, если с охломоном каким-нибудь встретится. [Игнатий Петрович:] Охламон... Насекомое или рыба? [Галочка:] У нас так ребят зовут..." Героиня пьесы называет *охломоном* молодого человека вообще, но с оттенком некоторого неодобрения, подразумеваемая, видимо, человека, не находящего себе применения или праздного, ничем не занятого. Представителю старшего поколения Игнатию

Петровичу это слово непонятно, он полусмешно-полусерьезно ассоциирует его с чем-то живым: насекомым или животным.

Вплоть до 60-х годов слово *охламон* оставалось лишь в сфере устного общения ограниченных (преимущественно молодежных) кругов, практически не попадая в художественную литературу, поэтому оно отсутствует и в Семнадцатитомном академическом словаре русского языка (1948–1965 гг.), основывавшемся на письменных источниках художественной литературы.

Конец 50 – начало 60-х годов принесли в литературу свежий ветер перемен: открылись новые темы, прежде запретные, происходит активная демократизация языка. Это отразилось, в частности, и на статусе слова *охламон*.

Теперь оно встречается в художественных произведениях значительно чаще. "(Мужчина) дернул меня за рукав и сразу накинулся с бранью: – Ты что же, гад, ждешь себя заставляешь? Я этому ахламону Сеньке сказал железно: жду в десять? А сейчас сколько?" (М. Левитин. Без намеков); "А может, и наш отец пойдет урезонивать охламонов этих. Ой, Игорь, сколько же на свете дураков живет – удивительно прямо!" (А. Громова. Мы с тобой одной крови); [Крученный:] Что она скажет, то и будет. В институт поступлю, чтобы ей не стыдно было с таким охломоном на люди выйти... Эх, Юрка, чего только бы для нее не сделал!" (В. Левашов. День открытых дверей).

Словари отразили такое изменение статуса в языке. Впервые это слово встречается в 1972 году в "Словаре русского языка" С.И. Ожегова в значении "болван, бездельник". Позднее оно фиксировалось всеми толковыми словарями русского языка, но значение его определялось по-разному, например, в МАС: "глупец и бездельник". Разные толкования свидетельствуют, что значение слова остается размытым и воспринимается ситуативно. Это вполне соответствует его этимону – слову *хлам*, которое также толкуется по-разному.

Существует разноречие (*охломон* или *ахламон*) в написании слова, что легко объяснимо. Устная форма бытования слова, неясность его происхождения, отсутствие графического закрепления слова в словарях позволяли каждому писателю при употреблении данного слова самому избирать написание: *охломон* (отражение оканья), *охламон* (по внутренней форме слова – *хлам*) или *ахламон* (отражение аканья). Словарь Ожегова закрепил форму *охламон*, соотнеся это слово с производящим *хлам*.

В современном языке сохраняется оценочный (не грубый, но фамильярный или неодобрительный и несколько пренебрежительный) сниженный характер этого слова: «Наш мастер был склонен к преувеличениям: училищные выпускные экзамены, что принимали свои же преподаватели, он называл "госами", себя профессором, а нас –

студентами, когда мы ему нравились, и охламонами, когда грешили» (Ю. Воднев. Пусковой объект).

Сейчас слово *охламон* входит в общеязыковое употребление уже не одиночкой, а со своим словообразовательным гнездом. Появились производные от него существительное *охламонка* и прилагательное *охламонский*: "Едем; вид у меня, я чувствую, – самый охламонский. Сапоги грязные, пыльные, я их перед выходом-то сунул под кран – опаздывал, – так что грязь и новая и старая"; "Мы входим: ну, конечно, совершенно охламонская обстановка. Какие-то эти трубы, кирпич, тумбы, стол деревянный с отпавшей перекладиной, весь в жуках и паутине: невесть откуда взялся" (В. Гусев. Чужая). Здесь для автора в прилагательном *охламонский* на первом месте стоит признак неряшливости, неопрятности, небрежности, неаккуратности.

Путь слова *охламон*, возникшего, возможно, в арготической или диалектной среде, через молодёжный жаргон в общий язык – один из многочисленных примеров пополнения эмоционально-оценочных ресурсов литературного языка.

Санкт-Петербург

*За знакомой строкой***"Загадочные" слова у Н. Лескова***Е.В. КОВАЛЕВА,**кандидат филологических наук*

Постепенно просыпается интерес к творчеству Н. Лескова, одного из сложнейших русских писателей XIX века. Как бы прозрев, исследователи вдруг увидели глубокого мыслителя и знатока загадочной русской души в писателе, получившем еще в прошлом столетии ярлык анекдотиста.

Н.С. Лесков, играя в своих произведениях со словом, оставил потомкам немало загадок, над разрешением которых бьются до сих пор. При этом многие загадки родились уже в наше время, и причины их появления кроются в неумолимом ходе истории, которая стирает из памяти человеческой отдельные, уже не актуальные, детали. Но именно незнание этих мелочей искажает понимание читателями замысла автора и препятствует адекватному восприятию текста. Нередко со временем одно-единственное верное слово, которое писатель с трудом отыскивает в "тонне руды", становится мыльным пузырем, ничего не имеющим помимо своей оболочки. Содержательная сторона слова улетучивается, и спустя век читатели уже только скользят глазами по необычным местам, не понимая не только игры слов и подтекста, но и просто общего смысла, поэтому выбор писателем слова кажется им случайным. Помочь почувствовать мелодию текста и призваны комментаторы, но и они не всегда способны пояснить непонятное. В лучшем случае комментаторы просто пропускают "странные" слова, в худшем – толкуют неправильно, чем окончательно запутывают читателя.

В шестой главе первой книги романа "Некуда" при описании монастырского уклада и обитательниц монастыря Н.С. Лесков называет *камер-юнгферой* весноватую (т.е. веснушчатую) девушку, которая прислуживает настоятельнице: "– Это вы про сестру Феоктисту изволите говорить, барышня? – вмешалась весноватая белица, камер-юнгфера матери Агнии" (Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1956. Т. 2). В последнем издании романа (1993) слово *камер-юнгфера* толкуется следующим образом: "горничная" (Лесков Н.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1993. Т. 1). Данное толкование восходит еще к первому

советскому изданию "Некуда" 1956 года, примечания к которому составлял Н.И. Тотубалин. Но такое пояснение не соответствует истине и поэтому просто искажает смысл отрывка. Подобное значение смогло возникнуть только потому, что комментатор, наш современник, так же, как и читатели, утратил представление о реалиях недалекого прошлого (XIX в.) и, сверившись, как нам кажется, только с одним источником, дал свою интерпретацию значения данного слова.

Вероятно, значение "горничная" возникло у него под влиянием словаря Даля, где слово *камер-юнгфера* поясняется весьма скупо: "Девуца для прислуги при дворе, степенью выше камермедхен". По-видимому, комментатор обратил внимание только на первую часть толкования, предложенного В.И. Далем: "девица для прислуги"; также его могло смутить и объяснение слова *камермедхен* "низшая прислужница при уборке владетельных дам; сенная девушка, уборная девушка", где уже нет и упоминания о дворе. Однако данные "Словаря церковно-славянского и русского языка" (СПб., 1847) уточняют и конкретизируют определение слова *камер-юнгфера*: "Девуца для прислуги при одевании Высочайших Особ. Степенью выше камермедхены". Как видно из этого толкования, простой горничной, которая была необходима в каждом зажиточном доме XIX века, далековато до камер-юнгферы, прислуживающей только царским особам.

Но насколько уместно использование слова *камер-юнгфера* в романе?

Мать Агнию как настоятельницу монастыря и, следовательно, как полновластную правительницу, от которой зависит судьба ее людей, можно метафорически назвать Высочайшей Особой. При этом, как и положено при дворе, каждый из ее подчиненных имеет свою обязанность: мать Манефа готовит и подает, по крайней мере, чай; сестра Феоктиста обязана быть с гостями; а весноватая белица помогает матери Агнии при одевании, то есть выполняет обязанности камер-юнгферы: "Мать Агния ...позвала белицу. – Умыться и раздеться, – сказала она вошедшей девушке".

В XIX веке употребление слова *камер-юнгфера*, несомненно, ассоциировалось с царским образом жизни, и такое скрытое сравнение, скорее всего, вызывало усмешку при чтении страниц, посвященных описанию монастырского быта и порядков. Кстати, ироничное употребление слова *камер-юнгфера*, впрочем, как и "доклад" весноватой белицы о всех происшествиях и деяниях за прошедшие сутки лишь подтверждает предположение Н.И. Тотубалина, что пропуск восьмой главы первой книги (см. издания романа в 1865, 1867 гг.) касался, "видимо, таких подробностей монастырской жизни, о которых цензура не разрешала говорить" (Тотубалин Н.И. Примечания // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1956. Т. 2).

В результате неправильного толкования лексической единицы *камер-*

юнгфера, предложенного комментатором, современные читатели уже не могут уловить авторскую иронию при описании жизненного уклада монастыря.

Слово *драбант* встречается в диалоге двух старых друзей – Егора Николаевича Бахарева и Петра Лукича Гловацкого: "– Ну-у, – Бахарев перекрестился и проговорив: – слава в вышних богу, что на земле мир, – бросил на стол свою фуражку.

– Угораздило же тебя выдумать такую штуку; хорошо, что тем все и кончилось, – смеясь, заметил Гловацкий.

– И не говори лучше! Черт их знал, что они и этого не сумеют.

– Да этого нужно было ожидать.

– Ну, полно, – знаешь: и на Машку бывает промашка. Пойдем-ка к детям. А дети-то!

– Что дети?

– Большие совсем.

– Дождались, Петр Пустынник.

– Дождались, драбант, дождались".

В примечаниях к роману указано: "*драбант* (нем.) – телохранитель" (Тотубалин. Указ. соч.). Словарь Даля более словоохотлив: "телохранитель, вожатый. Во время сражений у нас назначают к командующим частями войск *трабантов*, для охраны в опасности".

Но в тексте романа обращение *драбант* смущает: употребление военного термина по отношению к сугубо штатскому Петру Лукичу Гловацкому, который никогда с армией и не соприкасался, более чем странно, хотя это слово и звучит из уст отставного полковника Бахарева.

Сомнения так и остались бы сомнениями, если бы не данные других толковых словарей XIX века. Оказывается, помимо значения "телохранитель" слово *драбант* могло также обозначать:

"1. Солдат иррегулярного войска, служивший за денщика или швейцара; 2. перен. Всякий человек высокого роста и крепкого телосложения" (Орлов А.И. Полный филологический словарь русского языка. М., 1885. Т. 2; аналогично в "Справочном словаре орфографическом, этимологическом и толковом русского литературного языка". Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1901).

Толкование "денщик или швейцар" можно сразу же отбросить, потому что назвать так своего товарища было бы оскорблением. Но и в последнем значении ("высокий и крепкий человек") Бахарев не мог употребить слово *драбант* по отношению к зрителю, ибо Гловацкий, несмотря на высокий рост, отличается худобой: "<...> а слева сидит очень высокий и очень тонкий человек <...>".

После таких обескураживающих выводов остается только развести

руками и посетовать на невнимательность Лескова- "лексикатора": слово-то абсолютно неуместно! Да, неуместно, если считать, что оно обращено к Петру Лукичу Гловацкому. Но если предположить, что *драбант* относится к Бахареву, все проясняется и встает на свои места. При этом мы считаем, что слово *драбант* употреблено Гловацким исключительно в значении "человек высокого роста и крепкого телосложения", поскольку, во-первых, сомнительно, чтобы в устах штатского человека данное обращение использовалось в терминологическом, а не в переносном значении, развившемся в результате выхода слова за рамки военной сферы, а, во-вторых, описание внешнего вида отставного полковника, Егора Николаевича Бахарева, идеально подходит под значение "высокий и крепкий человек": "(<...> высокий, плотный мужчина <...>")

Но если слово *драбант* относится не к Гловацкому, а к Бахареву, то логично предположить, что, в свою очередь, и второе обращение (к Егору Николаевичу) – *Петр Пустынный* – имеет другой адресат. Если судить по уже приведенному диалогу, то *Петр Пустынный* – это Бахарев. Чтобы доказать или опровергнуть данное утверждение, необходимо вспомнить, кто такой *Петр Пустынный*: «(<...> Петр Амьенский (ок. 1050–1115) – французский монах, проповедник, один из руководителей крестьянского ополчения в первом крестовом походе (1096–1099). Прозвище "Пустынный" получил за аскетический образ жизни» (Тотубалин. Указ. соч.). Но обращение *Петр Пустынный* никак не вяжется с образом Егора Николаевича Бахарева, который не только стоит во главе немалого семейства, но и является уездным предводителем дворянства, что, конечно же, не способствует затворническому образу жизни.

Существует также косвенный признак, на который нельзя полагаться полностью, но который также указывает, что *Петр Пустынный* является обращением к Гловацкому, а не к Бахареву – это совпадение имени *Петр* у средневекового монаха и у зрителя уездного училища. Этот показатель имеет право на существование, если вспомнить, что няню Марину Абрамовну именно Егор Николаевич Бахарев при встрече шутливо именует *Мариной Мнишек*, а кучера Никитушку – *Никитой Пустосвятом*.

Если учесть все сказанное, то становится ясно, что *драбант* – это высокий и крупный Егор Николаевич Бахарев, а *Петр Пустынный* – отшельник Петр Лукич Гловацкий. Но в этом случае получается, что разбивка диалога на реплики в тексте романа проведена неправильно, и где-то изменены границы реплик. Так как рукопись романа не сохранилась, то сейчас ничего достоверно сказать нельзя.

Но возникло одно предположение. В первом издании (1864) одна из

реплик выглядела следующим образом: "– Ну, полно, – знаешь: и на Машку бывает промашка. Пойдем-ка к детям. – А дети-то!".

Но уже в издании 1867 года тире между последним и предпоследним предложениями было снято: "– Ну, полно, – знаешь: и на Машку бывает промашка. Пойдем-ка к детям. А дети-то!".

С.А. Рейсер в своей работе "Основы текстологии" (Л., 1978) мельком отметил, что "тире после точки играло в XIX веке роль абзаца или чего-то к нему очень близкого". Может быть, именно в этом месте надо выделить новую реплику? Конечно, диалог при этом несколько удлинится, но зато неразбериха с обращениями исчезнет:

"– Ну-у, – Бахарев перекрестился и проговорив: – слава в вышних богу, что на земле мир, – бросил на стол свою фуражку.

– Угораздило же тебя выдумать такую штуку; хорошо, что тем все и кончилось, – смеясь, заметил Гловацкий.

[Бахарев] – И не говори лучше! Черт их знал, что они и этого не сумеют.

[Гловацкий] – Да этого нужно было ожидать.

[Бахарев] – Ну, полно, – знаешь: и на Машку бывает промашка. Пойдем-ка к детям.

[Гловацкий] А дети-то!

[Бахарев] – Что дети?

[Гловацкий] – Большие совсем.

[Бахарев–Гловацкому] – Дождались, Петр Пустынник.

[Гловацкий–Бахареву] – Дождались, драбант, дождались.

В текстах Н.С. Лескова таится еще немало загадок, которые ждут своего исследователя. Было бы только желание прочитать страницы классики, учитывая тонкий аромат времени за графическими очертаниями слов.

Продолжение следует

Курган

Государственность России

Далекое прошлое возвращают нам тексты историков и современников событий той или иной эпохи, писателей и поэтов минувших столетий, а также исторические романы, повести, рассказы, пьесы, киносценарии. Однако история застывает не только в текстах, но и в самом языке: в словах и словосочетаниях – наименованиях исчезнувших государств, учреждений, должностей, чинов, званий, титулов, видов документов и оружия, предметов быта. Такие слова называются историзмами.

Два примера. У Чехова в "Даме с собачкой" читаем: "Она никак не могла объяснить, где служит ее муж, – в губернском правлении или в губернской земской управе, и это ей самой было смешно". А читателю – чеховскому современнику – наверняка было еще смешней. Ведь героиня обнаруживала потрясающее по тому времени неразличение двух учреждений. Губернское правление было административным органом, в нем служили чиновники, и во главе стоял губернатор. А губернская земская управа (одно из звеньев местного самоуправления) – исполнительный орган выборного губернского земского собрания. Члены управы избирались из числа депутатов собрания. Они не были чиновниками. Земская управа контролировалась губернатором и занималась имущественными и финансовыми делами земства.

Мы помним чеховскую лаконичность, знаем, что детали у него работают в режиме больших перегрузок. Вот и эта – путаница с названиями – без лишних пояснений убеждала читателя, как безразлично собеседнице Гурова то, что занимает ее мужа, и как она, недавняя петербургская барышня, бесконечно далека от прозы губернской жизни. Но наш современник, не знающий, что такое губернское правление и губернская земская управа, не получает сигнала, посланного автором, и чеховская деталь не срабатывает (к сожалению, в полном собрании сочинений Чехова, вышедшем в свет в семидесятые годы, не нашлось места для поясняющего примечания).

В популярной песне Юлия Кима генерал Раевский назван генерал-аншефом. Это поэтическая вольность. Чин генерал-аншефа упразднен Павлом I, а вместо него появились генерал от кавалерии, генерал от инфатерии, генерал от артиллерии. Это чины 2 класса по Табели о рангах, как и существовавший до них генерал-аншеф. Выше был только чин генерал-фельдмаршала. Не песенный, а исторический Николай Николаевич Раевский был генералом от кавалерии.

Я вспомнил об этом в связи с выходом в свет словаря-справочника "Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года)". Книга I. А–Г. М.: Наука, 1996.

Обращает на себя внимание уже название словаря. Дело в том, что у нас зачастую принимают за синонимы слова *государство* и *государственность*, но они паронимы, а не синонимы, ср. *потребительная* (стоимость) и *потребительский* (спрос) и т.п. За пять веков, протекших с XV столетия, в России сменилось несколько государств. Государства заменяли друг друга, а государственность как отличительный признак организации жизни общества сохранялась. Еще одна бросающаяся в глаза черта словаря: при упоминании октября 1917 г. авторы статей не позволяют себе применять словосочетание *октябрьский переворот*, а пишут *Октябрьская революция* (не добавляя *Великая и социалистическая*). И это правильно. А те, кто именуют ее *переворотом*, видимо, забыли, а может, и не знают, что это и не ново, и не смело (Сталин в известной работе "Марксизм и вопросы языкознания" только так ее и называл). Да и сводится ли это событие нашей и мировой истории к свержению Временного правительства и захвату власти?

Четыре книги словаря содержат статьи о государственных и церковных учреждениях всех рангов, органах сословного и местного самоуправления, единицах административно-территориального, ведомственного и церковного деления. Следующие книги, число которых пока не определено, отведены чинам, должностям, званиям, титулам, духовным санам, а также типам и видам документов (в словнике словаря, т.е. в списке названий, подлежащих пояснению, одних только *наименований* документов более 4000!). Источниками для словарных статей послужили архивные документы (опубликованные и неопубликованные), законодательные и подзаконные акты, исследования по отечественной истории, энциклопедии.

Этот словарь адресован не только научным работникам, преподавателям отечественной истории и литературы в вузах и средней школе. Он будет с интересом и благодарностью встречен всеми, кого занимает история России. И, конечно, он станет верным помощником составителей комментариев к сочинениям писателей XVIII – начала XX в.

Вот хотя бы, если встретятся такие названия: *волостная расправа*, *волостное правление*, *волостное управление*, *волостной суд*.

В 1-й книге есть неточности. В разделе "Как пользоваться словарем-справочником" сказано: "Синонимичные названия и термины (т.е. совпадающие по звучанию, но принадлежащие к разным единицам описания) снабжаются цифровой пометой..." Как известно, синонимы не совпадают по звучанию (и написанию). Совпадать по звучанию и называть "разные единицы описания" (т.е. разные объекты, разные реалии) могут или омонимы или многозначные слова (в своих разных значениях). Приведенные тут же примеры (*Вальдмейстерская канцелярия 1*; *Вальдмейстерская канцелярия 2*; *Губа 1*; *Губа 2*) на омонимию не тянут. Это разные значения словосочетания *Вальдмейстерская канцелярия* и слова *Губа*, а потому их следовало бы рассматривать в составе одной словарной статьи, отделяя одно значение от другого цифрами. То же самое и с *Главным управлением путей сообщения*: из-за того, что это управление обязали с определенного времени строить здания, относящиеся к функционированию сухопутных и водных путей сообщения, его название не сделалось омонимом к предшествующему. Тут даже не приходится говорить о многозначности.

Есть необходимость в более тщательном редактировании статей. Например, в статье *Губернская земская управа* находим: "Г.з.у. избиралось... Г.з.у. ведало..." Однако *Г.з.у.* – это графическое, а не лексическое сокращение, а потому глагол согласуется не с названием буквы, а со словом, замененным на письме буквой, т.е. следовало писать *избиралась*, *ведала*. В статье "Азиатский комитет" читаем: "Учрежден положениями Комитета министров от 20 мая и 8 июля 1819 в качестве временного с целью изучения дел в Оренбургском крае, разработки мер по улучшению торговли с Верхней и Ср. Азией, охраны караванов и самих киргизов". *Верхняя Азия* – старинное географическое название, архаизм. Не каждый читатель поймет, какой регион имелся в виду. Понятно, что архаизм попал в статью из текста упомянутого документа, но читателю от этого не легче. В сходных случаях хорошо бы проконсультироваться со специалистами-географами и приводить в скобках современные названия. А упомянутые здесь же *киргизы* – это казахи (так их называли в России в XVIII и XIX в.). И тут тоже следовало бы дать современное название народа (современный этноним) в скобках.

В будущих книгах словаря возможны еще случаи появления этнонимов-архаизмов как отражение словоупотребления в документах прошлого (например, *чухонцы* вместо *эстонцы*, *самоеды* вместо *ненцы*, *татары* вместо *азербайджанцы* и т.д.).

И последнее. Справедливо указывая на уникальность и большую

культурную значимость словаря, его составители почему-то не сочли нужным сказать, кому принадлежала сама идея его создания. У них есть возможность исправить это упущение в следующей книге. Интеллектуальная собственность заслуживает уважительного отношения.

Поблагодарим авторский коллектив и пожелаем ему довести до конца огромную работу, делающую честь и ему и всем научным учреждениям, представленным в нем своими сотрудниками, и в первую голову Всероссийскому научно-исследовательскому институту документоведения и архивного дела, где родилась и начала материализоваться идея словаря. Нельзя не выразить горячую признательность и администрации Тюменской области, иждивением которой вышла в свет первая книга. Ведь известно, с какими финансовыми затруднениями ныне сталкиваются издания, например, многотомных академических словарей (Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., Словаря русского языка XVIII в., Словаря современного русского литературного языка в 20 томах).

Эр. Хан-Пира,
*кандидат
филологических наук*

Развитие речи. Школьная риторика

Возобновившийся в последнее десятилетие интерес к риторике вызвал необходимость разработки соответствующего школьного курса.

Опираясь на традиции классической риторики, авторы программы "Детская риторика" для 1–3(4) классов начальной школы ставят задачи обучения детей хорошей, "искусной" речи и эффективному общению. Для этого использованы достижения лингвистики текста, психолингвистики, теории общения и т.д. При этом содержание курса имеет ярко выраженную познавательную-практическую направленность.

Учебное пособие содержит два блока: "Общение" и "Речевые жанры". Первый раскрывает сущность общения как взаимодействия между людьми, виды общения и речевой деятельности, коммуникативные качества речи, речевой этикет, риторические действия и проч. Основные понятия второго блока – стили, тексты, речевые жанры.

Познавательные и развивающие аспекты содержания пособия органически сливаются с нравственно-риторической направленностью (мысли, идеи о воспитании внимания, уважения и доброго отношения к людям, желании сотрудничать, идеи самовыражения, самооценки и т.п.).

Оригинальная методическая инструментовка теоретического содержания курса делает учебное пособие, как показывает школьный опыт его применения, увлекательным и интересным для учащихся. На уроках предусматривается риторический анализ устных и письменных текстов, решение риторических задач, проведение коммуникативно-речевых игр.

Сквозными линиями проходят артикуляционные разминки, пяти-минутки речевой и дыхательной гимнастики: упражнения типа "Произнеси шепотом, но отчетливо...", "Задуй свечу" (для развития дыхания), «Пусть сейчас прожужжит жук: "Ж-ж-ж"; комар: "З-з-з"», "Вспомним грустные стихи. Кто почитает?"; ортологические разминки: упражнения на усвоение произносительных, словообразовательных и др. норм литературного языка; импровизационные задачи, то есть неподготовленные диалоги и монологи, развивающие спонтанную речь.

Диалоговая форма подачи небольших по объему теоретических сведений, разнообразие упражнений, живые интересные примеры, ис-

пользование мнемонических приемов, занимательных стихотворений, музыкальное сопровождение, яркий изобразительный материал – все это помогает создать в классе атмосферу свободного речевого общения, учения с увлечением. Соответствующие возрастным, психологическим особенностям детей коммуникативные игры стимулируют их познавательно-эмоциональную активность, непроизвольное и произвольное запоминание материала школьной риторики, интерес к ней как к учебному предмету.

Представленные в учебном пособии коммуникативные игры непосредственно связаны с осваиваемым материалом.

Учебное пособие, безусловно, нуждается в техническом оснащении в виде аудио- и видеозаписей, раздаточного дидактического материала, которые могли бы усилить эмоциональную насыщенность урока.

Учебное пособие "Развитие речи. Школьная риторика" (М., 1996) и методический комментарий к нему созданы под редакцией Т.А. Ладыженской коллективом кафедры культуры речи учителя МПГУ им. В.И. Ленина.

Д.В. Макарова,
(Саранск),
Л.Г. Лисицкая
(Армавир)

ОКЛИКНИ УЛИЦЫ МОСКВЫ...

Вышла из печати новая книга постоянного автора журнала "Русская речь" доктора филологических наук профессора РУДН М.В. Горбаневского "Тайны московских улиц: топонимические путешествия". В ней собраны очерки об истории происхождения и загадках названий многих московских улиц, площадей, переулков, местностей, гор, рек. Это увлекательное издание по русской словесности и москвоведению осуществлено Издательским Домом "Московские учебники – 2000" и приурочено к 850-летию столицы.

Узнать о возможности приобретения книги вы можете по телефонам издательства:

917-36-55, 917-50-42

Г.И. СОРОКИНА, И.В. САФОНОВА,
Н.В. ЛАДЫЖЕНСКАЯ

Детская риторика в рисунках, стихах, рассказах

Передо мной книга "Детская риторика в рисунках, стихах, рассказах" для 1 класса. (М.: "Просвещение", 1995).

Пройти мимо этой книги было невозможно. Почему? Потому что она связана с моим собственным восприятием родного языка. Книга посвящена формированию родной речи. Как говорят теперь – формированию языковой личности. Это очень справедливое наименование – языковые личности, индивидуумы, из которых составляются нация, народ, наконец, человечество.

Наступает время, когда маленький человек первый раз идет в первый класс. Приходит час особенного отношения к слову: "для чего нужна речь" – читаем на 1-й странице учебника "Детская риторика". Для чего? Слово веселит – Слово огорчает – Слово утешает... Зрительный ряд – рисунки – поясняет, подкрепляет и позволяет понять то, что можно сделать, пользуясь языком: говорить друг с другом, обрадовать, приласкать, объясниться в любви, но язык же (запомни, малыш!) может огорчить, обмануть, поссорить.

А раскрывают эти способности нашего языка басни, пословицы, небольшие рассказы и самые разные стихи: В. Берестов, П. Ершов со своим "Коньком-Горбунком", Ю. Мориц, К. Чуковский, С. Маршак... Непременно надо поразмыслить, чтобы ответить на вопрос: что ты думаешь о языке? А пословицы какие ты знаешь? Почему обиделась черепаха Тортилла, как Конёк-Горбунук утешает Иванушку? А вот какой интересный вопрос: ты любишь, когда тебя хвалят? А сам можешь похвалить другого? Какие найдешь для этого слова?

Конечно, надо задуматься над словами и тем, что они обозначают, чтобы вволю посмеяться над "Хохотальной путаницей" Ю. Мориц.

Следующий раздел книги "Повелось так с давних лет..." о наших

приветствиях. Это ведь большая наука – приветствовать друг друга, людей знакомых и незнакомых, ровесников и старших. Потом надо научиться прощаться, благодарить – уметь сказать *спасибо!*, быть доброжелательным, внимательным.

А разве неинтересно вспомнить такую радость чтения: "Я по улицам иду и читаю на ходу"? Или угадать, кто написал это объявление: "Нашедшего сапог прошу позвонить по телефону 34281"? Это и игра, и работа со словом.

Учебник содержит задания, которые требуют умения ориентироваться в том, что уже накопилось в памяти: угадать по словам сказку, задуматься над именем ("ты и твое имя"), выбрать рифму, сочинить сказку (картинки подскажут). Еще подумать, что и кто на кого, на что похож? Это уже учимся сравнивать – и наблюдательность нужна, и чувство образа в слове.

Примечательно, как раскрывается значение нового для первоклассника слова. Здесь встречаются настоящие находки! "Знаешь ли ты людей, которые поют баритоном или басом? Попробуй передать голоса трех тритонов, когда будешь читать стихотворение" – далее следует текст Л. Мезинова "Тритоны" (С. 80). И еще добавим: всмотришься в картинку – как раскрыл рот тритон-бас! Нельзя не запомнить.

Кроме того надо уметь говорить: не кричать, не торопиться (*за твоим языком не поспеешь босиком*), выговаривать слова четко ("повтори без запинки")...

В сложный период жизни русского языка, период небрежения, натиска, заимствований и "крутых словечек", примитивных песен, "Детская риторика" дарит надежду на добрые интересные уроки по русскому языку и любовь учеников к этим урокам.

А.А. Брагина,
доктор филологических наук

XIX Международный ономастический конгресс; X Общепольская ономастическая конференция

4–11 августа 1996 года в Абердине (Шотландия) состоялся XIX Международный ономастический конгресс, в котором приняли участие 300 делегатов от 40 стран. Основная тема Конгресса – "Объем, перспективы и методы ономастических исследований". Председателем его был профессор Абердинского университета В. Николайсен.

18–20 сентября 1996 года в Ополе (Польша) проходила X Общепольская ономастическая конференция, в которой приняли участие представители всех славянских стран, а также Германии и Австрии. Основная тема конференции – "Грамматика собственных имен", дополнительные – "Изменение собственных имен" и "Переименования" тесно связаны с первой, так как любые изменения (лексические) приводят к изменениям грамматическим. Главные организаторы Ева Якус-Боркова и Крыстына Новик, преподаватели Опольского университета.

Участники обоих мероприятий единодушно считают имена собственные неотъемлемой (и очень важной) частью любого языка. В такой стране, как, например, Германия, лингвистическое исследование, в котором не учитываются собственные имена, считается неполноценным. Такая позиция ученых поддерживается активным интересом жителей многих стран к своим именам и фамилиям, к названиям мест, их окружающих. Во Французской Канаде, например, ономастическая работа началась еще в середине XIX века, а Ономастическая комиссия существует с 1912 года.

Почти в каждой стране, чьи представители приняли участие в ономастических форумах, имеются специальные ономастические журналы. Кроме того, до 200 журналов различных направлений во всем мире печатают статьи по ономастике. Ономастический журнал Южной Африки публикует статьи на одиннадцати языках: всех европейских и нескольких местных. Что касается славянских стран, то Польша и Чехия имеют прекрасные ономастические школы. В обеих странах очень давно выходят ономастические журналы, в которых печатаются как теоретические работы общего характера, так и разработки по отдельным типам имен.

Можно наметить ряд основных направлений ономастических исследований, результаты которых были представлены на обоих форумах.

Как подчеркнул Дж. Барроу (Шотландия), топонимы – это лексиче-

ские единицы, указывающие на этническую и культурную последовательность расселения людей. В этом ключе выполнен ряд работ, посвященных ранней истории человечества. Так, Тео Веннеманн (Германия) доиндоевропейские топонимы Центральной и Западной Европы условно разделил на басконские и атлантические, считая, что басконские народы занимали территорию севернее Альп, а атлантические – запад Европы и Африки. Индоевропейские народы, по его мнению, пришли в Европу с юго-востока. Подтверждение своей гипотезе он находит в гидронимах на *ис-/из-*, *-эис-/эиз-* типа *Исар*, *Изер*, *Эйзенбах* (не имеющего отношения к современному немецкому *эйзен* "железо"), сравните старое название Темзы *Тамез*. В языке басков сохранилось слово *из* "вода". Многочисленные европейские топонимы, включающие компонент *бишоф* "епископ", он считает более поздней переделкой басконских названий с компонентом *бизкар* "спина", "горный хребет". Атлантические топонимы связывают Европу с Западной Африкой. К ним относятся гидронимы типа *Тахо/Тежу* на Пиренейском полуострове и *Тей* в Шотландии. В языке хауса (Африка) слово *тагус* означает реку. Связь Иберии (старое название Испании) с Шотландией подтверждается многочисленными названиями с начальным *пит-*, в котором отразилось древнее евро-афризийское слово, обозначающее землю, территорию, область, место.

Проблеме "Свое–чужое" в антропонимии и топонимии был посвящен доклад Эвы Брюллы (Швеция) – проблема, актуальная для стран Западной Европы, принимающих эмигрантов со всего света. Так, в Швеции при получении гражданства регистрируются только такие фамилии, которые не выглядят монстрами на общем фоне шведских фамилий, а согласуются с нормами шведского языка и орфографии. В фамилии родственных языков вносятся произвольные изменения, чтобы сделать их похожими на шведские. Если это невозможно, придумывается новая фамилия. Например, выходцы из прибрежных стран Африки получают фамилию *Страндман* (шведское *странд* "берег").

Эрнст-Михаэль Кристоф (Германия) говорил об интеграции в современную немецкую среду этнических немцев, прибывающих из бывшего СССР. Им меняют имена: *Иван* на *Иоханнес*, *Владимир* на *Вальдемар*, *Вячеслав* на *Виктор*, произвольно изменяют фамилии.

Питер Халларокер (Норвегия) показал тройной аспект имен у жителей "Скандинавской Америки". Первые переселенцы были представителями старых норвежских диалектов, связанными с устной традицией и древней культурой. Их имена отражали диалектные черты. Следующий пласт переселенцев составляли образованные люди, носители датско-норвежской культуры и литературного языка с датской орфо-

графией. В их именах отразилась новая норвежская культура. Но, живя в англоязычном окружении, они приобщились к американской культуре, и многие приняли английские имена. При регистрации американского гражданства и при покупке земель им приходилось вносить изменения в свои имена, приближая их к американским нормам.

Горячую дискуссию вызвала проблема "Своё–чужое" в топонимии. Англичане, принципиальные противники чужеземных элементов, все же назвали несколько улиц в честь Нельсона Манделы. Столь же неприемлющие иноязычного шведы одну площадь назвали в честь Мартина-Лютера Кинга.

Современную ономастическую ситуацию в России и странах бывшего соцлагеря западные исследователи называют ономастическим бумом, поскольку появляются новые ономастические категории, принципиально невозможные в этих странах в прошлом: названия фирм, корпораций, акционерных обществ, банков, издательств, радиостанций, фондов, компьютерных программ, игр и многого другого. Это отмечалось в докладах Эдгара Хоффмана (Австрия) и Карла Гутшмидта (Германия).

Перед проблемой создания названий новых объектов были поставлены и норвежцы в связи с разработкой ими нефтяных и газовых полей в Северном море. Принципиальное отличие этих объектов от всех прочих состоит в том, что они невидимы для непосредственного осмотра (находятся под водой), а их границы определяются условно. Было предложено много способов наименования этих объектов. Лучшим, по всеобщему признанию, оказалось обращение к скандинавской мифологии и сагам, о чем говорилось в докладе Элли-Йоханне Эллингсве (Норвегия).

Грамматика собственных имен – проблема, давно поставленная российскими ономастами, – стала ведущей на Опольском форуме. Когда одна и та же проблема решается учеными разных стран с различных позиций, это всегда дает мощный импульс для продвижения вперед. Рудольф Шрамек (Чехия) в докладе "Ономастичность ономастической грамматики" подчеркнул, что хотя собственные имена подчиняются нормам грамматики того языка, в котором они употребляются, у них есть ряд категорий, не присущих именам нарицательным. Существующие научные и практические грамматики не дают об этом достаточных сведений.

Большую дискуссию вызвал вопрос, поднятый Марией Бёлик (Польша) о синтаксических функциях имен собственных (в частности, могут ли они быть предикативом, т.е. именной частью составного сказуемого). Она привела серию примеров со связками *быть*, *стать*, *делаться* (в настоящем времени глагол *быть* опускается): *Я – Ева; Меня зовут Ева; Зовусь Евой; Новый город – Гдыня; Армия была без*

Наполеона; Семья была без Янека; Книга для Янека; Он был посланцем Наполеона; Он был подобен Улиссу (хитроумен); Его мать – Пенелопа (всезнающая); Это настоящий Соломон (мудрый), полагая, что имена в них стоят в функции предикативов. Дискутирующие возразили, что предикативом может быть только полизначное слово, в частности, имя собственное, прошедшее апеллятивацию (т.е. превратившееся в нарицательное), когда все знают, что Соломон – воплощение мудрости. В случаях типа *Это Ева, Это Петров* у имен собственных, скорее, не предикативная функция, а неизвестная именам нарицательным функция представления объекта, введения его в речевую ситуацию (презентативная, репрезентативная) или функция идентификации (отождествления, подтверждения, что это тот самый объект). Проблема нуждается в дальнейшей доработке и обсуждении.

Развивая тезис известного польского лингвиста Е. Курыловича об особом положении имени собственного в языке, многие слависты показали значительные отличия собственных имен от нарицательных в области словообразования. Павол Жиго (Словакия) назвал это сменой парадигм (т.е. форм словоизменения): топоним *Конске* при нарицательном *конска*, топоним *Сады* при нарицательном *сад*.

Д.Г. Бучко (Украина) показал, что вследствие многочисленных переименований географических объектов на Украине после 1946 года были утрачены многие древние славянские топонимические типы, а территория из многонациональной (до войны на Украине проживало 30 национальностей, и языковые элементы их были отражены в географических названиях) превратилась в однопациональную. В юго-западной части Украины некоторые объекты переименовывались по несколько раз.

Во многих странах создаются ономастические словари, атласы. У западных славян ономастический материал более или менее собран. Первый том общеславянского ономастического атласа уже в печати. Отсутствие равноценного материала по южнославянским и восточнославянским территориям затрудняет дальнейшую работу. Нужны атласы гидронимов, микротопонимов, работы по названиям коллективов и учреждений, домов, улиц, гостиниц, уникальных ценных предметов, по товарным знакам и иным мало известным фактам.

А.В. Суперанская,
доктор филологических наук